

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Ноам Хомский СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

Беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи

Новый американский империализм

Кембридж, Массачусетс
(2 апреля 2010 года).

На протяжении всей своей долгой карьеры Говард Зинн ¹ постоянно твердил о чересчур ненадежной исторической памяти. Историю старательно забывают, искажают, либо происходит и то и другое. Задаюсь вопросом: можно ли сравнивать империализм былой и нынешний? Чем отличается прежнее вмешательство в дела других государств и то, какую форму оно приобрело в наши дни? Если точнее, скажите: сопоставимы ли Сайгон 1963 года и нынешний Кабул?

Вьетнамские события, начавшиеся на заре шестидесятых, в сущности, преданы забвению. Их мало обсуждали тогда, а затем и вовсе вычеркнули из истории. В 1954 году Соединенные Штаты Америки и Вьетнам подписали мирный договор. Однако Соединенные Штаты сочли его абсолютно неприемлемым, не пожелали соблюдать — и создали в Южном Вьетнаме марионеточное государство, причем марионеточное по всем статьям: с пытками, убийствами и крайней жестокостью властей. К 1960 году южновьетнамские власти успели, по разным оценкам, истребить от семидесяти до восьмидесяти тысяч человек. Репрессии настолько ужасали, что привели к народному восстанию. Правители Северного Вьетнама строили собственное государство, не желали этого восстания, однако южновьетнамское движение Сопротивления попросту вынудило их помогать повстанцам на юге — по крайней мере, поддерживать морально.

Когда к 1961 году в этот конфликт оказался вовлечен Джон Фицджеральд Кеннеди, положение сделалось поистине устрашающим. И Кеннеди инициировал вторжение в Индокитай. В 1962 году президент отправил военно-воздушные силы США бомбить Южный Вьетнам, причем американские самолеты несли на крыльях южновьетнамские опознавательные знаки. Разрешалось применять напалм и химическое оружие, чтобы выкуривать повстанцев из убежищ и укрытий, а заодно уничтожать рисовые посевы. Южновьетнамских крестьян сгоняли в «стратегические деревни» — иначе говоря, поселения, обнесенные колючей проволокой и служившие концентрационными лагерями. Считалось, будто таким образом вьетнамских крестьян защищают от партизан-коммунистов. Но в правительстве США прекрасно знали: большинство крестьян поддерживает повстанцев, и столь усердно защищать их вовсе ни к чему. «Умиротворение» заставило миллионы людей

¹ Зинн Говард — один из самых известных американских политологов левого толка в XX в., историк, писатель, публицист, автор более 20 книг.

покинуть сельскую местность, а многие деревни исчезли с лица земли. Кеннеди начал боевые действия и против Северного Вьетнама, но поначалу они велись вяло. Так миновал 1962 год.

В 1963 году Кеннеди доложили: правительство Нго Динь Зьема, приведенное американцами к власти в Южном Вьетнаме, тайно готовит переговоры с Севером — Зьем и его брат Нго Динь Нью собирались подписать мирный договор. Либералы, подчинявшиеся Кеннеди, решили: проще всего избавиться от строптивых ставленников. Американцы учинили в стране переворот, оба непокорных брата погибли, а вместо них люди Кеннеди поставили у власти своего человека. Война ширилась. Но тут президента Кеннеди убили. Вопреки сложившимся легендам, Кеннеди жил, правил и умер закоренелым «ястребом» — оставался им до последнего дыхания. Он и не прочь был бы уйти из Вьетнама, поскольку знал: война весьма непопулярна в Америке, — но соглашался это сделать исключительно после полной победы над врагом. «Добьемся победы — сможем уйти: останется наш марионеточный режим».

Империализм — очень интересный термин. Соединенные Штаты изначально возникли как империя. Джордж Вашингтон писал в 1783 году: «Постепенное умножение наших селтльментов понудит индейских дикарей и волков покинуть занятые нами земли; и дикарь и волк — хищники, отличающиеся друг от друга только обликом». Томас Джефферсон предсказывал: «отсталые» племена на границах «вернутся к дикарству, к первобытному состоянию, их численность уменьшится из-за войн и лишений, придется лишь загнать их вместе с дикими животными в Скалистые горы. Когда рабство изживет себя, всех рабов отправим обратно в Африку. Потом избавимся от всех латиноамериканцев, ибо это низшая раса. Мы же представляем расу высшую, англосаксонскую, и, если именно мы полностью заселим Западное полушарие, от этого все только выиграют».

Но ничто из перечисленного не считалось проявлением империализма по причине заблуждения, которое отдельные историки называют «мифом о соленой воде». Империализм якобы начинается только в том случае, если сфера влияния распространяется за океаны и моря. Будь Миссисипи шириной, скажем, с Ирландское море — все, что происходило в тогдашней Америке, могло бы зваться империализмом. Однако именно так отзывались о происходившем современники — иначе и невозможно было. Злодейства поселенцев — а именно этими словами следует характеризовать события тех лет — самая страшная разновидность империализма, поскольку ведет к уничтожению туземных жителей. Обычные, «классические» колонизаторы просто эксплуатировали местное население, а вот поселенцы уничтожали его — «искореняли», как изящно говаривали отцы-основатели США.

Наконец, Соединенные Штаты достигли географических пределов, именуемых сегодня национальной территорией, но аппетиты США² не умерились. Экспансия тут же продолжилась. В 1898 году Соединенные Штаты, в сущности, захватили Кубу. Свои действия США назвали «освобождением» Кубы. Правда, Вашингтон отнял у Кубы и возможность и надежду самостоятельно освободиться от испанского гнета. Далее Соединенные Штаты отняли Гавайские острова у гавайских племен и вторглись на Филиппины. На Филиппинах американцы перебили несколько сотен тысяч человек и насадили колониальную систему, процветающую поныне. Среди прочего, и по этой причине Филиппины так отстают в экономическом развитии за последние двадцать-тридцать лет от прочих стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Государство оказалось как бы изгоем — отчасти потому, что Филиппины до сих пор сохраняют неоколониальную систему, навязанную Соединенными Штатами.

Но похоже, новый американский империализм значительно отличается от своей прежней формы уже одним тем, что в нынешних Соединенных Штатах настал

² В те годы — САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты). — *Примеч. пер.*

хозяйственный упадок; в итоге экономическая мощь идет на убыль, а политическое могущество и влияние оказались, подобно Луне, в ущербной фазе. Вспоминается мне, к примеру, недавно возникшая и распространившаяся по всему Западнему полушарию латиноамериканская организация: США в нее не включили. Раньше такое было немислимо, и случилось впервые за всю более чем столетнюю историю владычества США на Американском континенте.

Думается, пересуды об американском упадке нужно воспринимать с усмешкой. Соединенные Штаты Америки стали великой державой только после Второй мировой войны. Еще задолго до ее начала США считались богатейшей страной, намного обгоняя остальные государства по всем статьям, однако до известной степени оставаясь державой чисто региональной. США заправляли Западным полушарием и разве что изредка совершали краткие вылазки в Тихий океан. Истинной великой державой в то время была Великобритания. Вторая мировая война изменила все: после ее окончания Соединенные Штаты возобладали над всеми и вся. Америка стала неимоверно богата. Соединенные Штаты владели половиной мировых активов. Все остальные промышленно развитые страны были либо ослаблены, либо лежали в руинах. США находились в неповторимом геополитическом положении, устойчивом и чрезвычайно крепком, они контролировали Западное полушарие, оба океана и побережья обоих океанов, обладая невероятной военной мощью.

Ситуация уже давно изменилась. Европа и Япония восстановили свои позиции, колониальные режимы развеялись. К 1970 году Соединенные Штаты опустили, назовем это так, до уровня обладателей 25 % мирового богатства, что приблизительно соответствует тому запасу денег и ресурсов, которым они располагали в двадцатых годах. Америка по-прежнему оставалась великой мировой державой, но далеко уже не той, какой была в 1950 году. С 1970 года положение США на мировой арене пребывало устойчивым, хотя определенные изменения, конечно, произошли.

Думаю, события в Латинской Америке не связаны с переменами в Соединенных Штатах. На протяжении последнего десятилетия, впервые за пять веков после испанских и португальских завоеваний на континенте, Латинская Америка начала самостоятельно решать свои задачи. Страны Латинской Америки, прежде крайне разделенные, разобщенные, понемногу сплотились. Каждая из них в отдельности ориентировалась на Запад — вначале на Европу, затем на Соединенные Штаты. Латиноамериканская интеграция очень важна. Она означает: отныне будет совсем не просто управлять с этими странами поочередно и поодиночке. За последнее время США уже проверили это на деле в нескольких чрезвычайно важных случаях. Ныне страны Латинской Америки способны объединиться и противостоять внешней угрозе.

Другое важное достижение, даже более значительное и намного более сложное, состоит в том, что — повторяю — страны Латинской Америки начинают решать свои внутренние задачи самостоятельно, каждая в отдельности. Латинская Америка — сущий стыд и позор. Со своими природными богатствами Латинская Америка должна была стать величайшим континентом, особенно Америка Южная. Столетие тому назад многие полагали: Бразилия сделается «южным исполином», способным поспорить экономической мощью с Соединенными Штатами — так называемым «северным колоссом». Вместо этого Латинская Америка изнемогает от ужасающей нищеты и крайнего неравенства — наихудшего в мире. Все латиноамериканские богатства сосредоточиваются в руках очень небольшой, преимущественно европейской по происхождению белой элиты — причем богатство существует бок о бок с немислимой бедностью и страданиями. Сейчас кое-кто предпринимает определенные попытки выйти из этого тупика, что очень важно — и это является одной из форм интеграции, происходящей на континенте. Таким образом Латинская Америка освободится от «опеки» США.

Впрочем, и Соединенные Штаты не теряют времени даром. В 2008 году США вытеснили с их последней военной базы в Южной Америке — а именно с военно-воздушной

базы близ эквадорского города Манта. Но США тут же оборудовали семь новых военных баз в Колумбии, единственной южноамериканской стране, все еще благосклонной к североамериканцам. Однако колумбийский конституционный суд все еще не предоставил Соединенным Штатам доступа к этим базам. Президент Барак Обама добавил к их числу еще две сухопутные и две военно-морские базы в Панаме. В 2008 году администрация президента Буша-младшего вновь сформировала Четвертый флот США, в задачу которого входило контролировать воды Карибского бассейна и Латинской Америки. Этот флот расформировали в 1950 году, после Второй мировой войны. Расходы североамериканского правительства на военную подготовку латиноамериканских офицеров увеличились в последнее время до крайности. Латиноамериканцев готовят к вооруженной борьбе с так называемым «радикальным популизмом». В Латинской Америке под этим выражением подразумевается нечто весьма определенное — и неприятное донельзя.

Каких-либо американских документов, подтверждающих этот факт, не имеется, но весьма вероятно, что поддержка, которую президент Обама оказывает правительству Гондураса, пришедшему к власти в результате военного переворота, связана с размещением в этой стране военно-воздушной базы — причем обратите внимание: помощи той не одобряют ни европейские, ни латиноамериканские государства. Получившая в восьмидесятих годах название «непотопляемый авианосец», гондурасская авиабаза в свое время использовалась для нападений на Никарагуа, и поныне остается одной из самых крупных действующих военно-воздушных баз. А вскоре после военного переворота новые руководители страны заключили договор о безопасности с Колумбией, еще одним латиноамериканским государством, почти полностью зависящим от США.

Повсюду происходит множество сложных преобразований. Сегодня часто говорят о всемирных сдвигах влияния. Индия и Китай вскоре станут новыми сверхдержавами, богатейшими странами. И все же необходимо относиться к перечисленным фактам крайне сдержанно и осторожно. Например, так же часто сегодня говорят об американском долге и о том, что Китай владеет большим количеством американских облигаций. Но в действительности Япония контролирует большую долю американского долга, чем Китай. Были времена, когда Китай обгонял Японию по этой части, но сегодня именно Япония владеет самой крупной долей американского долга — и к тому же владеет ею дольше остальных. Если сложить вместе все суверенные инвестиционные фонды Объединенных Арабских Эмиратов, то скорее всего окажется: Эмираты тоже владеют большей частью американского долга, чем Китай.

Надо сказать, вся обстановка, порождающая разговоры об упадке США, вводит в заблуждение. Нас учат размышлять о мире как совокупности государств — более или менее самостоятельных. Если возьметесь изучать теорию международных отношений, узнаете: существует так называемая реалистическая теория международных отношений, согласно которой государства представляют собой анархический мир, и каждое из них блюдет лишь собственные «национальные интересы». На самом деле это чистейшей воды миф. Есть, разумеется, интересы, присущие каждому государству — буквально каждому, без исключения: к примеру, ни одна страна не хочет, чтобы ее уничтожили. Но в большинстве случаев загвоздка в том, что внутри каждой нации отдельные люди имеют совершенно разные интересы. Интересы директора компании General Electric и уборщицы, подметающей на его этаже, не совпадают. Власти Соединенных Штатов насаждают иллюзию: дескать, мы одна счастливая семья, классовых различий не существует, мы все работаем вместе и в полной гармонии. Это абсолютно не соответствует действительности.

Кроме того, подобная иллюзия откровенно лжива — это известно всем, и уже давно. Возьмем, к примеру, такого экономиста-радикала, как Адам Смит, — всеми глубоко почитаемого, однако никем не читаемого. Смит сказал: в Англии творят политику люди, владеющие всем. Люди, владеющие всем, зовутся «купцами и фабрикантами». Они-то и являются «главными архитекторами» существующей политики, они же и претворяют ее в жизнь ради собственных интересов, не обращая ни малейшего внимания на то, насколько

сильно такая политика вредит остальным англичанам, — это купцам и фабрикантам вполне безразлично. Разумеется, Адам Смит был старомодным консерватором и обладал соответствующими нравственными понятиями. Смита возмущали многие, как он выражался, «дикие несправедливости» европейцев — особенно те, что Британия творила в Индии, не раз доводя страну до ужасного голода и прочих подобных бедствий. Но старомодный консерватизм Адама Смита — совсем не то, что зовется консерватизмом сегодня.

Власть больше не сосредоточена в руках «купцов и фабрикантов» — она перешла под контроль финансовых и прочих подобных межнациональных учреждений. А итог остается тем же. Указанные учреждения заинтересованы в развитии Китая. Скажем, вы председатель правления одной из таких компаний, как Walmart, или Dell, или Hewlett-Packard. Вы с удовольствием воспользуетесь дешевой рабочей силой Китая: приметесь эксплуатировать несчастных людей, трудящихся за скудные гроши в ужасных условиях, людей бесправных и безропотных. И до тех пор пока в Китае продолжается то, что вежливо зовут экономическим ростом, это считается вполне естественным.

А по правде сказать, китайский экономический рост — еще один своеобразный миф. Китай, в сущности, — лишь огромный сборочный конвейер. Страна является крупнейшим экспортером, но, в то время как торговый дефицит США с Китаем увеличился, торговый дефицит Китая с такими странами, как Япония, Сингапур и Корея, уменьшился. Причиной тому стало создание региональной системы производства. Более развитые страны региона — Япония, Сингапур, Южная Корея и Тайвань — посылают передовые технологии, детали и различное промышленное сырье в Китай, предоставляющий свою дешевую рабочую силу, для того чтобы собирать готовые товары и затем экспортировать их. Американские корпорации не отстают: посылают детали и сырье в Китай, где рабочие собирают конечные продукты. С точки зрения экономики все это называется китайским экспортом, но, по сути, здесь в основном региональный экспорт, а в некоторых случаях — некий экспорт Соединенных Штатов самим себе.

Если отрешиться от понятия о «национальных государствах», якобы существующих как единое целое, без раздирающих их изнутри противоречий, то можно увидеть: произошел всемирный сдвиг промышленного влияния. И рабочий люд окончательно уступил владыкам мира — межнациональному капиталу и международным финансовым учреждениям. К примеру, доходы рабочего класса в качестве процента от валового национального продукта за последние два десятилетия в значительной степени снизились, но ведь вполне очевидно, что в Китае это снижение намного более заметное, чем в большинстве других стран. Безусловно, и в Китае, и в Индии происходит существенный экономический рост. Сотни миллионов людей живут намного лучше прежнего, но для сотен миллионов других людей ничто не изменилось. Напротив, жизнь их во многом стала хуже прежней.

В индексе развития человеческого потенциала ООН Индия заняла 134-е место, что лишь немногим выше индекса таких стран, как Кампучия и Лаос. Китай занял 101-е место.

Индия находится приблизительно там же, где пребывала двадцать лет назад, прежде чем начались пресловутые реформы. Да, в стране произошел существенный экономический рост. Приедете в Дели — увидите изобилие и роскошь. Но это богатство — лишь некая привычная «вывеска третьего мира», истинная показуха. В наихудшие былые времена, посети вы самую бедную страну мира — скажем, Гаити, — заметили бы общественный слой: белых, европейцев, может быть, некоторое количество мулатов, живших в невероятной роскоши, обладавших огромными состояниями. Сегодня можете увидеть то же самое и в Индии, только на совершенно другом уровне. Да, сегодня в Индии сотни две миллионов людей имеют телевизоры, машины и живут в неплохих домах. Есть в Индии мультимиллионеры, возводящие для себя настоящие дворцы. И в то же самое время, за этот же период бурного экономического роста, среднестатистическое потребление продуктов питания сократилось в Индии устрашающим образом.

Между прочим, самым богатым человеком в мире сегодня выступает мексиканец —

Карлос Слим³. В текущем году он опередил даже Билла Гейтса. За последние двадцать-тридцать лет после состоявшейся в Мексике приватизации Слим сумел почти полностью прибрать к рукам все мексиканские системы вещания и связи.

Кстати, думается, что нужно глядеть на рейтинги развития, ныне приписываемые Китаю, с изрядной долей иронии. Индия — куда более гласное общество; о том, что творится в Индии, мы знаем куда больше. Китай же — государство замкнутое. Не очень много известно о происходящем в китайских деревнях и селах. Довольно важными исследованиями по этой части занимается социолог из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Чин Кван Ли. Она досконально изучила условия труда в Китае и разделяет страну на две части — как сама она выражается: «Ржавый пояс» и «Солнечный пояс». «Ржавый пояс» протянулся по северо-востоку страны: огромная промышленная область, где находились в основном старые государственные предприятия. Однако все это уже в прошлом, все это исчезло с лица земли. Чин Кван Ли сравнивает китайский «Ржавый пояс» с таким же «Ржавым поясом», существовавшим некогда и в США. У американских рабочих из этого «Ржавого пояса» нет за душой почти ни гроша. Прежде они простодушно считали, будто имеют «социальный контракт». Социологи опросили рабочих в штатах Огайо и Индиана. Люди чувствуют себя обманутыми и ограбленными. Повторяю: они полагали, будто имеют некий социальный контракт с корпорациями и правительством, будто станут работать не покладая рук всю свою жизнь, а взамен получают пенсии и уверенность в завтрашнем дне, и детям их дадут работу. Люди работали, служили в армии, жили как достойные граждане. Теперь же их вышвырнули на свалку. Никаких пенсий, никакой уверенности в завтрашнем дне, никакой работы. Все производство перевели в другие места. Чин Кван Ли обнаружила: весьма похожая беда случилась и в китайском «Ржавом поясе» — с той лишь разницей, что социальный контракт в Китае представлял собой маоистскую разновидность американского контракта: мы передовой народ, мы строим новую страну, мы готовы приносить жертвы ради нее, — а уж затем появится и уверенность в завтрашнем дне.

«Солнечный пояс» — Юго-Восточный Китай; сегодня это огромная промышленная область, на чьи заводы и фабрики стекается множество молодых рабочих, вчерашних крестьян. У этих рабочих нет ни маоистской сплоченности, ни желания работать во имя будущего. Они — простые крестьяне, выходцы из деревень. Там остались их родные, там растут их дети, туда они могут вернуться, если потеряют работу. Они — странствующая рабочая сила.

По всему Китаю прокатываются волнения рабочих. На юго-востоке, в «Солнечном поясе» — потому, что правительство не выполняет ни долга своего, ни своих обязательств. Существуют законы, согласно которым рабочим причитается определенное жалованье и определенные условия труда, — но у рабочих ничего этого нет. Рабочие принимают протестовать. Даже по официальной статистике, в Китае огромное количество протестов. Рабочий класс раздроблен, однако настроен крайне воинственно. О событиях в сельской глубинке мы не знаем, по сути, ничего. Ко всему этому, в Китае растет число невероятных по размаху экологических проблем.

Таким образом, если измерять экономический рост точнее, исчисляя не только количество производимых товаров, но также их себестоимость — иначе говоря, издержки производства, то и темпы роста Китая, и место, занимаемое страной в индексе развития человеческого потенциала, вероятно, оказались бы куда ниже, хотя и 101-е место — весьма незавидное.

На двери вашего кабинета в Массачусетском технологическом институте приклеена

³ Слим Карлос — мексиканский миллиардер ливанского происхождения, основным активом которого является компания Telefonos de Mexico — крупнейшая корпорация страны.

табличка со знаменитым изречением генерала Смедли Батлера ⁴, кавалера двух медалей Почета, участника многих американских вторжений в другие страны — от Китая до Никарагуа. Табличка гласит: «Война — просто грабеж, рэкет, в котором меньшинство получает выгоду, а большинству приходится платить».

И в самом деле генерал очень выразительно определил войну как своеобразный грабеж с угрозами: рэкет. Он говорит: «Я был рэкетиром капитализма» — и описывает роль, сыгранную им во многих вторжениях. Очень своевременный пример — Гаити. Когда в 1915 году президент Вудро Вильсон санкционировал ввод войск на Гаити, Смедли Батлер был одним из американских командующих, высадившихся на острове. Правда, возглавляли эту военную экспедицию другие люди, но генерал был тем самым офицером, которого Вудро Вильсон послал разогнать гаитянский парламент, отказавшийся принять написанную Соединенными Штатами конституцию, что разрешала американским корпорациям за бесценок скупать все земли на Гаити. Эта мера в те дни считалась весьма передовой. Великие политические мыслители заявляли: Гаити необходимы зарубежные капиталовложения, чтобы развиваться. Но ведь нельзя же было ожидать, что американские дельцы вложат свои деньги в Гаити раньше, чем завладеют страной. Значит, необходимо ввести передовое законодательство. А остальные люди этого не понимают, вот мы и вынуждены распустить островной парламент. Батлер рассказывал: парламент Гаити распустили наипростейшим способом из тех, какими всегда пользовались в подобных случаях североамериканские морские пехотинцы, — ударами прикладов и нацеленным пулеметом. Затем упомянутые морские пехотинцы, возглавляемые Батлером, провели всенародный референдум, в ходе которого 99,9 % гаитян высказались в пользу новой конституции, предложенной США. Правда, во всенародном референдуме участвовало только 5 % народа, а именно — гаитянские богачи, сливки островного общества. Кампанию объявили великим демократическим достижением. Гаитянские события привели к тому, что местное население лишилось собственной земли и люди поголовно превратились в заводских рабочих, стоящих у конвейера, — тогдашние передовые мыслители считали это «сравнительным преимуществом» для подобного рода «двуногих животных». Вдобавок ко всему этому «на закуску» — без малого столетие спустя — произошло еще и ужасное стихийное бедствие, свидетелями которого мы стали в январе 2010 года: землетрясение на Гаити.

В последующие годы Батлер очень озлобился. Он предотвратил покушение на президента Франклина Делано Рузвельта — попытку государственного переворота, которую намечали деловые круги страны. Генерал вмешался и пресек заговор. Его проклинали за то, что выступил против переворота. Батлер был истинно американским героем.

Давайте поговорим об Афганистане и той войне, что США ведут в этой стране. В марте 2010 года Обама посетил авиабазу Баграм, где совершались неслыханные по размаху военные преступления, оставшиеся почти не замеченными мировой прессой. Обама сказал американским военнослужащим: «Ваша миссия крайне важна», а затем заявил: «Не мы начали эту войну. Америка не стремилась расширить свое влияние, мы не хотели вмешиваться в чужие дела. На нас вероломно напали 11 сентября». В конце своей речи Обама сказал собравшимся военным следующее: «Если хотя бы на минуту я усомнился в том, что здесь, в Афганистане, речь идет о защите жизненно важных интересов США, то немедленно вернул бы всех вас домой». Каковы, с точки зрения президента Обамы, эти жизненно важные интересы США?

Действительно, существуют некие стратегические интересы, но подозреваю, что

⁴ Смедли Батлер, скончавшийся в 1940 г., считался самым заслуженным морским пехотинцем в истории США. После выхода в отставку в 1931 г. стал ярким пацифистом и критиком агрессивной политики США. В 1934 г. выступил с разоблачениями заговора против президента Рузвельта. В 1935 г. написал знаменитую книгу «Война — это рэкет».

основными все же являются причины, связанные с внутренней политикой США. Даниэль Эллсберг⁵ довольно точно сказал некогда о вьетнамской войне: «Если уходите из чужой страны без победы — это принято называть поражением, — вы в буквальном смысле слова политический труп». Обама получил афганскую войну в наследство. И подозреваю: нынче Обамой руководит исключительно инстинкт политического самосохранения.

Соединенные Штаты вторглись в Афганистан вовсе не из-за вероломного нападения на Америку. Конечно, 11 сентября США получили неожиданный и сильный удар, однако правительство до сих пор и понятия не имеет, кто именно его нанес. Через восемь месяцев после нападения, после крупнейшего международного следствия, проведенного в истории человечества, глава Федерального бюро расследований сообщил представителям прессы: мы по-прежнему не знаем, кто совершил террористический акт. И добавил: имеются подозрения. Подозрения состоят в следующем: заговор вызрел на афганской почве, а орудовали заговорщики в пределах Германии, Объединенных Арабских Эмиратов и — конечно — самих Соединенных Штатов.

После событий 11 сентября Буш-младший, по сути, приказал талибам выдать Соединенным Штатам Усаму бен Ладена. Талибы стремились выиграть время, оттого и медлили с ответом. Конечно, бен Ладена могли бы и выдать Америке — но Талибан попросил представить доказательства тому, что бен Ладен стоял за террористами, ударившими по США 11 сентября. Правительство не смогло представить каких-либо доказательств: их попросту не было. И США ответили на просьбу Талибана полным презрением. Какие могут быть доказательства, если мы *требуем* чего-то? Это наглый вызов Соединенным Штатам! И президент Буш просто-напросто не предупредил жителей Афганистана о том, что их будут бомбить до тех пор, пока Талибан не выдаст Усаму бен Ладена. И ни слова тогда не сказал о том, что необходимо свергнуть Талибан. Это произошло три недели спустя, когда британский адмирал Майкл Бойз, начальник штаба обороны Великобритании, объявил афганцам: бомбежки будут продолжаться до тех пор, пока вы не свергнете свое правительство. Все это прекрасно определяется понятием терроризма, однако на самом деле намного хуже. Это — неприкрытая агрессия.

О чем думали сами афганцы? Угадайте. Ведущие деятели афганских движений, противостоящих Талибану, резко осуждали американские бомбардировки. Через две недели после начала воздушных налетов любимец американского истеблишмента Абдул Хак⁶, считающийся великим афганским мучеником, прилюдно поведал о том, что происходит: «Американцы бомбят Афганистан, стараясь похвалиться своей мощью. Они сводят на нет все усилия афганского народа свергнуть Талибан — так что же остается делать нам, простым афганцам? Если бы американцы не убивали невинных людей, а помогли нам, то мы бы сумели победить Талибан». Вскоре после этого в Пакистане, в городе Пешавар, встретились вожди различных местных племен. Вождей набралось тысяча человек. Частью они явились из Афганистана — пешком, через горные перевалы, добираясь до Пешавара, а частью были пакистанцами. Во время встречи жарко спорили, дискутировали по различным вопросам, но единодушно требовали: прекратите бомбить Афганистан! Это случилось приблизительно через месяц после начала бомбардировок. Можно ли было свергнуть Талибан силами самих афганцев? Скорее всего, да — в стране имелись довольно мощные организации, враждебные талибам. Но Соединенные Штаты этого не хотели. США хотели вторгнуться в Афганистан,

⁵ Эллсберг Даниэль — бывший американский военный аналитик. В 1971 г. передал прессе множество документов о войне во Вьетнаме, вызвавших огромный скандал и получивших название «Документы Пентагона». Видный активист антивоенного движения.

⁶ Хак Абдул — афганский полевой командир, один из предводителей моджахедов во время вооруженной борьбы с советскими войсками. Будучи умеренным центристом и обладая огромным влиянием среди народа, попытался объединить разрозненные силы в стране против движения Талибан. Казнен талибами в октябре 2001 г.

завоевать его, а затем возвести в правители своего ставленника.

То же самое творилось и в Ираке. Не введи США пресловутых санкций, Саддама Хусейна почти наверняка свергли бы изнутри — точно таким же образом, как целую вереницу других мошенников и бандитов, на которых США и Великобритания в свое время глядели благосклонно: таких, как, к примеру, Николае Чаушеску — один из самых жестоких диктаторов Восточной Европы. Никто не хочет об этом вспоминать — но ведь Соединенные Штаты поддерживали Чаушеску до самого конца! Сухарто в Индонезии, Фердинанд Маркос на Филиппинах, Жан-Клод Дювалье на Гаити, Чон Ду Хван в Южной Корее, Мобуту Сесе Секо в Заире — всех этих диктаторов свергли собственные народы. Но Соединенные Штаты не хотели этого в Ираке. В Ираке планировалось установить желанный, марионеточный режим. То же самое относится и к Афганистану.

В мире существуют геостратегические факторы. Они весьма значимы. Насколько велика их роль в глазах крупных политических деятелей, ведающих стратегическими вопросами, остается лишь гадать. Но имеется одна очень веская причина, по которой все пытаются завоевать Афганистан еще со времен Александра Македонского. Эта страна занимает крайне важное стратегическое положение относительно Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока. В наше время такое стратегическое положение страны сказывается на различных проектах прокладывания трубопроводов. Пока что проекты вынужденно пылятся на полках. Не скажешь в точности, насколько важны эти доводы сегодня, однако еще в девяностых годах Соединенные Штаты не щадили усилий, обустроив проведение Трансафганского газопровода (ТАПИ) из Туркменистана, обладающего огромными запасами природного газа, в Индию. Трубопровод должен пройти через Кандагар. Таким образом, в проект вовлечены все вышеупомянутые страны: Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индия. Соединенные Штаты хотят проложить упомянутый трубопровод по двум причинам. Первая причина — США стремятся воспрепятствовать попыткам России получить полный контроль над рынком природного газа. Это своеобразная «большая игра» в геополитике: а кто первым дотянется до природных богатств Средней Азии? Вторая причина связана с попытками изолировать Иран. Самый простой с географической точки зрения способ снабжать Индию энергоресурсами — поставлять их из Ирана по нефтепроводу, протянутому прямо оттуда в Пакистан и затем в Индию. Соединенные Штаты делают все возможное, чтобы предотвратить подобный поворот дела. Это довольно сложно. Пакистан недавно согласился на строительство нефтепровода из Ирана в Пакистан. Сейчас возникает вопрос: присоединится ли Индия к этим договоренностям? Строительство Трансафганского газопровода могло бы свести на нет все усилия протянуть нефтепровод из Ирана.

Те события, которые я только что назвал, во всей своей совокупности, вероятно, и составляют главную причину, по которой в 2008 году Соединенные Штаты заключили с Индией соглашение, позволяющее ей невозбранно пренебрегать Договором о нераспространении ядерного оружия и покупать ядерные технологии, пригодные для производства атомных бомб и ракет. Это еще один способ вовлечь Индию в сферу интересов Соединенных Штатов и отдалить ее от Ирана.

Так вот и движутся дела. В них замешаны многочисленные и разнообразные политические интересы. Но все же подозреваю: главную роль тут играет внутренняя политика. Мы не можем просто так убраться из Афганистана, не одержав там победу. Это равнозначно политическому самоубийству американских правителей.

Связано ли это с тем, что заметно участились и усилились атаки «шершней» — беспилотных самолетов — в Пакистане?

Да, связано. Атаки ужасны, однако и довольно интересны с политической точки зрения. Они красноречиво говорят об американской идеологии. Воздушные налеты американских «шершней» ни для кого не секрет. Конечно, мы многого не знаем о том, что происходит в действительности. Население Пакистана большей частью негодует по поводу налетов, но те

считаются оправданным приемом боевых действий, поскольку пакистанское руководство втайне одобряет их. К счастью для нас, Пакистан — столь жестокая диктатура, что властям вовсе не обязательно учитывать мнение собственного народа. Стало быть, если страной правит жесточайшая диктатура — просто великолепно: в этом случае тамошнее руководство потихоньку даст согласие на все, что мы творим, и не обращает ни малейшего внимания на собственный народ, который в подавляющем большинстве возмущается нашими действиями. То есть недостаток демократии в Пакистане оборачивается для нас благом. А газеты американские голосят: «Мы укрепляем всемирную демократию!» Джордж Оруэлл назвал это «двомыслием» — способностью одновременно держать в голове две противоположные идеи, считая истинными обе. Двомыслие и определяет нашу умственную культуру. Происходящее в Пакистане — непревзойденный тому пример. Да, воздушные удары «шершней» приемлемы и даже хороши — ибо руководство Пакистана втайне с ними согласно. Но можно и внушить населению страны, что правители якобы возражают против бомбежек — почему бы и нет? Ведь «шершней» люто ненавидит почти весь народ...

В Индии, сопредельной Пакистану, за последнее время оживилось внутреннее сопротивление политике неолиберализма. Манмохан Сингх, в настоящее время занимающий должность индийского премьер-министра, в начале девяностых годов был министром финансов. Именно он случайно сделал тайное явным, когда в своей речи перед индийским парламентом в июне 2009 года объявил: «Если левый экстремизм — очень широкое определение, под которое в Индии попадают наксалиты ⁷, маоисты, террористы, — будет по-прежнему шириться в тех областях страны, где находятся огромные запасы полезных ископаемых и других природных богатств, инвестиционный климат в стране ухудшится весьма значительно».

Да, это правда. Целый ряд западных инвесторов, а также местные индийские инвесторы хотели бы попасть в богатые природными ресурсами регионы страны даже при условии, что это со стопроцентной вероятностью означало бы необходимость или избавиться от местных племен, или разрушить их образ жизни. По сути, внутренние войны идут в Индии с момента создания индийского государства. А если заглянуть еще дальше, эти войны уходят своими корнями намного глубже в историю, в самые ранние периоды британского правления. В целых регионах страны, причем крупных, войны идут прямо сейчас. Некоторые индийские штаты находятся на осадном положении. Однако, несмотря на все перечисленные обстоятельства, необходимо получать новые и новые средства и ресурсы для продолжения того, что зовется бурным экономическим ростом страны.

Индия фигурирует в геостратегических планах США как визави Китая. В последнее время индийцам продают все больше американского оружия, расширяется сотрудничество между военными обеих стран и их же разведывательными службами. Израиль также вовлечен в эти процессы. Как Индия проделала путь от неприсоединившегося государства до государства, которое стало настолько тесно сотрудничать с Соединенными Штатами?

Индия была не просто неприсоединившимся государством — она возглавляла движение неприсоединения. У Индии сложились довольно близкие военные связи с Россией, но что касается политики и идеологии, Индия находилась в самом центре движения неприсоединения. Все это изменилось. На сегодня Индия ведет очень сложную игру. Она старается поддерживать отношения с Китаем, хотя в этих отношениях существуют проблемы. Экономические и другие связи с Китаем продолжают расширяться, но в то же время между двумя странами остается нерешенным конфликт в районе Ладакха. В 1962 году здесь шла китайско-индийская пограничная война, и этот регион до сих пор остается зоной конфликта.

⁷ Наксалиты — неофициальное название вооруженных коммунистических, преимущественно маоистских, группировок в Индии. Название происходит от местности, где состоялись первые выступления.

Думаю, сегодня Индия пытается решить, как отыскать себе наиболее правильное место в системе глобальной политики. Отношения с Соединенными Штатами и Израилем, союзником США, ныне стали очень тесными. Подразделения индийской армии, нападающие на районы, где обитают мятежные племена, очевидно, используют израильскую технику. На протяжении многих лет одной из услуг, которые Израиль предоставлял Соединенным Штатам, был государственный терроризм. На этом поприще Израиль весьма преуспел. Израильские террористы орудовали и в Южной Африке, и в Центральной Америке, а теперь занимаются точно тем же в Индии — вероятно, в Кашмире: так говорят, однако не знаю, насколько это справедливо. Очень возможно, что действуют они и в курдских районах Северного Ирака.

Израиль выступает в роли наемника уже на протяжении тридцати лет и помогает США — под «США» в данном случае я имею в виду Белый дом — обходить санкции конгресса. К примеру, конгресс ввел санкции на оказание помощи Гватемале, где царил худший из террористических режимов Центральной Америки. Тогда Вашингтон стал переправлять деньги этому режиму через Израиль и Тайвань.

Соединенные Штаты — очень крупное государство. Маленькие страны нанимают террористов-одиночек, таких как, к примеру, Карлос «Шакал». Соединенные Штаты нанимают целые террористические государства. Это намного выгоднее. Таким способом можно решать более грязные и тяжелые задачи. Израиль — одно из таких террористических государств, а Тайвань — еще одно. Некогда была таким же государством и Британия.

Индийско-израильские отношения стали очень близкими отчасти и благодаря невероятно напряженным усилиям США по созданию глобальной системы, которая предоставила бы Соединенным Штатам геостратегическое преимущество над Китаем. Но действительность еще сложнее. Китай, к примеру, сейчас выдвигается в Саудовскую Аравию, самое сердце американских интересов. Полагаю, Китай на сегодняшний день является крупнейшим импортером саудовской нефти. И не стоит забывать: взаимные связи Поднебесной с Пакистаном уходят глубоко в историю. Китайская Народная Республика собирается строить порты в Карачи и Гвадаре, что позволит государству получить доступ к морям Южной Азии и, следовательно, ключ к импорту нефти и минеральных ресурсов из Африки. То же самое происходит сейчас и в Латинской Америке. На сегодня Китай, вероятно, стал ведущим торговым партнером Бразилии. Тут он обогнал и Соединенные Штаты, и Европу.

Мы оба присутствовали на выступлении Арундати Рой⁸ в Гарвардском университете, в ходе которого она говорила о мощном сопротивлении, что существует сейчас в Индии по отношению к политике неолиберализма. Коренное население страны притесняют невероятно. Я написал Говарду Зинну о ее выступлении. Он ответил мне в одном из последних своих электронных писем: «По сравнению с Индией Соединенные Штаты выглядят пустыней».

Так было не всегда. Вспомним XIX век — коренное население Соединенных Штатов в то время оказывало серьезное сопротивление белому большинству. И тут уж именно США являются пустыней, ибо мы уничтожили все коренное население страны. Соединенные Штаты тогда выиграли войну. К концу XIX столетия коренное население почти полностью исчезло. Индия сегодня находится на том этапе своего развития, на котором США находились в XIX веке.

Я сейчас думаю о рабочих, потерявших работу, пенсию и социальные льготы. Во время выступления в Портленде, штат Орегон, которое называлось «Когда элиты терпят фиаско», вы осуждали тот факт, что левые силы не смогли организовать сопротивление, в

⁸ Рой Арундати — известная индийская писательница, придерживающаяся левых взглядов, ярая противница неолиберальной глобализации.

то время как правые силы уверенно смогли это сделать.

Это правда. Но я не думаю, что Индия — хороший пример для сравнения. С моей точки зрения, более ранние периоды в истории США являются лучшими примерами.

Возьмем тридцатые годы XX века. Великая депрессия началась в 1929 году. Приблизительно через пять лет рабочий класс уже стал довольно организованной и грозной силой, был создан Конгресс производственных профсоюзов США, начались сидячие забастовки. Именно эти процессы в обществе и заставили Рузвельта начать реформы «Нового курса». Этого, однако, не произошло в ходе нынешнего экономического кризиса. Не стоит забывать, что двадцатые годы прошлого века были тем периодом в истории, когда рабочее движение в стране оказалось почти полностью разгромлено. Один из самых видных историков рабочего движения в Соединенных Штатах Дэвид Монтгомери⁹ написал книгу, озаглавленную «Крушение конгресса рабочего движения» (*The Fall of the House of Labor: The Workplace, the State, and American Labor Activism, 1865–1925*). Бурный рост рабочего движения в США начался в XIX веке выступлениями воинствующих активистов и продолжался до начала XX века уже в виде агитации рабочего класса. Однако рабочее движение было подавлено президентом Вудро Вильсоном, отличавшимся жестокостью не только за пределами Соединенных Штатов, но и внутри страны. Красная угроза сильно подкосила рабочее движение. Это произошло в двадцатых годах. Затем начались потрясения тридцатых, когда наступила Великая депрессия, длившаяся несколько лет. И Великая депрессия была намного хуже, чем та депрессия, в которой США находятся сегодня.

Кроме того, тогда существовал еще целый ряд других факторов. Например, такой, как Коммунистическая партия. Хотя об этом сейчас не принято говорить, но в те времена компартия была хорошо организованным и неизменным элементом рабочего движения. Рабочие не появлялись просто так на демонстрациях и не разбегались, как это делали другие, чтобы впоследствии кому-то пришлось все начинать сначала. Эта партия всегда была в самой гуще рабочего движения, и она оставалась там надолго. С сегодняшней организацией то движение не имеет ничего общего. И не стоит забывать, что Коммунистическая партия была впереди всех в деле борьбы за гражданские права, а это было очень важно в тридцатых годах. Они также были сильны в деле организации рабочего движения, борьбы профсоюзов. Они были той искрой, которой стране сейчас так недостает.

Почему же этой искры сейчас так недостает?

Прежде всего, Коммунистическая партия была полностью ликвидирована. Всех активистов левого движения уничтожили при президенте Гарри Трумэне. То, что мы называем маккартизмом, в действительности началось при Трумэне. Да, профсоюзы после этого стали разрастаться, но это были не прежние профсоюзы, а профсоюзы коллаборационистов, соглашателей. Кстати, это явилось одной из причин, по которой Канада — очень похожая на нас страна — имеет общественную систему здравоохранения, а мы нет. В Канаде профсоюзы боролись за систему здравоохранения для всей страны. В Соединенных Штатах они боролись за медицинское обслуживание только для себя. Таким образом, если вы рабочий на автомобильном заводе здесь, в Соединенных Штатах, то у вас имеются неплохая медицинская страховка и пенсионный план. Члены профсоюза добились такого медицинского обслуживания для себя в рамках контракта с корпорацией, на которую работали. И думали, будто у них есть контракт. Однако и подумать не могли, что это контракт самоубийцы. Если корпорация решит, что контракт закончился, то его — контракта — больше нет, он закончился. А тем временем остальная страна вообще не получила никакой системы медицинского страхования. Таким образом, сегодня Соединенные Штаты имеют совершенно нефункционирующую систему здравоохранения — в то время как Канада

⁹ Монтгомери Дэвид (1927–2011) — один из самых известных историков США в области истории рабочего движения. Вместе с Дэвидом Броди и Гербертом Гутманом он считается основателем «новой истории рабочего движения».

имеет систему здравоохранения более или менее работоспособную. Все это лишь отражение разных культурных ценностей и различающейся структуры государственных институтов в двух очень похожих государствах. Рабочий класс действительно продолжал развиваться и расти в Соединенных Штатах, но это происходило в условиях классового коллаборационизма, то есть по контракту с корпорациями.

Вы, может, вспомните, как в 1979 году Даг Фрейзер, бывший на тот момент времени главой Объединенного профсоюза автостроителей, произнес речь и пожаловался, что дельцы-работодатели вели, как он это назвал, «одностороннюю классовую войну» против рабочих. Мы думали, все — рабочие и корпорации — действуют заодно, сотрудничают друг с другом. Мы были слишком глупы, думая подобным образом. Бизнес всегда находился в состоянии односторонней классовой борьбы, особенно в Соединенных Штатах, чье деловое сообщество особенно остро ощущает классовые различия. Деловые круги в Соединенных Штатах агрессивно борются за то, чтобы избавиться от любого посягательства на их господство и контроль. Профсоюзы решили сотрудничать с большим бизнесом в США. Какое-то время рабочие, члены профсоюзов, могли извлекать из этого сотрудничества пользу. А теперь вынуждены за это платить.

Во время лекции на форуме левых сил, который проходил в Нью-Йорке 21 марта 2010 года, вы говорили о Джозефе Стэке и его манифесте. Это тот человек, который сел за штурвал самолета и направил его в здание налоговой службы США, расположенное в городе Остин, штат Техас. Затем вы продолжили лекцию рассказом о Веймарской республике. Вы сказали: «Все это вызывает в памяти те дни, когда центр уже был не в состоянии править, и об этом сегодня стоит подумать». Расскажите, что вы думаете о Стэке и почему вдруг подняли тему Веймарской республики?

Джо Стэк оставил после себя манифест, который либеральные журналисты просто высмеяли в прессе. Автора сочли сумасшедшим. Но если вы внимательно прочтете его манифест, то сразу поймете, что это красноречивые и глубокие рассуждения о современном американском обществе. Он начинает с описания того, как вырос в старом промышленном районе. Это было в городе Харрисбург, штат Пенсильвания. Когда Стэку было восемнадцать или девятнадцать лет, он стал студентом колледжа и существовал на жалкие гроши. В его доме жила восьмидесятилетняя женщина, которая питалась в основном кормом для кошек, и Стэк рассказал ее историю. Ее муж был рабочим на сталелитейном заводе, то есть человеком, принадлежащим к так называемому привилегированному рабочему классу. Эти люди очень хорошо зарабатывали в период бурного экономического роста, пришедшегося на пятидесятые-шестидесятые годы XX века. Мужу была гарантирована пенсия. Он уже предвкушал, как уйдет на покой. И все это у него украли. Из-за этого он рано умер. Такое довольно часто происходит с людьми, оказавшимися в подобных условиях. Его будущее украли корпорация, на которую он работал, правительство Соединенных Штатов и его же собственный профсоюз. А жена осталась одна, и вынуждена была питаться кошачьим кормом. Тогда Джо Стэк впервые осознал: что-то неладно в картине окружающего мира, которую ему рисовали в средней школе. И Стэк пишет: «Я решил, что не доверю большому бизнесу заботиться обо мне, позабочусь о себе и своем будущем сам».

Он пишет и о том, как пытался на протяжении всех этих лет начать маленький бизнес, а корпорации и правительство старательно сводили все его усилия на нет. В конце концов Стэк дошел до той точки, когда сказал себе: «Нужно восстать, а единственный способ восстать — пробудить людей от того безразличия, той апатии, в которой они находятся. Надо показать: мы готовы умереть за нашу свободу». После этого Стэк направил свой самолет на здание налоговой службы в Остине, чтобы пробудить многих таких же, как и сам он.

А что же происходит с теми, кого мы называем средним классом, ибо словосочетание «рабочий класс» ныне сделалось запретным? Именно так вышло с рабочими в Соединенных Штатах. В других странах их называют рабочим классом. Но в США все должны быть либо

средним классом, либо низшими слоями общества.

Форум левых сил использовал фразу «Центр больше не в состоянии править» как название конференции, где я выступал, — и это правильно. Сегодня повсюду в Соединенных Штатах нарастает волна гнева, направленного против корпораций, против правительства, против политических партий, против различных государственных и общественных учреждений и представителей целого ряда профессий. Приблизительно половина населения страны уверена: всех членов конгресса, включая их собственных представителей, необходимо разогнать. Это и означает: центр больше не в состоянии править.

Давайте посмотрим на историю Веймарской республики. Это, конечно, не самая лучшая аналогия, но многое здесь выглядит на удивление похожим. В двадцатых годах прошлого века Германия находилась на пике развития западной цивилизации — в области искусств, науки и литературы. Политическая система в стране была очень яркой. Существовали крупные организации рабочего класса, огромная социал-демократическая партия, большая коммунистическая партия, множество различных общественных организаций. В стране существовало множество проблем, но по всем общечеловеческим понятиям это было очень живое и демократическое общество.

Германия стала меняться еще до начала Великой депрессии. Во время президентских выборов в 1925 году страна подавляющим большинством голосов избрала на эту должность Пауля фон Гинденбурга. Он был прусским аристократом, однако его сторонниками в большинстве своем выступали мелкие буржуа, лавочники, разочарованные в происходящем рабочие и другие — по демографическому составу сообщество не очень отличалось от того, что сегодня составляет костяк Движения чаепития¹⁰ в Соединенных Штатах. Впоследствии все эти люди составили массу, которая безоговорочно приняла идею нацизма. В 1928 году нацисты получили меньше 3 % голосов на выборах. В 1933 году, всего через пять лет, они стали уже настолько могущественными, что Гинденбург был вынужден назначить Гитлера канцлером Германии. Гинденбург ненавидел Гитлера. Но, опять же, Гинденбург был аристократом, генералом. Не водил он дружбы с чернью. А Гитлер был таким «маленьким ефрейтором», как любил его называть Гинденбург. Что он вообще делает в нашей аристократической Германии? И все же Гинденбург вынужден был назначить его на должность канцлера: Гитлера поддерживали народные массы. И коренные изменения в стране произошли всего за пять лет.

Если посмотреть более внимательно на те силы, что привели к подобному сдвигу в общественном мнении, то увидите: первопричиной всему стало разочарование в существующей политической системе. Партии увязли в политических дрязгах и ничего не делали для народа. К этому времени в стране началась невиданная дотоле депрессия, а нацисты потому и зовутся нацистами, что призывают к чувству национализма. Гитлер был невероятно харизматичным вождем. «Мы создадим могущественную, новую Германию, которая займет подобающее место под солнцем. Необходимо победить наших врагов — большевиков и евреев. В них весь корень зла. Именно они разрушают нашу Германию». В 1933 году Гитлер впервые объявил Первое мая праздником рабочей солидарности. Социал-демократы, которые были мощной политической партией, пытались сделать это еще со времен Второго рейха¹¹, но им это так и не удалось. А Гитлер сделал это в первый же год своего пребывания у власти. В Берлине прошли многотысячные демонстрации. Берлин того времени звали «Красным Берлином», это был город рабочего класса, город левых сил. На демонстрацию вышло около миллиона человек, и все были чрезвычайно взволнованы.

¹⁰ Движение чаепития — консервативно-либертарианское движение в США, основанное в 2009 г., выступающее с крайне правых позиций.

¹¹ Второй рейх — историческое название Германской империи в период с 1871 по 1918 г. С 1918 по 1933 г. существовала Веймарская республика. С 1933 по 1945 г. существовал Третий рейх.

«Наша новая, объединенная Германия вышла на новый путь. Конец любым политическим дразням и всяким партиям политиканов. Теперь мы станем единой, организованной, военизированной страной, и всем покажем, что такое настоящая сила и власть».

Очень похоже на творящееся у нас сейчас. Это выглядит поистине зловеще. Нацисты уничтожили крупнейшие организации рабочего класса. И германские социал-демократы, и коммунисты были очень многочисленными организациями, а не просто политическими партиями. У них были клубы, ассоциации, общественные движения, учреждения. Все это полностью уничтожили и разрушили — частично силой, а частично в итоге того, что люди, разочаровавшись, примкнули к нацистам в надежде на лучшее будущее — красочное, военное, ура-патриотическое будущее. Я бы не сказал, что все это абсолютно схоже с происходящим в нашем обществе сегодня, и все же сходство настолько близко, что пугает. К политической группе такого разбора могут присоединиться люди, подобные Джо Стэку.

Арундати Рой осудила тех, кто протестует на выходных, а затем, в понедельник, после того как вышли на демонстрацию или марш протеста, возвращаются к своей обычной рутине. Она говорила о том, что необходимо больше рисковать, для того чтобы протесты имели более весомые последствия.

Я не уверен, что соглашаюсь с ее словами о необходимости риска. Конечно, серьезные демонстрации несут в себе определенный риск — вас могут арестовать. Дело, мне кажется, не в риске, а в последовательности. Беда именно в том, что люди преспокойно расходятся по домам. Вот почему старая Коммунистическая партия имела такое большое значение. В той партии всегда кто-нибудь был готов рисковать — работать, например, с гектографом и печатать листовки. Члены той партии были верны ей. Причем не ожидали быстрой победы. Может, вы где-то победите, а может, и нет, но в любом случае создадите основу для чего-нибудь нового — но только впоследствии появится возможность перейти к этому новому. Нынче такой умственный склад исчез; к сожалению, это случилось уже в шестидесятых годах.

Исчез уже в шестидесятых годах?

Да, это так. Если вернуться к шестидесятым годам, к могучим демонстрациям, проходившим по стране тогда, — таким, например, как забастовка студентов Колумбийского университета и марши на Вашингтон, — можно вспомнить, сколько молодых людей, участвовавших в этих событиях, думали, что вот-вот победят. Дескать, уступите нам президентское кресло недельки на три — и воцарятся всемирные дружба и любовь. Уверен, вы все это помните. Ну, конечно, до президентского кресла, дружбы и любви оставалось еще не близко — и все они, разочаровавшись, перестали протестовать. Прежде всего, необходимо преодолеть отсутствие последовательности в движении протеста.

На протяжении некоторого времени такое отсутствие последовательности удавалось преодолеть борьбой за гражданские права. Многие люди, в ней участвовавшие, знали: борьба окажется долгой. Знали: немедленной победы не жди. Может, мы и достигнем сегодня какого-то успеха, но завтра столкнемся с новым препятствием. Но они все-таки не сдавались, пытаясь превратить движение за гражданские права афроамериканцев в движение за права всех бедных жителей страны. Расширить рамки движения таким образом было идеей Мартина Лютера Кинга.

К примеру, возьмем Кинга, это хороший пример: он был очень заметной фигурой в истории США. В день Мартина Лютера Кинга — день, когда он произнес свои знаменитые речи: «У меня есть мечта» и «Давайте избавимся от расистских шерифов Алабамы», — мы отмечаем его гражданский подвиг начала шестидесятых годов. Это, конечно, было серьезным достижением, но к началу 1965 года Кинг сделался намного более опасной политической фигурой, нежели просто борцом за права афроамериканцев. Во-первых, он начал очень решительно выступать против войны во Вьетнаме. Во-вторых, попытался возглавить движение не только афроамериканцев, но и всех остальных бедняков — а оно

только ведь начинало зарождаться. Кинга убили, когда он участвовал в забастовке рабочих-мусорщиков, перед тем как отправиться в Вашингтон, чтобы там принять участие в собрании всех бедняков Соединенных Штатов. Он пошел дальше проблемы шерифов-расистов из Алабамы и намеревался поставить проблему расизма на Севере, который, по сути своей, укоренился намного глубже, да еще и ориентирован классово. Отчасти движение за гражданские права уничтожили силой, а отчасти оно само разлетелось на мелкие осколки и сошло на нет после убийства Мартина Лютера Кинга — и никогда не смогло достичь некой точки развития, где начинают решаться классовые проблемы.

Невероятно важным считаю замечание Арундати Рой о том, что нельзя спокойно идти домой после демонстрации протеста. Необходимо осознать: если вы так устроены, то не победите, даже сидя в президентском офисе. Не вам приносить любовь и мир всему земному шару. Вы можете достичь небольшой победы, но ведь затем предстоит намного более ожесточенная борьба. Это схоже с альпинизмом. Взбираетесь на вершину, думаете, что вы уже на самом верху, а потом замечаете: прямо за этой вершиной высится другая, еще более громадная, — и теперь необходимо взобраться и на нее. Именно так и выглядит народное движение. Именно такой настойчивости ему не хватает. Наша культура скорейшего удовлетворения всех потребностей и желаний не слишком-то способствует развитию упорства и твердости.

Есть, несомненно, такие люди и организации, которые действуют очень настойчиво, и, конечно, они в первую очередь подвергаются нападкам со стороны властей. Возьмем, к примеру, ACORN (Ассоциация общественных организаций за немедленные реформы). Почему ACORN уничтожили? Да, эта организация совершала некие мошеннические действия, но по сравнению с деяниями корпоративной Америки то, что они делали, выглядело сущими пустяками. Но в их случае чуть ли не мгновенно — сразу же после того, как новости, касавшиеся мелких правонарушений, появились в прессе, — средства массовой информации, конгресс, — все, кому не лень было, — набросились на ACORN и уничтожили ассоциацию. Только потому, что ACORN последовательно вела работу с бедным населением, а у нас в США это считается опасным.

Принимая во внимание то, насколько плоха сейчас в стране экономическая ситуация, почему левые силы ничего не делают? Правые же силы нашли на все ответ и все уже объяснили.

Впрочем, такого свойства ответы были и у Гитлера. Во всем виноваты евреи и большевики. Ответы, конечно, безумные — да все равно ведь ответы!

Однако это лучше, нежели пребывать в вакууме. А создается впечатление, что левым силам просто нечего сказать.

Демократическая партия и даже левые демократы не могут объявить людям: «Беда ваша в том, что еще в семидесятых годах мы предприняли крупнейшую финансовую капитализацию экономики и опустошили производственную базу. И уже на протяжении тридцати лет ваша заработная плата, ваши доходы стынут на том же уровне, а богатство страны оседает в карманах небольшой кучки людей. Вот и вся государственная политика». Как вы думаете, способны левые открыто сказать это людям? Нет, сегодня в стране просто не существует по-настоящему левых сил. Конечно, если делать более скрупулезный подсчет, то, скорее всего, сейчас даже больше людей вовлечено в движения протеста, нежели в шестидесятых годах, но все они до того разобщены, что посвящают себя совершенно различным вопросам — правам гомосексуалистов, охране окружающей среды — чему угодно. Люди не в состоянии слиться в одно движение, способное чего-то добиться.

А есть вещи, которые можно сделать, и я немного поговорил об этом на лекции, прочитанной форуму левых сил, упомянутому ранее. Например, администрация президента Обамы на сегодня фактически владеет автомобильной индустрией Соединенных Штатов, за исключением разве что компании Ford. Они полностью владеют General Motors. И что же

они делают? Они продолжают закрывать заводы General Motors — лишая людей работы, уничтожая сообщества, в которых живут люди. Сообщества эти были построены профсоюзами. Тем временем Обама посылает своих эмиссаров объявить людям, живущим в заводских городах: «Мы о вас позаботимся, мы вам поможем». После чего раздают какие-то скудные гроши. Одновременно с этим Обама посылает другого эмиссара, министра транспорта США, в Испанию — истратить федеральные средства, предназначенные для стимулирования американской экономики, подписать контракты с испанскими компаниями на постройку высокоскоростной железной дороги. Оборудование для этой дороги можно было бы сделать и на заводах General Motors, ныне закрываемых, но это не столь уж важно, с точки зрения банкиров и «главных архитекторов» политики, как их когда-то называл Адам Смит.

Чего действительно сильно не хватает сегодня, так это той решительности, какая наблюдалась в тридцатых годах прошлого века: возьмем заводы в свои руки и будем управлять ими сами! По-настоящему напугались корпорации и правительство в бурные тридцатые именно глядя на сидячие забастовки. Участникам сидячих забастовок оставалась тогда сущая малость — сказать: «Послушайте, давайте-ка не будем сидеть на месте, а возьмем предприятие в свои руки. Нам не нужны хозяева и управляющие». Вот это поистине огромный шаг вперед. Это можно сделать в Детройте и в других местах, где закрываются предприятия.

Цепи покорности и раболепия

Боулдер, штат Колорадо
(11 марта 2011 года).

Телесное рабство формально упразднили много лет назад, но фактически на смену ему пришло рабство умственное. Это проявляется в нынешней безропотной покорности по отношению к силе и власти. Люди вынуждены просить, молить власть имущих о различных одолжениях: несколько крошек тут, несколько крошек там. Не урезайте бюджет на такую-то сумму, или не сокращайте эту школьную программу настолько. Как человеку разорвать цепи душевной покорности и умственного раболепия?

Прежде всего необходимо отметить: рабство телесное сменилось умственным не буквально, ибо умственное рабство существовало в людях всегда. Как же сломить умственное рабство? Волшебной палочкой не взмахнешь. Начинать надо, требуя разумных общественных реформ. Если видите, что реформы проводятся, двигайтесь дальше. Но если вы натолкнулись на каменную стену, если власть не идет ни на какие уступки, то следует попытаться свергнуть такую власть. Это и есть история политической активности масс. Именно таким образом и покончили с рабством.

Насколько сложнее претворить это в жизнь здесь, в Соединенных Штатах, чем, скажем, в Боливии?

Я думаю, здесь это намного проще, чем в Боливии. Участие в демонстрациях протеста на земле Соединенных Штатов куда легче и безопаснее, чем в демонстрациях на каирской площади Тахрир. Боливийцы живут в значительно более суровом мире, где проводить акции протеста намного сложнее. Но то, чего они уже смогли добиться, восхищает. Условия, в которых им доводится действовать, намного сложнее, а все же действовать необходимо.

Насколько система пропаганды в Соединенных Штатах способствует возникновению чувства покорности и пассивности у граждан страны?

В этом вся суть проблемы. Но это же было сутью проблемы везде и всюду с незапамятных времен — составной частью преклонения перед королями, священниками, преклонения перед властью религии. Покорность и пассивность являются доктринальными

характеристиками любой власти, стремящейся заставить людей быть пассивными. Крупнейшие системы пропаганды, с которыми мы сталкиваемся сегодня, выросли из недр огромной индустрии по связям с общественностью, а созданы были совершенно сознательно более ста лет назад в самых свободных на то время странах мира — Великобритании и Соединенных Штатах Америки. Возникли эти системы пропаганды оттого, что власти понимали очевидное: подданные добились настолько многочисленных прав, что стало слишком сложно подавить их выступления исключительно с помощью силы. Вот и приходилось по мере возможности контролировать их взгляды и убеждения либо каким-то образом отвлекать их от насущных проблем. Как заявлял экономист Пол Нистром: «Вам необходимо лепить потребителя, порождать в нем желания и потребности: пускай люди окажутся, таким образом, в западне». Это очень широко используемый метод.

Так поступали рабовладельцы. Например, когда Британия отменила рабство, у нее по всей Вест-Индии остались плантации, использовавшие рабский труд. После официальной отмены рабства в британском парламенте начались горячие дебаты относительно того, как же сохранить существующий режим. Что помешает бывшему рабу просто уйти в горы, где много свободной земли, — и там попросту начать счастливую новую жизнь? Изобрели тот же самый, старый, общеизвестный метод: попытаемся поймать их в ловушку — а приманкой станут потребительские товары. Есть и другие приманки: доступный кредит, подарки. А затем, после того как люди попали в ловушку, начали приобретать предметы потребления и погружаться все глубже и глубже в долги магазинам компании, начался процесс восстановления чего-то, с точки зрения хозяев плантации, уже достаточно похожего на рабство.

United Fruit Company¹² сама догадалась проделать подобное в Центральной Америке, деловые круги США и Великобритании тоже сами догадались проделать подобное повсеместно и применили точно такую же тактику в начале XX века. Так и возникла исполинская система пропаганды, направленная, как точно подметил Нистром, на создание класса потребителей и «полнейшую сосредоточенность человеческого внимания на вещах совершенно поверхностных и незначущих». Ну и конечно, следует по мере сил контролировать мысли и убеждения людей — без этого нет настоящего «промывания мозгов».

Перечисленные приемы не новы. Они стары как мир, однако принимают новые формы с изменением окружающих нас обстоятельств. Те приемы воздействия, что мы видим сегодня, являются реакцией на достижения предыдущих поколений в деле завоевания свободы. И я должен сказать, что в действительности бороться против целеустремленного воспитания бездумных потребителей намного проще, чем бороться, к примеру, против пыточного следствия.

Вы много ездите по Соединенным Штатам, и в ходе этих поездок вы часто говорите, что те города, где есть общественное радио, отличаются от тех городов, где его нет. К примеру, ваш родной город Бостон не имеет общественного радио.

Это не научное заключение, это личное впечатление; впрочем, действительно: Бостон является тому хорошим примером. В городе нет общественного радио, и поэтому общественное мнение очень разнообразно и разрозненно. Люди могут не знать даже о том, что происходит в другой части города. Нет никакого взаимодействия между людьми, поскольку не существует способа объединить их. Конечно, существуют иные средства общения — скажем, Интернет, — но вам некуда обращаться непосредственно, если захотите выяснить, что же все-таки происходит, если захотите получить критический анализ событий,

¹² United Fruit Company — американская корпорация, основанная в начале XX в. и торгующая тропическими фруктами, в основном бананами. Контролировала огромные территории и транспортную инфраструктуру в странах Центральной Америки, которые из-за этого получили прозвище банановых республик. С 1984 г. компания называется Chiquita Brands International.

происходящих в мире и, возможно, относящихся к проблемам и событиям в вашем собственном городе. А это все, конечно, мешает создавать крепкое местное сообщество граждан.

Вы работаете в сфере образования. Вы преподавали в Массачусетском технологическом институте на протяжении многих десятилетий. Очень многих сегодня волнует то, что происходит с системой образования в Соединенных Штатах. По всей стране увольняют тысячи и тысячи учителей, в классах насчитывается все больше и больше учащихся, школы закрываются, возникает огромный бюджетный дефицит в сфере образования. Программы помощи отстающим ученикам постоянно урезаются или прекращаются полностью. Неужели власть и корпоративная элита больше не нуждаются в хорошо подготовленной и образованной рабочей силе? Или они собираются в будущем полагаться на выходцев из Южной и Восточной Азии?

Я не думаю, что деловые круги, по крайней мере, в краткосрочной перспективе настолько озабочены этой проблемой. На протяжении последних тридцати лет в стране существует серьезная программа по переносу производства в другие страны. И это касается не только неквалифицированного, ручного труда, но и процесса обработки данных. Рабочая сила за рубежом намного дешевле, чем в США. Несколько лет назад IBM объявила о целом ряде стимулов, пытаясь убедить своих сотрудников в Соединенных Штатах переехать работать в Индию, где они могли бы жить на меньшую заработную плату. Конечно, то, о чем вы говорите, частично соответствует действительности. Но все же думаю: деловая элита предполагает поддерживать необходимое количество рабочей силы в стране, опираясь на меньшую часть населения.

Все перемены, вами упомянутые, — неотъемлемая часть огромных усилий, прилагаемых ради подрыва системы государственного образования во всей стране, с целью приватизировать образование, что станет настоящей находкой для власти частного капитала. Частный капитал в США не любит государственного образования по целому ряду причин. Одной из таких причин является принцип, на котором строится нынешнее образование: этот принцип представляет для капиталистов серьезную угрозу. Государственное образование основано на принципе солидарности. Так, например, мои дети родились пятьдесят лет тому назад. Тем не менее считаю и не могу не считать, что сегодня я должен платить налоги, для того чтобы другие дети, живущие на моей улице ныне, могли пойти в школу. Это полностью противоречит доктрине о том, что вы обязаны думать лишь о своих интересах, и пропади пропадом все остальные. Подобная доктрина — основной принцип частного капитала. Государственное образование представляет собой угрозу для такой системы ценностей, ибо порождает в людях чувство сплоченности, общности, призывает к взаимной помощи.

То же самое касается и системы социального обеспечения. Именно поэтому сейчас так яростно пытаются разрушить систему социального обеспечения в стране, хотя для этого нет никаких экономических предпосылок — по крайней мере, сколько-нибудь серьезных экономических предпосылок. Дело в том, что государственное образование и система социального обеспечения крайне опасны для власти частного капитала: они развивают представление о том, что все мы одно целое, все зависим друг от друга, значит, должны трудиться вместе и сообща строить лучшую жизнь, лучшее будущее. А если вы стараетесь правдами и неправдами выдать из людей максимальную прибыль или заставить их максимально увеличить потребление, то любые благородные порывы этих людей — в особенности стремление действовать сообща ради лучшего будущего — крайне вредоносны для вас. Получается, благородные устремления следует вытеснять вон из людских голов.

Солидарность приводит к тому, что людьми становится трудно помыкать: они перестают быть равнодушными игрушками частного капитала. Вот капиталу и необходимы разнообразные системы пропаганды, помогающие преодолевать любые возможные отклонения от принципа: будь полностью покорен властям преобладающим!

Сейчас в стране предпринимаются мощнейшие попытки заменить государственные

школы сетью школ наполовину частных, но все же финансируемых налогоплательщиками. А вот управление этими школами уже будет преимущественно частным. Доказательств тому, что эти школы будут лучше прежних, нет. Насколько знаем, они, скорее всего, будут хуже. Но именно такая приватизация школьного образования серьезно подорвет солидарность и взаимопомощь населения страны — крайне опасные с правительственной точки зрения тенденции, значительно вредящие нынешним системам власти.

Профсоюзы в Соединенных Штатах Америки исторически выступали учреждениями, крепившими народную сплоченность. После того как членство в профсоюзах достигло своего пика — 35 % от числа всех работавших граждан, — количество членов профсоюза стало неуклонно падать, и на сегодня составляет лишь несколько процентов. От рабочих требуют ежедневно трудиться все дольше, заработная плата и льготы сокращаются, становится меньше рабочих мест. Означает ли все это, что частный капитал использует сегодняшний экономический кризис для достижения своей заветной долгосрочной цели — окончательно уничтожить профсоюзы?

Частный капитал люто ненавидит профессиональные союзы. Так было испокон веку. Соединенные Штаты — общество, где всегда верховодили деловые круги, и происходило это в намного большей степени, нежели в странах, сопоставимых с США. Соответственно, Соединенные Штаты имеют очень жесткую историю рабочего движения, куда более сложную, чем в других государствах. В стране постоянно прилагались усилия для того, чтобы полностью уничтожить профсоюзы. К началу двадцатых годов прошлого века это почти удалось. Однако настали тридцатые годы, и профсоюзы вновь набрали силу в ходе борьбы рабочих за свои права. Деловые круги США мгновенно отреагировали на подъем профсоюзного движения и сплотились в новой попытке сокрушить рабочих. Сразу же после окончания Второй мировой войны появились и закон Тафта — Хартли, и целый ряд других законов, ущемляющих интересы рабочего класса; началась невероятная по своему размаху пропагандистская кампания — в церквях, школах, кинотеатрах, прессе — для того, чтобы настроить общественное мнение против профсоюзов.

Некоторое время пропагандистская кампания имела определенный успех, но большинство трудящихся все же предпочитали оставаться членами профсоюза, если представлялась возможность. Правительства многих штатов возвели в своем законодательстве барьеры, значительно осложнившие процедуру вступления в профсоюз. Итог всего этого: членство в профсоюзах частного сектора экономики США опустилось до 7 % от числа работающих. Однако профсоюзы государственного сектора все еще не уничтожены, именно поэтому на них сейчас и оказывают неслыханное давление. Хорошим примером этого могут быть нападки на трудящихся штата Висконсин: те попытались организовать и коллективно проводить переговоры с работодателями. Истинные проблемы этого штата не имеют ничего общего с местным бюджетным дефицитом. Эти заявления — чистое мошенничество, их просто используют как предлог. А настоящая загвоздка в том, что люди хотят осуществить свое право на коллективные переговоры с работодателями — это ведь один из основных профсоюзных принципов. И деловые круги хотят с этим покончить.

Если отбросить риторику: является ли Демократическая партия другом рабочего движения и рабочего класса?

По сравнению с Республиканской партией — конечно, да, является; но тут отнюдь не все так просто. Исследования, проведенные Ларри Бартельсом и многими другими политологами, свидетельствуют: и бедняки, и трудящиеся живут лучше при правлении демократов, чем республиканцев. Но это всего лишь означает, что республиканцы намного крепче связаны с миром крупного капитала, чем демократы. Однако необходимо понимать, что и республиканцы и демократы в известном смысле весьма уютно устроились на туше крупного североамериканского капитала — и присосались к ней. Есть, конечно, отдельные члены Демократической партии, которые всегда были и остаются друзьями рабочего

движения, однако они разобщены и составляют в рядах партии незначительное меньшинство.

Возьмем, к примеру, Барака Обаму. Сессия «хромой утки»¹³ в американском конгрессе после проведения промежуточных выборов в ноябре 2010 года была довольно интересна. Президента очень хвалили — в основном, правда, его же сторонники — за умелый подход к решению многих государственных вопросов в такой непростой для работы конгресса период, и за двухпартийный подход ко многим проблемам, и за то, что Обаме удалось протолкнуть многие законы через конгресс. А, собственно, что же он сумел протолкнуть? Главным достижением Обамы стало невероятное сокращение налогов для самых богатых людей страны. Я имею в виду самых-самых богатых. Так, например, я человек довольно состоятельный, однако мой уровень дохода был намного ниже того уровня, что необходим для получения новых налоговых льгот. Эта налоговая поправка стала невероятным, неслыханным прежде подарком для крошечной части населения США — самых богатых граждан. То, что дефицит бюджета возрастет еще резче, никого не беспокоит. Вот это и было главным достижением господина Обамы. Одновременно президент Обама предложил увеличить налоги для всех государственных служащих. Это, естественно, уже никто не называл увеличением налогов. Неблагозвучно было бы... Это назвали замораживанием заработной платы. Но замораживание заработной платы для трудящихся государственного сектора в действительности равнозначно увеличению налогов. То есть мы финансово наказываем рабочих государственного сектора, а финансово награждаем высшее руководство Goldman Sachs, недавно само себе выделившее компенсационный пакет размером в 17,5 миллиарда долларов.

В своей речи, озаглавленной «Человеческий разум и окружающая среда», — вы произнесли ее в Университете Северной Каролины, в городке Чепел-Хилл, — говорилось: ныне существующая система «всех нас ведет к катастрофе». Хотел бы заметить, что сказали вы это за много месяцев до начала политических волнений в городе Мэдисон, штат Висконсин. «Собираются ли они что-либо делать по этому поводу?» — спросили вы тогда. И сами же ответили: «Перспективы таких действий со стороны власти выглядят не очень многообещающими». Почему вы так думаете?

Перспективы выглядят не очень многообещающими из-за всеобщего настроения, которое, как вы точно подметили ранее, можно лучше всего описать словами «все равно тут ничего не поделаешь». До тех пор пока люди будут сидеть сложа руки и позволять, чтобы с ними вытворяли подобное, динамика системы будет двигать ее в определенном направлении — а именно: к саморазрушению. Думается, это несложно доказать.

А утверждение, что все равно, дескать, ничего тут не поделаешь, неверно в корне. Многое возможно сделать. События в Мэдисоне очень четко это доказывают. Демонстранты не смогли одержать победу, но их выступление было невероятно важным. Это основа для дальнейшего движения вперед. Многое можно сделать, но это не произойдет само собой. Если людей заставляют чувствовать себя беспомощными, изолированными, разобщенными, тогда власти возьмут верх. Но вышеперечисленные проблемы существуют, и они крайне серьезны. Сегодня мы, пожалуй, впервые в истории человечества действительно стоим перед угрозой того, что человечество исчезнет на земле как биологический вид.

Восстания

Кембридж, Массачусетс
(17 января 2012 года).

¹³ Сессия «хромой утки» — сессия конгресса США, которая проходит после того, как выборы в конгресс состоялись, однако новый состав еще не приступил к работе.

Мохаммед Буазизи, молодой уличный торговец в маленьком городке в Тунисе, в отчаянии совершил акт самосожжения. Это привело к стихийному восстанию в Тунисе, а затем в Египте и других частях арабского Ближнего Востока.

Прежде всего давайте вспомним, что на фоне кажущегося спокойствия в окружающей жизни происходило немало событий. Просто до определенной минуты ничто не могло вырваться наружу. Возьмем Египет, самую важную страну в регионе. Демонстрацию, состоявшуюся в Египте 25 января, возглавляла группа довольно молодых «технарей», звавшаяся «Движением 6 апреля». Почему 6 апреля? Потому что 6 апреля 2008 года руководство рабочего движения в Египте, бывшее довольно активным и боевым, хоть и подвергалось многочисленным гонениям, намеревалось организовать забастовку в самом важном промышленном центре Египта, а также целый ряд акций солидарности по всей стране. Однако забастовку жестоко подавили силы безопасности египетского президента Хосни Мубарака. Это всего лишь размышление о том, насколько важны традиции борьбы рабочих за свои права. Хотя до нас доходит не очень много репортажей из Египта касательно того, что сейчас происходит в стране, возможно предполагать: египетское рабочее движение продолжает наступать, предпринимая некоторые крайне интересные шаги — вплоть до того, что кое-где рабочие взяли контроль над предприятиями в свои руки.

Что до Туниса, то упомянутое вами самосожжение действительно было своеобразным актом отчаяния — и стало искрой, от которой вновь разгорелось немало давно существующих движений протеста. Самосожжение Буазизи подтолкнуло их к действию. Но такие события не кажутся чем-то особенным, из ряда вон выходящим. Давайте обратимся к нашей собственной истории. Возьмем, к примеру, движение за гражданские права. На протяжении долгого времени в обществе существовала глубокая озабоченность и происходило много акций протеста против жестоких репрессий по отношению к чернокожим гражданам на юге страны. Но для того чтобы все это в одночасье взорвалось, двоим чернокожим студентам понадобилось всего лишь усесться в баре за стойку, предназначенную для белых. Такие, казалось, незначительные поступки, бросающие вызов несправедливости, могут сыграть огромную роль там, где есть озабоченность существующим положением, понимание проблемы — и достаточное количество активистов.

Где бы вы поместили восстания, которые сейчас называют «Арабской весной», с исторической точки зрения?

Это тройное восстание. Отчасти это восстание против опекаемых и Западом вообще, и США в частности региональных диктаторов. Отчасти это экономическое восстание против политики неолиберализма, проводимой по всему региону в течение последних десятилетий. Отчасти это восстание против военной оккупации, хотя во время большинства обсуждений относительно «Арабской весны» упускают из виду две области Ближнего Востока и Северной Африки, остающихся под военной оккупацией: Западную Сахару и Палестину.

На самом деле так называемая «Арабская весна» началась в ноябре 2010 года в Западной Сахаре. Западная Сахара, в буквальном смысле этого слова, последняя африканская колония. Она пребывает под юрисдикцией ООН; предполагалось, что она будет деколонизирована. В 1975 году регион действительно начал двигаться к деколонизации, но туда моментально вторглись марокканские войска. Марокко — страна, очень зависимая от Франции, — наводнила Западную Сахару своими гражданами, подавляя всякое возможное движение за независимость. С тех пор в регионе не прекращалась борьба против оккупантов, шедшая, однако, вполне мирным образом. В ноябре 2010 года в Западной Сахаре начались протесты наподобие тех, что проходили в странах «Арабской весны», включая создание палаточного поселка в одном из самых крупных тамошних городов. Тут же в город вошли марокканские войска и разнесли палаточный поселок подчистую. Поскольку Марокко в этом регионе зависит от ООН, движение сахрави — коренного населения Западной Сахары — выразило протест Совету Безопасности ООН, отвечающему, кстати, за деколонизацию.

Франция погубила этот протест на корню, а Соединенные Штаты ее поддержали. Таким образом, весь этот случай просто выпал из истории.

Палестина также оккупирована. Палестинцы сделали несколько попыток присоединиться к освободительным движениям в арабском мире, но все эти попытки довольно быстро задушили. Таким образом, в упомянутых областях региона, в буквальном смысле слова оккупированных с западного благословения — французского в Западной Сахаре и североамериканского в Палестине, — почти ничего не происходит.

Кроме восстаний против оккупации, это также восстания против диктатуры и неолиберальной экономической политики. Все происходит, как должно. Мы уже обсуждали подобное применительно к Латинской Америке. Там народ в итоге смог покончить с политическими диктатурами и неолиберальной экономической политикой, возымевшей в Латинской Америке тот же эффект, что и на Ближнем Востоке и в Северной Африке — равно как и в США, и в Европе, только с небольшими отличиями. Очень маленькому сегменту населения удалось неимоверно обогатиться, остальная же, большая, часть народа испытала невероятные страдания. Это коснулось как экономической сферы жизни — резко упали реальные доходы людей и уровень жизни, так и политической — многие гражданские свободы оказались под угрозой. Невозможно проводить в жизнь политику неолиберализма, не имея в стране жесткого политического режима. В какой-то мере восстания и были направлены против этого.

Еще один аспект, в котором восстания очень похожи — практически неотличимы, — заключается в том, что разрушительное, в сущности, действие неолиберализма очень высоко ценит так называемая «тройка»: Международный валютный фонд — Всемирный банк — Министерство финансов США. Почти невероятно: в случае с Египтом мировая финансовая элита очень высоко оценивала действия диктатуры Мубарака в области экономики за великолепные экономические показатели и реформы, проводимые в стране. Все это длилось вплоть до начала восстания и окончилось буквально за несколько недель до того, как режим рухнул.

Похожие процессы идут сейчас и в Африке, и здесь, в Соединенных Штатах, и в Европе. Активисты «Indignados» — «возмущенных» — на юге Европы, и активисты движения «Оккупируй Уолл-стрит» здесь, в Соединенных Штатах, — в некотором смысле близнецы, даже при том, что они действительно принадлежат к разным мирам. Протесты, которые эти люди устраивают, направлены не против диктатуры, но против уничтожения системы демократии и последствий западной версии неолиберальной системы. Эта система последовательно воздействовала на структуру общества в течение последних тридцати лет. Как итог, сегодня мы имеем: предельную концентрацию капитала в руках всего лишь 1 % населения, инертность подавляющей части остального населения, отмену государственного регулирования и постоянно повторяющиеся финансовые кризисы, причем каждый новый разражается грознее предыдущего. Последний финансовый кризис не только нанес огромный ущерб всему населению страны, но и оказался поистине катастрофическим для афроамериканского населения Соединенных Штатов. Чистая стоимость активов среднего афроамериканца сегодня составляет всего лишь двадцатую часть аналогичного показателя у среднестатистического белого американца. Это самый низкий показатель за всю историю его существования. Чистая стоимость активов средней афроамериканской семьи в США из-за крушения рынка недвижимости скатилась до уровня всего в несколько тысяч долларов — это, в сущности, ничто — почти ноль.

Расскажите о роли рабочего движения в событиях «Арабской весны».

Посмотрите на страны, где удалось достигнуть определенного успеха, — Тунис и Египет, причем на Тунис поглядите пристальнее. Увидите: обе этих страны имеют давние традиции рабочего движения. Существует прямая связь между успехами, которых удалось достичь «Арабской весне» в отдельно взятой стране, и участием рабочих в движении протеста. Этот факт подметил Джоэл Бейнин, ведущий специалист по истории рабочего

движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке. И он прав. Демонстрации на площади Тахрир стали поистине серьезными и значительными только после того, как к ним присоединились активисты рабочего движения. И рабочее движение в стране достигло многого. Сейчас уже сделаны серьезные шаги к объединению в независимый профсоюз. До этого в Египте независимых профсоюзов не существовало. Печать обрела свободу. Старый режим по большей части все еще остается невредим, однако в стране заметен значительный прогресс.

В Тунисе часть населения была хорошо организована: политический ислам. Это движение подвергалось гонениям и преследованиям со стороны диктатуры, но организовано было образцово. Именно оттого оно и выиграло недавние парламентские выборы, а теперь пытается ввести в стране умеренную форму политического ислама. В Тунисе также существует мощное рабочее движение, активно участвующее во всех текущих государственных изменениях.

Все прочие страны Ближнего Востока и Северной Африки в принципе живут безмятежно. В ключевых с точки зрения Запада странах — производителях нефти — таких, как Саудовская Аравия и Эмираты, — были разве что слабые потуги присоединиться к движениям протеста, но эти попытки быстро подавили. В Саудовской Аравии, крайне важной для США стране, повсеместное присутствие сил безопасности настолько велико, что люди просто боялись выйти на улицу. Бахрейн, хоть и не являющийся крупным производителем нефти, остается очень важной частью региональной системы безопасности — и тамошнее восстание жесточайшим образом подавили вторгшиеся в страну саудовские войска. Но жар восстания все еще теплится, несмотря ни на что. Очень сложная обстановка сложилась в Йемене, и это вызывает серьезную озабоченность в Саудовской Аравии. Похоже, что Саудовская Аравия поддерживает прежнего диктатора этой страны. Из самой Саудовской Аравии никаких сведений относительно этого не поступает: общество замкнуто предельно — и все же, кажется, йеменские дела обстоят именно таким образом.

А что произошло в Ливии?

В Ливии произошло восстание. А затем две — именно две — западные интервенции. Первая состоялась под эгидой резолюции Совета Безопасности ООН № 1973, говорившей о создании бесполетных зон, прекращении огня и защите мирного населения. Первая интервенция длилась минут пять, не дольше. А затем началась вторая, в ее ходе основные участники блока НАТО — имеются в виду традиционные империалистические государства: Великобритания, Франция и Соединенные Штаты — немедленно примкнули к силам повстанцев, фактически став их военно-воздушными силами. Никаких бесполетных зон, никакой защиты мирного населения. Можно спорить о том, были они в этом правы или нет, но факт остается фактом: интервенты присоединились к восстанию, чтобы сбросить правивший ливийский режим. Их вмешательство не имело ничего общего с резолюцией ООН. Тем временем большая часть остального мира упорно пыталась предотвратить возможную гуманитарную катастрофу, которая все же произошла, особенно в конце событий, когда имперский триумвират и силы повстанцев атаковали базу самого большого в Ливии племени — варфалла. Нападали с предельной жестокостью и, очевидно, оставили в сердцах многих членов племени глубокую ненависть. Мы еще не знаем, к чему это приведет в будущем.

В самом начале ливийских событий большинство стран призывало к проведению переговоров, дипломатическому решению конфликта и прекращению огня. Эти условия Каддафи — по крайней мере, формально — принял. Успешны были бы переговоры или нет, понятия не имею. Африканский союз настойчиво выступал с призывом к переговорам и дипломатическому способу решения конфликта. Так называемые страны БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка — также призывали к переговорам и дипломатическому решению. Европа была настроена очень противоречиво. Германия не соглашалась с политикой триумвирата. Турция даже пыталась препятствовать

первоначальным действиям НАТО, но затем с неохотой к ним присоединилась. Египет вообще не желал иметь ничего общего с творившимся в Ливии.

Действия Африканского союза представляют особый интерес с политической точки зрения. Ливия — африканская страна. Во время бомбардировочной кампании Африканский союз повторно призвал к дипломатическому решению конфликта и выдвинул подробные предложения, касавшиеся уже миротворческих сил. Эти предложения, конечно, были отвергнуты полностью. Кто станет слушать африканцев? Африканский союз довольно любопытно объяснил свое отношение к делу. Вкратце то, что они говорили, звучало следующим образом: Африка на протяжении многих лет пытается освободиться от последствий жестокого колониального правления и рабства. Мы стараемся это сделать, провозглашая принцип суверенитета, чтобы защитить себя от возвращения западных колонизаторов. Именно поэтому любое нападение на любое африканское государство — нападение, совершаемое вопреки протестам других африканских государств и попирающее суверенитет страны, подвергшейся такому нападению, — рассматривается как шаг к новой колонизации, грозящей всему континенту. Индийский журнал Frontline опубликовал подробное изложение взглядов Африканского союза по этому вопросу. Однако в Соединенных Штатах об этом не обмолвились ни единым словом — по крайности, сам я не сумел отыскать ничего. Повторю: вы можете считать вышеупомянутую интервенцию похвальной, можете считать ее возмутительной; можете спорить о ней до хрипоты. Но вы должны прежде всего посмотреть в лицо всем сопутствующим фактам.

В то время как администрация президента Обамы требует от всевозможных революционеров во многих странах мира «проявлять сдержанность» и заявляет, будто «для насилия нет места», президент все же похвалился «единственными в своем роде возможностями», которыми обладают Соединенные Штаты, если дело доходит до чего-либо подобного созданию бесполетных зон над Ливией. Тарик Али¹⁴ в своей недавней статье называет Ливию «еще одним примером целеустремленного самосуда, учиненного Западом».

Следует ясно понимать: над Сирией не было ничего похожего на так называемую «бесполетную зону», к созданию которой действительно призывала резолюция Совета Безопасности ООН № 1973. Соединенные Штаты, Великобритания и Франция сразу же решили игнорировать резолюцию ООН и помогли повстанцам свергнуть правительство. Таким образом, они по меньшей мере не объявили бесполетной зоной воздушное пространство над теми областями, где действовали повстанцы. На деле они поощряли и поддерживали все повстанческие атаки.

Являются ли такие действия целеустремленными и выборочными? Конечно да. Все такие действия довольно предсказуемы и достаточно знакомы. Если у некоего диктатора много нефти, а диктатор во всем покорен Западу и очень надежен, этому диктатору позволяют вытворять все, что заблагорассудится. Самый яркий тому пример — Саудовская Аравия. В стране должны были пройти демонстрации под названием «День гнева», но правительство вмешалось и пригрозило применить всеокрушающую силу. Вполне понятно: в тот день ни единый человек не решился выйти на улицы Эр-Рияда. Все понимали, с кем имеют дело, обоснованно приняли угрозу всерьез и перепугались до крайности.

Бахрейн имеет особое значение в этом контексте. На территории государства находится база Пятого американского флота — самой мощной военной группировки в регионе. База расположена прямо у восточного побережья Саудовской Аравии. Восточная Саудовская Аравия — главное месторождение нефти в стране. Так же как и в Бахрейне, основная часть населения Восточной Саудовской Аравии — шииты, а само правительство Саудовской

¹⁴ Али Тарик (р. 1943) — известный британско-пакистанский писатель, историк, общественный деятель. Видный троцкист. Автор нескольких знаменитых книг, таких как «Буш в Вавилоне» и «Троцкий для начинающих», а также целого ряда других произведений, критикующих Запад.

Аравии — сунниты. По какому-то очень странному капризу истории и географии наибольшие мировые запасы нефти находятся в северной части Персидского залива, населенной преимущественно шиитами, — но эти края окружены и замкнуты суннитскими странами. Мысль о том, что шииты в один прекрасный день возьмут и создадут некий союз, неподотчетный Западу и способный взять под контроль большую часть крупнейших в мире нефтяных запасов, издавна приводит в ужас большинство западных стратегов.

Именно поэтому западные правительства даже изображали возмущение, когда Саудовская Аравия ввела войска в соседний Бахрейн и жестоко подавила тамошние митинги протеста. При поддержке саудовских войск силы безопасности Бахрейна разогнали протестующих на столичной Жемчужной площади, разгромили палаточный поселок и даже пошли на то, что уничтожили Жемчужный монумент в центре площади — настоящий национальный символ. Поскольку демонстранты сделали этот монумент и своим символом, армия просто разнесла его вдребезги. Затем сотрудники сил безопасности ворвались в столичные больницы и выбросили оттуда множество пациентов и врачей. Все это Запад оставил без внимания, почти никто не обронил ни единого возмущенного слова.

И в то же время, когда мы говорим о таком диктаторе, как Муаммар Каддафи, тоже имеющем много нефти, но человеке весьма ненадежном, то с имперской точки зрения разумно прикинуть: а нельзя ли заменить его правителем более сговорчивым и более достойным доверия? Послушным и преданным диктатором. Поэтому вы реагируете на события в Ливии совсем по-иному, нежели на погром в Бахрейне.

В Египте и Тунисе привычная игра идет по привычным правилам. Игра эта стара как мир. Если вы поддерживаете диктатора, но все же тот становится беспомощен — поддерживайте его до самого конца. Если это становится невыносимым, если против диктатора настроены армия и деловые круги — срочно сдавайте неудачника в архив и отправляйте куда-нибудь подальше да побыстрее. Затем кричите во все горло о своей любви к демократии, а сами пытайтесь восстановить прежний режим (насколько будет возможно). Именно это сейчас и происходит в Египте. Если хотите, можете, конечно, звать все это целеустремленным, избирательным поведением, — а я это зову обычным расчетливым империализмом, да еще и знакомым до тошноты.

Поскольку сегодня Ближний Восток сотрясают многочисленные восстания, почти все политические обозреватели намекают: Соединенные Штаты определенным образом направляют события, происходящие в регионе.

Иногда об этом заявляют без намеков, открыто. Джеральд Сайб, главный политический обозреватель Wall Street Journal, газеты, намного более откровенной в таких вопросах, чем другие крупные издания, прямо заявил: беда США в том, что «мы еще не научились контролировать» новые ближневосточные силы. Суть и смысл этого заявления: лучше поскорей отыскать рычаги воздействия на них. Все это возвращает нас к периоду шестидесятилетней давности, к советникам и политологам президента Рузвельта. Адольф Берли — один из ведущих либерально настроенных советников многих президентов США...

Не он ли числился в «мозговом тресте» у Рузвельта?

Он самый. Впоследствии Берли оставался крупнейшей фигурой в либеральной политической системе страны. Именно Берли открыто объявил много лет назад: если сможем контролировать нефть Ближнего Востока, то «по существу, будем распоряжаться миром единолично». И это не пустые слова.

Обладают ли Соединенные Штаты сегодня той же властью над энергоресурсами региона, какой обладали когда-то?

Основные страны — производители нефти все еще находятся под неусыпным контролем поддерживаемых Западом диктатур. Таким образом, прогресс, которого удалось добиться в ходе «Арабской весны», весьма ограничен, хотя и не столь уж незначителен. Все

диктатуры западных ставленников понемногу приходят в упадок. Вся эта система приходит в упадок уже на протяжении довольно долгого времени. К примеру, если оглянуться на то, что происходило в последние пятьдесят лет, увидим: за это время энергетические ресурсы — главное, что интересует североамериканских стратегов, — оказались по большей части национализированы. Непрерывно предпринимаются попытки повернуть эти процессы вспять, но еще ни одна из них не имела успеха.

Возьмем, к примеру, вторжение Соединенных Штатов в Ирак. Всем, исключая самых отъявленных идеологов, очевидно: мы вторглись в Ирак не из-за нашей любви к демократии, а из-за того, что эта страна обладает вторыми или, возможно, третьими по объему запасами нефти в мире, а к тому же находится прямо в центре крупнейшего нефтедобывающего региона планеты. Но об этом не принято говорить. Такие размышления считают конспирологическими теориями, не имеющими отношения к реальности.

Соединенные Штаты потерпели в Ираке серьезное поражение от иракского национализма, и произошло это в основном с помощью ненасильственных методов. Соединенные Штаты могут убивать повстанцев, но они не в состоянии что-либо поделать с полумиллионом демонстрантов, высыпавших на городские улицы. Шаг за шагом Ирак сумел обезвредить рычаги управления, установленные в стране американскими оккупационными силами. К ноябрю 2007 года стало ясно: Соединенным Штатам окажется трудно достичь своих целей в Ираке. Всего любопытнее, что о целях этих открыто заявляло само же американское правительство. Так, в ноябре 2007 года администрация президента Буша-младшего сделала официальное заявление о том, какими она видит будущие взаимоотношения с Ираком. Основных требований выдвигалось два: первое сводилось к тому, что Соединенные Штаты получают право продолжать боевые действия, опираясь на свои военные базы — их США надеялись удержать за собой и в будущем; а второе гласило: необходимо «способствовать притоку иностранных капиталовложений в Ирак, особенно американских инвестиций». В январе 2008 года президент Буш подтвердил эти намерения американского руководства в одной из своих речей. А всего через пару месяцев после этого, натолкнувшись на сильное сопротивление в Ираке, Соединенные Штаты забыли обо всех этих намерениях. Сегодня Америка просто на глазах теряет контроль над Ираком.

События в Ираке были попыткой установить силой некое подобие старой системы контроля. Попытка провалилась. В общем, думаю: политика США в этом вопросе остается, в сущности, неизменной со времен Второй мировой войны. А возможностей проводить такую политику в жизнь становится меньше и меньше.

Из-за экономической слабости?

Отчасти из-за того, что мир становится все разнообразнее. Возникают все новые средоточия власти. Под конец Второй мировой войны США достигли наивысшего своего могущества. Они прибрали к рукам половину всемирных богатств, а страны-соперники — все до единой — оказались либо дотла разорены, либо уничтожены. Соединенные Штаты обретались в полнейшей, непредставимой ныне безопасности — и всерьез порывались править целым миром. Нужно заметить: по тем временам это вполне могло и получиться.

Это называли «Планом Великих Земель»...

Верно, и все началось еще в годы Второй мировой войны. Сразу же по ее окончании руководитель отдела внешнеполитического планирования при Министерстве иностранных дел США Джордж Кеннан¹⁵ и ряд других специалистов разработали подробности упомянутого плана, а затем привели его в действие. То, что сейчас происходит на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Южной Америке, по большей части уходит корнями во

¹⁵ Кеннан Джордж Фрост (1904–2005) — американский дипломат и политолог. Наиболее известен как идейный вдохновитель «политики сдерживания» во время холодной войны.

вторую половину сороковых годов. Впервые США встретили успешное сопротивление своей гегемонии в 1949-м. Тогдашние события американцы многозначительно зовут «потерей Китая». Очень любопытное определение; кстати, его никто никогда не опровергал. В Соединенных Штатах велось очень много споров о том, кто виновен в потере Китая. Это стало предметом постоянного обсуждения внутри страны. Заметьте: крайне любопытная фраза. Ведь можно потерять лишь то, чем владеешь. Соединенные Штаты были абсолютно уверены: мы владели Китаем — а значит, когда Китай добился независимости, потеряли Китай. Затем появилась озабоченность в связи с «потерей Латинской Америки», «потерей Ближнего Востока», «потерей» еще некоторых определенных стран, и все это основывалось на прочном убеждении: мы владеем миром, и везде, где наш контроль ослаблен, грозит потеря. Тут-то мы и думаем о том, как вернуть потерянное.

Сегодня, если вы прочтете журналы, пишущие о внешней политике, или решите послушать дебаты республиканцев на эту тему, то сразу же уясните главный вопрос: «Как нам предотвратить дальнейшие потери?» Если доведется присутствовать при выступлениях Митта Ромни, самого вероятного кандидата на пост президента США от Республиканской партии, то услышите: лучшим способом предотвратить потери будет просто перебить всех, кто станет на нашем пути. «Если они нам не нравятся, мы их истребим». Честное слово, именно так он и сказал недавно в одном из своих выступлений. Эта озабоченность по-прежнему царит в умах американских политиков: мы должны контролировать весь мир.

Однако способность США сохранять контроль над целым миром резко сократилась. Уже к 1970 году мир был с экономической точки зрения трехполярным. Один центр находился в Северной Америке, где безраздельно властвовали Соединенные Штаты, второй — в Европе, где доминировала Германия; этот центр был сопоставим по своим размерам с североамериканским. Третий обретался в Восточной Азии, где преобладала Япония. Именно этот третий центр и являлся к 1970-му самым быстрорастущим. С того времени мировой экономический порядок стал еще сложнее и разнообразнее. Поэтому сегодня труднее осуществлять угодную США внешнюю политику, однако основополагающие постулаты ее не слишком-то изменились.

Возьмем доктрину Клинтона. Доктрина Клинтона заключалась в том, что Соединенные Штаты имеют право использовать силу по своему усмотрению, чтобы обеспечить себе «бесперебойный доступ к ключевым рынкам, энергетическим и стратегическим ресурсам». Это шло намного дальше всего, когда-либо сказанного Джорджем Бушем. Но Клинтон высказался очень спокойно, безо всякого высокомерия и грубости — вот и не последовало никакого возмущения. Мы до сих пор верим в то, что имеем право распоряжаться и властвовать целым миром. Это часть нашей умственной культуры.

Сразу после убийства Усамы бен Ладена, среди всех поздравлений и аплодисментов, прозвучало несколько критических замечаний относительно законности этого убийства. Много столетий существует юридическое понятие, именуемое «презумпцией невиновности». Если вы задержали подозреваемого, он остается лишь подозреваемым до тех пор, пока не будет доказано: этот человек виновен. Подозреваемый должен предстать перед судом. В этом вся суть американской системы правосудия. Ее можно проследить еще со времен Великой хартии вольностей¹⁶. Итак, сквозь одобрительный гам прозвучало два-три голоса, осведомившиеся: а может, не стоит жертвовать всеми устоями англосаксонского законодательства ради одного убийства? Это вызвало взрыв праведного возмущения и ярости, а самой интересной, как всегда, оказалась реакция левых либералов. Широко известный и уважаемый леволиберальный обозреватель Мэтью Иглесиас написал статью, высмеявшую такие взгляды. Он писал: «Эти люди до невероятности простодушны и глупы». А затем пояснил почему. Иглесиас заявил: «Главнейшая задача учреждений, отвечающих за

¹⁶ Великая хартия вольностей (лат. Magna Carta) — грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным в 1215 г. и ставшая впоследствии одним из основополагающих конституционных актов Англии.

международный порядок, — узаконивать применение западными государствами военной силы во всех подобных случаях». Под западными государствами он, естественно, подразумевал не какую-нибудь Норвегию, а славные Соединенные Штаты Америки. Таким образом, в понимании господина Иглесиаса принципы, на которых зиждется система международных взаимоотношений, должны позволять США использовать военную силу по своему усмотрению. Говорить о том, что Соединенные Штаты нарушают международные законы или творят вопиющий произвол, — верх простодушия, даже глупости. Кстати, я тоже стал жертвой этих выпадов, и с радостью признаю свою вину: да, был одним из этих людей. До сих пор считаю: Великая хартия вольностей и международное право заслуживают того, чтобы с ними считались.

Я говорю обо всем этом только с целью ярче обрисовать положение, существующее в американской интеллектуальной среде даже на так называемом леволиберальном фланге политического спектра страны. Основные политические принципы правящей элиты изменились не слишком сильно. Но вот возможностей претворять эти принципы в жизнь изрядно поубавилось. Именно поэтому сейчас так часто слышатся разговоры об упадке Америки. Давайте посмотрим на последний в этом году номер журнала *Foreign Affairs*, главного издания американского истеблишмента. На обложке огромными буквами напечатан заголовок: «Наступил ли Америке конец?» Обычные причитания тех, кто полагает, будто обязан владеть целым белым светом. Если полагаете, что мир принадлежит вам одним, и что-либо из этого мира вдруг от вас ускользает — разумеется, это трагедия, мироздание рушится вокруг вас. Итак: наступил ли конец Америке? Мы «потеряли» Китай, мы «потеряли» Юго-Восточную Азию, мы «потеряли» Южную Америку. Можем «потерять» и Ближний Восток, и страны Северной Африки. Что, Америке наступит конец? Это чистейшей воды паранойя, паранойя сверхбогатых и сверхмогущественных. Если вы не обладаете всем миром — грядет настоящая катастрофа.

New York Times описывает «определенные сложности в проведении политики по отношению к „Арабской весне“: как уравновесить противоречащие друг другу американские импульсы, включающие в себя и поддержку демократических изменений, и желание достичь стабильности, и трепет перед исламистами, ставшими изрядной политической силой». *New York Times* определяет три главные цели США. Что вы об этом думаете?

Два утверждения вполне точны. Соединенные Штаты выступают за региональную стабильность. Однако необходимо помнить, что означает подобная стабильность. Подобная стабильность означает полное согласие выполнять все американские приказы. Так, например, одно из обвинений, постоянно предъявляемых Ирану, таящему в себе крупнейшую внешнеполитическую угрозу для США, заключается в том, что, дескать, Иран «дестабилизирует обстановку» в Ираке и Афганистане. Каким же образом Иран «дестабилизирует обстановку»? А очень простым: пытаюсь расширить свое влияние на сопредельные страны. Мы, однако, «стабилизируем» эти же страны, вторгаясь в них и круша направо и налево — все подряд.

Время от времени цитирую одну из моих любимых иллюстраций к такому положению дел, позаимствованную у широко известного, очень хорошего, либерального политического обозревателя Джеймса Чейза, бывшего редактора журнала *Foreign Affairs*. Описывая свержение режима Сальвадора Альенде и установление диктатуры Аугусто Пиночета в 1973 году, он сказал, что нам необходимо «дестабилизировать» Чили с целью «достижения стабильности в стране». Это фраза не абсурдна и не содержит внутреннего противоречия. Мы вынуждены были уничтожить парламентскую систему в Чили, дабы достичь в стране стабильности, означающей в нашем понимании: чилийцы примутся делать то, что мы им велим. Да, в этом смысле мы выступаем за «стабильность».

Опасения, связанные с политическим исламом, напоминают аналогичные опасения, порождаемые любым иным движением за независимость. Страшитесь всего независимого:

оно способно подорвать ваше положение. На самом же деле этот страх перед политическим исламом достоин удивления, ибо Соединенные Штаты и Великобритания с незапамятных времен поддерживали радикальный исламский фундаментализм, а уж он-то намного опаснее политического ислама. Исламский фундаментализм поддерживали в качестве силы, способной обуздать в арабском мире светский национализм, представлявший для Запада нешуточную угрозу. Так, к примеру, Саудовская Аравия является самым фундаменталистским государством на свете, это государство радикального ислама. Саудовская Аравия с фанатическим упорством распространяет радикальный ислам в Пакистане и других странах, а заодно и финансирует террористическую деятельность. Но эта страна — бастион и оплот американской и британской политики в тех краях. Саудовская Аравия последовательно поддерживала США в борьбе с египетским светским национализмом Гамаль Абдель Насера, с иракским светским национализмом Абделя Керим Касема, а также в борьбе со многими другими врагами Запада. Да вот беда: не нравится властям Саудовской Аравии политический ислам, поскольку способен стать независимым.

Первая из трех вышеупомянутых целей — развитие демократии. Мы изнываем от желания поддержать демократию. Но я бы сравнил это американское желание с рассуждениями товарища Сталина о приверженности СССР делу мира, демократии и свободы во всем мире. Когда нечто подобное вам твердят комиссары-коммунисты или иранские муллы, вы, скорее всего, смеетесь; а когда слышите подобные речи от представителей западного истеблишмента — вежливо, даже с неким трепетом, киваете в знак согласия.

Если пристально посмотреть на историю, увидите: наше горячее стремление к демократии выглядит лишь крайне неудачной шуткой. Это признают даже ведущие ученые, хотя они выражаются несколько по-иному. Один из крупнейших исследователей в области так называемого развертывания демократии — Томас Каротерс. Он консерватор, весьма ценимый в политических кругах. Каротерс — убежденный приверженец неореиганомии, он далеко не либерал. Он работал в Государственном департаменте во времена рейгановского правления и написал несколько книг, посвященных развертыванию демократии, которыми очень гордится. В этих книгах говорится: верно, демократия — глубоко укоренившийся американский идеал, однако у него очень забавная история. Суть истории заключается в том, что каждая американская администрация «больна шизофренией». Правители поддерживают демократию, только если она соответствует определенным стратегическим и экономическим интересам. Каротерс описывает это состояние как некую странную патологию: получается, Соединенным Штатам нужна психиатрическая помощь — или даже смиренная рубашка. Конечно, существуют иные толкования творящегося в государстве — такие, что и в голову не придут образованному, здравомыслящему человеку.

Всего через несколько месяцев после того, как режим Мубарака в Египте рухнул, Мубарак очутился на скамье подсудимых и выслушал предъявленные обвинения. Сегодня и помыслить нельзя о том, что правителям США когда-либо придется отвечать за свои преступления в Ираке и других странах. Может ли положение дел измениться в обозримом будущем?

Мы живем согласно утверждению Иглесиаса: мировой порядок основывается на праве Соединенных Штатов использовать силу по усмотрению. Как же можно в таком случае предъявить кому-либо обвинения?

То есть никто больше не имеет права использовать силу?

Конечно нет. Ну, разве что наши союзники имеют такое право. Если Израиль вторгнется в Ливан, перебьет тысячу человек и разорит половину страны — все в приемлемом порядке. Вот что еще интересно. Барак Обама был сенатором перед тем, как сделался президентом. Немногого достиг он в бытность свою сенатором, однако на этой должности совершил целых два выдающихся деяния, одним из которых очень гордится.

Заглянули бы вы на сайт Обамы перед началом «праймериз», увидели бы: одним из достижений, упомянутых Обамой чуть ли не в качестве подвига, было то, что он выступил одним из инициаторов сенатской резолюции, требовавшей, чтобы Соединенные Штаты ни в коем случае не препятствовали военным действиям Израиля, пока тот не достигнет поставленных целей. Эта же резолюция осуждала Иран и Сирию за то, что они поддерживали сопротивление Израилю, в то время как Израиль (по чистому совпадению, разумеется) уже в пятый раз за последние четверть века подвергал Южный Ливан полному разрушению. То есть Израиль получил право использовать силу наравне с Соединенными Штатами. Другие союзники Америки тоже имеют такое право.

Но в действительности полноправным участником событий является только Вашингтон. Это и значит «владеть миром». Это как воздух, которым мы дышим. Тут не может быть никаких вопросов. Главный основатель современной теории международных отношений Ганс Моргентау был весьма порядочным человеком, одним из очень немногих политологов и специалистов в области международных отношений, резко отзывавшихся о вьетнамской войне — по нравственным, а не стратегическим или политическим соображениям. Это было тогда большой редкостью. Моргентау написал книгу, озаглавленную «Цель американской политики». У всех других стран осязаемой цели нет. Цель же Соединенных Штатов представляется чуть ли не «трансцендентальной» — целью наивысшего, так сказать, порядка: принести свободу и справедливость всему остальному миру. Но Моргентау был хорошим ученым, не хуже Каротерса. И он сказал: если заглянуть глубже в историю, то похоже, что Соединенные Штаты не вполне оправдали свои притязания на высшую цель. Впрочем, пишет Моргентау, критиковать «высшую цель» США — «все едино что уподобиться атеисту, отрицающему религию». Неплохое сравнение. Американская вера в свободу и справедливость — своего рода глубоко укоренившееся «религиозное верование», истово исповедуемое закоренелыми же безбожниками. Оно укоренилось настолько глубоко, что выпутаться уже невозможно. А если вы усомнитесь в этой «религии наизнанку» и начнете задавать вопросы, то немедленно вызовете вспышку истерии либо навлечете на себя обвинения в антиамериканизме или «ненависти к Америке». Такие обвинения сами по себе довольно любопытны и многозначительны, поскольку вряд ли могут звучать в демократическом обществе, блюдущем свободу и справедливость. Подобное звучит лишь в откровенно тоталитарных обществах. Ну конечно, и здесь — в Соединенных Штатах. Здесь их принимают как нечто вполне естественное.

Волнения в Соединенных Штатах Америки

Кембридж, штат Массачусетс
(17 января 2012 года).

Вы как человек, которого интересует использование языка в политических целях, должны оценить иронию того, что слова «оккупировать» и «оккупация», имеющие отрицательное значение, используются сегодня в положительном, одобрительном смысле членами так называемого Оккупационного движения.

Это, конечно, весьма самобытное словоупотребление, ставшее невероятно ходким. Сегодня слово «оккупация» означает захват чего-либо ради достижения неких любезных нашему народу целей. Захват общественных мест игриво именуют «оккупацией». Откровенно говоря, я бы никогда не подумал, что такое может случиться. Сейчас зарождается еще одно движение под названием «Оккупируй мечту». Оно было создано представителями различных ответвлений Оккупационного движения и теми лидерами движения за гражданские права, кто еще барахтается на поверхности, — например, Бенджамином Чавесом¹⁷. Мечта, о которой они толкуют, — не та мечта, о которой люди

¹⁷ Чавес Бенджамин (р. 1948) — один из лидеров движения за права чернокожего населения США. Был

беседуют меж собой в день памяти Мартина Лютера Кинга, и не плоская мечта о равных и справедливых гражданских правах. Настоящей мечтой Мартина Лютера Кинга было покончить с войной, покончить с повседневными людскими страданиями, а не только добиться равных гражданских прав, что само по себе было довольно сложно.

С того сентябрьского дня 2011 года, когда началось движение «Оккупируй Уолл-стрит», в обществе все чаще обсуждаются такие понятия, как «неравенство доходов», «концентрация богатства», «доходы топ-менеджмента», «бедность», «безработица».

Мысль об 1 % и 99 % действительно стала в обществе довольно распространенной. Оккупационному движению удалось затронуть чувства, ощущения и переживания, что спрятаны под самой поверхностью, — и вывести их на поверхность. Затем, неожиданно, все это взорвалось. Очень интересно, к примеру, перелистать Financial Times, наиболее влиятельную деловую газету в мире, и с удивлением обнаружить: она смотрит на Оккупационное движение с большой симпатией — симпатизируя при этом не далеким целям этого движения, о них даже не заикаются, но его ближайшим целям. Ныне свободно используют многие образы и символы Движения — и делается это с полнейшим дружелюбным сочувствием.

Конечно, одновременно с этим предпринимаются невероятные по размаху попытки оклеветать и подорвать движение, которое называют «политиканством зависти». Почему бы тебе, олух, не умыться и потом не поискать работу? Это, несомненно, производит некое желаемое воздействие. Но все же Оккупационное движение зародило искру, и это изменило саму суть обсуждений ключевых проблем в стране — так же, как и тональность этих обсуждений.

Но, как и в любом другом деле, лидерам этого движения следует сначала хорошенько подумать, а потом уж действовать. Тактика захвата общественных мест оказалась невероятно успешной. Великолепная была тактика, и не только потому, что подобным образом намного легче привлечь внимание к какой-либо проблеме, но еще и постольку, поскольку возникала общность людей — невероятно важная вещь в таком обществе, как наше, ведь сегодня оно разобщено донельзя. Нынешние люди очень одиноки. Они сидят перед телевизором. Ты уже больше не можешь, как говаривали в старое доброе время, «посудачить и посплетничать с соседом» — это нынче не принято. Разобщай и властвуй! — таков основной нынешний политический прием, старый как мир. Одним из самых осязаемых достижений Оккупационного движения — станем для краткости звать его членов «оккупантами» — является то, что им удалось собрать людей вместе и создать функционирующие, свободные, демократические общины, где имеется все: общие кухни, библиотеки, медицинские пункты и свободные общие собрания, позволяющие людям свободно говорить и спорить. «Оккупанты» создали крепкие связи и взаимоотношения, которые, если сумеют сохраниться, смогут в будущем значительно повлиять на общество.

Но любая политическая тактика имеет свой срок жизни. Некоторое время она остается действенной, а затем результаты начинают ухудшаться. Это неизбежно. Поэтому очень важно на определенном этапе, возможно даже сейчас, спросить себя: не миновало ли время для «оккупационной» тактики? А не стоит ли затеять нечто новое — например движение «Оккупируй мечту»? В бедных районах Нью-Йорка и Бостона, а также других городов, где живут преимущественно представители этнических меньшинств, появилось движение «Оккупируй район». Люди собираются вместе для того, чтобы решать свои общие внутрирайонные проблемы. Они берут пример с главного Оккупационного движения, развертывающегося в городском центре, говоря: «Сделаем подобное и в своем районе». Вот это действительно важно.

Думаю, хорошо бы усвоить уроки Туниса и Египта, а также опыт самих Соединенных Штатов, относящийся к тридцатым годам XX века. Если рабочее движение в стране не вернется к жизни и не станет ядром всех новых общественных движений, то, полагаю, далеко такие движения не уйдут. Вернуть рабочее движение к жизни — при взгляде на сегодняшние США эта задача может, конечно, показаться невыполнимой, и в то же время условия для ее реализации не намного хуже, чем были в тридцатых годах. Не забывайте: к двадцатым годам американское рабочее движение, дотоле очень боевое и довольно успешное, почти полностью уничтожили.

Красная угроза и рейды Палмера¹⁸ сокрушили рабочее движение, а также всякую свободную мысль; возникло новое американское мышление: дескать, бурная история кончается, настала эпоха утопий и пора нам завладеть миром! Нечто подобное наблюдалось и в начале девяностых. Но рабочее движение воскресло из пепла. Если обратиться к истории и вернуться в двадцатые годы, можно узнать: приезжие из других стран, включая консервативно настроенных людей, ужасались, видя, как обращаются с рабочими в Америке, насколько незавидное у них общественное положение. Ничего подобного не происходило ни в одной другой промышленно развитой стране. А в тридцатых годах рабочее движение в Америке возродилось, был создан Конгресс производственных профсоюзов США, по всей стране начались сидячие забастовки. Это может произойти вновь. Предпосылки для этого в американском обществе есть.

В 1968 году во Франции впервые прозвучал лозунг «Требуем невозможного». Что вы помните о том периоде, в некотором смысле похожем на нынешнее время?

То, что произошло тогда во Франции, очень важно. А самым важным — по крайней мере, для меня — было зарождение союза студентов и рабочих, что имело серьезные последствия. Это тот случай, когда из искры могло возгореться пламя настоящего пожара.

Чтобы начать сопротивление и бросить власти вызов, необходимо преодолеть страх. Кажется, «оккупантам» это удалось.

Да, это им удалось. Бросить вызов существующей власти всегда очень сложно. Не имеет значения, студент ли вы, ребенок ли в школе, подвергающий сомнению нечто происходящее вокруг вас, активист ли профсоюзного движения или политически инакомыслящий — кем бы вы ни были, даром это вам не пройдет. Правители, кем бы они ни были, очень редко с охотой отказываются от власти. Обычно они сопротивляются. В таком обществе, как наше, у них есть для этого очень много средств. В Соединенных Штатах деловая элита имеет обостренное классовое сознание. Она всегда ведет одностороннюю классовую войну, и если наталкивается на сопротивление, то мгновенно реагирует. Таким образом, да: придется заплатить, вам ничто не сойдет с рук даром. И страх ваш понятен. Если вы решили организовать на каком-то предприятии профсоюз, то легко можете подвергнуться наказанию. Такие наказания противозаконны, однако если вы живете в преступном государстве, то вам не поможет ничто. Государство не следит за соблюдением законов. В действительности даже сам акт нарушения всеобщей дисциплины — то есть попытка организовать людей — может быть наказуем.

Поэтому страх легко объяснить. В наши дни этот страх становится еще больше из-за настоящего наступления на основные гражданские права. Создана целая система контроля и репрессий. Ее не слишком часто используют, но все же она существует и при надобности может быть довольно жестокой.

К примеру, бессрочное задержание военными.

¹⁸ Рейды Палмера — серия силовых акций, предпринятых Министерством юстиции США и иммиграционными властями в 1918–1921 гг. и направленных против радикальных левых в США. Рейды названы по имени Александра Палмера, Генерального прокурора США при президенте Вудро Вильсоне.

Новый Закон о национальной обороне не столь уж и страшен, как утверждает кое-где в Интернете, — но все же это довольно плохой закон. По сути своей он закрепляет те положения, что на постоянной основе применялись администрацией Буша-младшего и Обамы, когда никто, в сущности, не возражал и не возмущался. В общем, этот закон можно было бы даже назвать палкой о двух концах. Но, поскольку закон остается законом, дела обстоят неважно. Этот новый закон позволяет, среди прочего, привлекать военных для полицейских операций внутри страны: это нарушает принципы, уходящие своими корнями еще в конец XIX века. Этот новый закон обязывает задерживать всех, кого считают террористами или вражескими бойцами. Для граждан США военное задержание также предусмотрено — правда, в качестве предупредительной меры, и не является обязательным. Но все это довольно опасные шаги.

Впрочем, я не думаю, что Закон о национальной обороне — самое опасное посягательство на гражданские права, случившееся во время правления президента Обамы. Намного более опасные решения приняты нынешней администрацией. Самым опасным следует, пожалуй, считать решение Верховного суда Соединенных Штатов в деле *Holder v. Humanitarian Law Project*. Это дело — кстати, не получившее большой огласки — было передано в суд президентской администрацией, а представляла его в суде бывший заместитель министра юстиции Елена Каган, совсем недавно назначенная Бараком Обамой на должность члена Верховного суда. Организация *Humanitarian Law Project* консультировала множество самых разнообразных групп, входивших в официальный список иностранных террористических организаций, составленный Государственным департаментом США. Представители этой организации разговаривали с ними в основном о миролюбивых стратегиях. Администрация президента Обамы заявила в суде: организация оказывала «ощутимую поддержку» терроризму, и президентская администрация выиграла дело. В США к тому времени уже существовали законы, направленные против «ощутимой поддержки и помощи» группам, находящимся в списках террористических организаций. Им нельзя предоставлять оружие. Но Обама расширил закон и запретил даже разговаривать с ними. Таким образом, если, например, как написано в постановлении Верховного суда, вы начнете беседовать с кем-нибудь, кого Соединенные Штаты зачислили в террористы, и приметесь увещевать этих людей: да перейдите же к ненасильственным методам борьбы! — то вы окажете «ощутимую помощь» террористическим группам. Возможные последствия этого просто невероятны. И это решения исполнительной власти США: решения, пересмотру не подлежащие.

Если посмотрите на определение: кого надлежит считать террористом, — ужаснетесь. Пожалуй, наиболее вопиющим окажется случай с Нельсоном Манделой, вычеркнутым из списка террористов всего лишь четыре года назад. Администрация президента Рейгана, поддерживавшая режим апартеида в Южной Африке до самого последнего дня, осудила в свое время Африканский национальный конгресс как одну из «самых зловещих террористических организаций в мире». Стало быть, Мандела — террорист, ведь так сказали в Вашингтоне. Он только сейчас, впервые, имеет право свободно приехать в Соединенные Штаты без особого на то дозволения. А вот Саддама Хусейна убрали из списка террористов в 1982 году, чтобы США смогли предоставить ему военную, сельскохозяйственную и другую помощь, которой Хусейн добивался. Вся история этого террористического списка — сплошное издевательство над здравым смыслом.

Расширение понятия «ощутимой поддержки» терроризма до того, что ею считается простая беседа с кем-либо неудобным, означает: любого из нас можно судить по обвинению в поддержке терроризма. Постановление суда относительно этого дела привели в исполнение безотлагательно. Как только Верховный суд США вынес постановление, ФБР обыскало несколько домов и квартир в Чикаго и Миннеаполисе, намереваясь получить сведения о людях, подозреваемых в предоставлении ощутимой помощи палестинским группам и Революционным вооруженным силам Колумбии (ФАРК). Это уже весьма серьезное наступление на гражданские свободы.

И можно понять, почему и чего люди боятся. Правительство имеет в своих руках орудия воздействия, которых ему вроде бы и не положено иметь.

В недалеком будущем мы будем праздновать восьмисотлетие Великой хартии вольностей. Для своего времени Великая хартия вольностей была огромным шагом вперед. Она узаконила право любого свободного человека — позднее это значило просто «любого человека» — не подвергаться необоснованным преследованиям. Хартия создала понятие презумпции невиновности, право быть свободным от преследования государством и право на свободный, быстрый, справедливый суд. Последнее из вышесказанного впоследствии было расширено до понятия *хабеас корпус*¹⁹ и стало частью американской конституции. Все это составляет основу англосаксонского права и остается одним из величайших его достижений; увы, сегодня все эти достижения просто пускают прахом.

Одним из самых удивительных примеров творящегося ныне является дело Омара Хадра, первого из узников Гуантанамо, представшего перед военной комиссией, — прошу заметить, не судом! — при администрации президента Обамы. Хадра обвиняли в том, что он якобы пытался оказать сопротивление американским солдатам, напавшим на его деревню. Омару тогда исполнилось пятнадцать лет. Вот в этом и заключалось его преступление. Пятнадцатилетний подросток пытается защитить свою деревню от вторгшейся в нее солдатни. Так Омар и стал террористом. Хадра держали на Гуантанамо — а перед этим на базе Баграм в Афганистане — восемь лет подряд. Полагаю, излишне рассказывать, что представляет собою военная база Гуантанамо. В конце концов Омар предстал перед военной комиссией, где ему предоставили выбор: либо не признавать себя виновным и остаться здесь навечно, либо признать себя виновным и провести в заключении еще восемь лет — всего-то навсего. Это нарушает все до единой международные конвенции, включая законы об обращении с несовершеннолетними. Конечно, этот случай — вопиющее нарушение любых международных принципов; повторяю: Омару в день «преступления» было всего пятнадцать лет. Вы думаете, общественность возмутилась? Ничего подобного, никто и глазом не моргнул.

В этом деле имеется еще одна изумительная подробность: Хадр числится гражданином Канады! Канадцы могли бы потребовать: выдайте Омара Хадра нам! — а затем освободить, если бы только этого захотели. Но и канадцы не решились отдалить ногу своему всемогущему хозяину.

Расскажите об опасностях политического сектантства, которое исторически вбило множество клиньев в общественное движение шестидесятых годов. Ведь отчасти это сектантство было организовано самим государством через контрразведывательную службу Федерального бюро расследований (COINTELPRO) — и другими способами.

Политическое сектантство — это очень серьезно. Основой политической активности американского народа в шестидесятых годах XX века было движение за гражданские права. Но к середине шестидесятых годов движение оказалось расколотым. Две организации — «Студенческий координационный комитет ненасильственных действий» и «Студенты за демократическое общество» — служили центрами притяжения для большей части политически активного студенчества и другой молодежи. Приблизительно в 1968 году левое крыло студенческого движения раскололось на две главные группы. Одной из них было «Прогрессивное рабочее движение» — по сути своей бывшее маоистской организацией. Члены этой группы заявляли: «Давайте встанем перед воротами завода General Electric в городе Линн, штат Массачусетс, и будем раздавать рабочим листовки, чтобы вовлечь их в маоистскую революцию». Я могу, разумеется, несколько преувеличивать, но в принципе именно такова и была их основная программа. Другая группа звалась «Синоптиками», ее

¹⁹ Хабеас корпус (от лат. *habeas corpus*, «представь арестованного лично в суд») — традиционное понятие английского (а с XVII в. — и американского) права, которым гарантировалась личная свобода.

члены заявляли: «Положение в стране столь ужасно и отвратительно, что необходима немедленная революция. Как ее устроить? Примемся бить стекла банков и нападать на врагов». Решили грабить банковских инкассаторов — и так далее, и в том же духе. Трудно сказать, какую из этих групп составляли большие и худшие нигилисты и анархисты. Пожалуй, все, что вытворяли обе, являлось одинаково пагубным.

Тогда было очень сложно предостеречь молодых людей от того, чтобы они не попали в ловушку этих растлителей. Некоторые устояли, но многие оказались втянутыми в «борьбу». Разразилось множество человеческих трагедий. Кое-кто из моих друзей многие годы провел за тюремной решеткой. Подобный уклон в левизну фактически и уничтожил студенческое движение.

COINTELPRO действительно сыграла свою роль в этой истории, только не стоит преувеличивать этой роли. Большая часть политического сектантства в действительности родилась внутри самого студенческого движения.

Одно из обвинений, выдвинутых в адрес движения «Оккупируй Уолл-стрит», звучало так: это движение не имеет вожаков, оно анархично и в нем отсутствует какая-либо идеология. Что вы думаете о процессе принятия решений, характерном для сегодняшних «оккупантов»? Ведь у них реально не существует никакой иерархии. К примеру, на все проводимые ими демонстрации приходят исключительно добровольцы.

Согласие, конечно, имеет свои достоинства, но также представляет собой и серьезную опасность. Все, кто давно занимается политикой, хорошо знают: решения, принимаемые на основе всеобщего согласия, на самом деле часто бывают авторитарными. Появятся некие небольшие группы активистов, решат захватить контроль над движением в свои руки — и будут упорно этого добиваться до тех пор, пока всем остальным не надоеет сопротивляться; закончится тем, что упомянутые группы начнут управлять целым движением, — уже случалось много раз. Таким образом, да, согласие может быть явлением положительным, однако следует понимать и недостатки, ему присущие.

Не имея какого-либо политического руководства, движение понемногу склонилось к маоистскому образу мысли: дескать, «пусть расцветают сто цветов», и я думаю, это хорошо. Они не создавали какой-то единой партийной линии, подобно, скажем, старой Коммунистической партии. Или возьмем, к примеру, современный аналог политической партии, такой как Республиканская партия. У Республиканской партии сегодня существует некий катехизис. Если захотите стать кандидатом от Республиканской партии, то, за очень редким исключением, придется повторять этот катехизис хором со всеми остальными кандидатами: «Глобального потепления не существует! Нет налогам на богатых!»

Придется твердить десяток заученных фраз, независимо от того, согласны вы с ними или нет. Любой отошедший от партийной точки зрения тут же попадет в беду. Один из пунктов республиканского катехизиса гласит: если объявится кто-либо, кто нам не по душе, или кто-то, кто, как мы думаем, может повредить нам, то «мы их перебьем», как выразился Митт Ромни. Один из республиканских политиков по имени Рон Пол²⁰ заявил однажды во всеуслышание: «Пожалуй, стоит принять золотое правило... во внешней политике: относитесь к другим странам так, как вы бы хотели, чтобы они относились к нам». За это высказывание его в буквальном смысле освистали и чуть ли не силой вытолкали со сцены. Это напоминает старую Коммунистическую партию.

Движения «оккупантов» поступают вполне правильно, стараясь уйти от такой квазитоталитарной структуры. Однако согласие может зайти слишком далеко, подобно любой другой тактике. Я думаю, критика по адресу «оккупационных» движений, гласящая, будто ничего определенного они не предлагают и не требуют, не совсем справедлива.

²⁰ Пол Рон (р. 1935) — консервативный американский политик, член палаты представителей США, один из видных деятелей крайне консервативного Движения чаепития.

Предложений от «оккупантов» поступило уже вдоволь, многие из них вполне разумны и легко осуществимы. Некоторые настолько легко, что даже получили общественную поддержку — о них напечатаны одобрительные статьи в газете Financial Times. К примеру, «оккупанты» предложили ввести налог на любые финансовые транзакции, что не лишено смысла.

Да ведь это же бывший «налог Тобина», предложенный в свое время экономистом и лауреатом Нобелевской премии Джеймсом Тобином! Иногда его насмешливо зовут «налогом Робин Гуда».

Совершенно верно. Налог на проведение финансовых транзакций, конечно, мог бы иметь огромное значение для целого ряда стран, применяйся он справедливо. Но категорический отказ вводить налоги на богатство, превосходящее воображаемые пределы, является еще одной неотъемлемой частью республиканского катехизиса. Попытки изменить подобное положение дел и решить проблему радикального неравенства действительно имеют смысл.

Также имеет смысл задуматься о создании рабочих мест. Наихудшая нынешняя незадача — не бюджетный дефицит, а безработица. Думаю, подавляющее большинство американцев согласится со мной. Но банки со мной отнюдь не согласны, потому вопрос и не обсуждают в Вашингтоне.

Мы могли бы иметь неплохую систему здравоохранения, подобную существующим в других развитых странах. Это не пустые мечты. За это имеет смысл бороться. Государственная система здравоохранения имеет огромную поддержку среди американцев, да вот беда: финансовые институты выступают против нее, и поэтому власти даже не обсуждают этот вопрос. Национальная система здравоохранения, кстати, кроме всего прочего, сократила бы дефицит бюджета — хотя это и не играет особой роли.

Существует много других прямо-таки революционных целей, которые, как я считаю, вполне осуществимы. Так, к примеру, некая транснациональная корпорация решила закрыть эффективно работающее в США предприятие, поскольку то не дает достаточной прибыли. Если руководство корпорации захочет закрыть завод и перенести производство в Китай, рабочие этого предприятия и жители города, в котором предприятие находится, имеют право взять его под свой контроль. Могут купить его или взять в управление, и таким образом сохранить производство и, следовательно, рабочие места. Подобная практика существует в деловом мире, где, кстати, также действует закон, гласящий: любые корпорации обязаны действовать в интересах своих акционеров и всех прочих заинтересованных лиц. Заинтересованными лицами в данном случае выступают все, кого касается происходящее на предприятии, — рабочие, жители города, где предприятие находится, и многие другие.

Движение «оккупантов» могло бы, по крайней мере, явить не меньшую изобретательность, чем заурядный учебник экономики. Если они последуют по этому пути — возможно, в обществе и наступят многообещающие перемены.

Социолог Иммануил Валлерстайн ²¹ заявляет: «Капитализм находится в конце своего пути». Не слишком ли рано говорить о закате капитализма?

Не понимаю, о чем вообще идет речь. Знаете, в США капитализма никогда не было; выходит, нечему и заканчиваться. Существует некий вид государственного капитализма. Если вы летаете самолетом, то, в сущности, летаете на переделанном для гражданских нужд бомбардировщике. Если покупаете лекарства в аптеке, то знайте: основные исследования, необходимые для фармацевтического производства, оплачены из государственной казны. Вся индустрия высоких технологий просто нашпигована государственной системой

²¹ Валлерстайн Иммануил (р. 1930) — американский социолог и философ-неомарксист, один из ведущих представителей современной левой общественной мысли.

контроля и правительственными субсидиями. А если поглядите на то, что многие рассматривают в качестве альтернативы нам — то есть на Китай, — убедитесь: Китай является также государственным капитализмом, просто созданным в иной форме. Вот и не понимаю, что же именно должно прийти к концу, какой именно капитализм.

Дело совсем в ином: могут ли эти экономические системы, какими бы они ни были, приспособиться к сегодняшним проблемам и обстоятельствам? Например, не существует никакого оправдания, экономического или любого другого, для колоссальной и все увеличивающейся начиная с семидесятых годов XX века роли финансовых учреждений. Даже некоторые из самых уважаемых экономистов в мире указывают: финансовые учреждения влияют на мировую экономику отрицательно. Главный экономический обозреватель газеты Financial Times Мартин Вулф прямо заявляет: необходимо лишить финансовые учреждения того огромного общественного влияния, которое имеется у них сегодня. Существует множество различных возможностей, позволяющих изменить сложившееся положение дел. Во многих отраслях промышленности рабочие могут взять контроль над предприятиями в свои руки. Есть интересная работа на эту тему, написанная известным экономистом Гаром Алперовицем: он долгие годы находился в самой гуще организационных процессов, проходивших вокруг контроля рабочих над предприятиями. Это не революция, но микроб совсем другого капитализма — капитализма, где преобладают рынки и прибыли.

Говард Зинн однажды высказался так: «У всех правительств есть одна большая слабость — и не важно, велика ли армия каждого конкретного государства, сколько у него денег или насколько тщательно оно контролирует информацию, доступную народу, — слабость коренится в том, что государственная власть зависит от того, насколько покорны и послушны граждане, солдаты, служащие, журналисты, учителя, писатели и художники. Как только все эти люди начнут подозревать, что их обманывают, и перестанут поддерживать правительство, правительство потеряет свою законность и, следовательно, власть». Зинн также написал, что люди «с предельной ясностью понимают — если только их внимание не приковывается правительством и средствами массовой информации к разразившейся войне, — что миром заправляют богачи».

В сущности, правильно сказано. И все же, ни в коем случае не возражая Говарду, замечу: помилуйте, все это старо как мир. Думаю, классической была формулировка, данная Дэвидом Юмом²² в трактате, озаглавленном «О первоначальных принципах правления», где Юм точно подметил, что «сила всегда на стороне подвластных». Независимо от того, милитаристское перед нами общество, или частично свободное, или такое, какое мы — но, правда, не Зинн — зовем тоталитарным, — именно подвластным и принадлежит в действительности государственная власть. Правящему классу необходимо найти способ сдерживать подданных, не допустить им воспользоваться своей властью. Применение силы имеет определенные границы; часто необходимо не подавлять, но убеждать. Правящему классу нужен способ, позволяющий убедить людей принять главенство правителей. Если этого не сделать, все просто рухнет.

Когда принуждение уже не действует, поневоле прибегают к убеждению. В богатых развитых странах это стало настоящим искусством. В Великобритании и Соединенных Штатах, столетие тому назад самых свободных обществах мира, правящие классы — тори в Британии и мыслящие властители в США — весьма четко понимали: пределы принуждения уже были достигнуты, преступать их нельзя. Подданные получили уже чересчур много свободы: рабочие партии в парламенте, профсоюзы, организации по защите женских прав. Таким образом, правящая элита поневоле начала контролировать людские взгляды и мнения.

²² Юм Дэвид (1711–1776) — шотландский философ, экономист и историк, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения.

Вот тогда и зародились так называемые «связи с общественностью». Эдвард Бернейс²³, прогрессивный либерал, «гуру» американской индустрии по связям с общественностью, выразил в свое время мнение — как обычно, общепринятое и расхожее: «То, что мы делаем, должно быть воспитывающей демократией, управляемой грамотным меньшинством, которое знает, как обуздывать народные массы и водить их строем, на военный лад». Мы должны любыми средствами или убедить народ, или переубедить его — дабы самим удержаться у власти. Кто бы ни высказал подобное мнение — всегда является членом «разумного меньшинства». Действуют посредством пропаганды. Этот термин в те времена использовался абсолютно открыто. Бернейс даже назвал свою книгу «Пропаганда». Это слово приобрело отрицательное значение только в тридцатые годы прошлого века, но прежде им пользовались абсолютно свободно. В наши дни пропаганду вежливо зовут рекламой или употребляют эвфемизм: связи с общественностью.

Таковы основы индустрии, контролирующей мнения и взгляды общества, заставляющей людей погрязнуть в бессмысленном потреблении, разобщающей их множеством различных способов. На это уходят огромные средства. Маркетинг — лишь одна из разновидностей пропаганды. Если бы кто-нибудь, помимо рыночных идеологов, принимал рынки всерьез — если бы сами дельцы принимали рынки всерьез, то маркетинга в нынешнем его виде не возникло бы вовсе. Если вы изучали курс экономики в университете, вам твердили: рынки основаны на том, что хорошо информированные потребители принимают рациональные потребительские решения. Но ведь бизнес тратит огромные средства, именно вода «хорошо информированных потребителей» за нос, чтобы те принимали безрассудные потребительские решения. Это ведь абсолютно очевидно — стоит лишь пристально поглядеть на нашу рекламу. Существой поистине рыночная экономика — американская компания General Motors выпустила бы на телевидение тридцатисекундную рекламу, говорящую кратко и просто: «Вот характеристики автомобилей, которые мы начинаем продавать в следующем году». Но они, естественно, этого не делают: хотят захватить наибольшую долю автомобильного рынка.

И политическая элита, и представители деловых кругов пытаются подорвать демократию одними и теми же способами. В восьмом классе любой средней школы вам расскажут: демократия заключается в том, что хорошо информированные избиратели сделают рациональный выбор. Но политические партии думают обратное. Именно поэтому в своей деятельности они используют лозунги, риторику, ставят целые спектакли, именуемые «связями с общественностью», проводят поистине сумасшедшие выступления — все, что угодно; только никто и никогда не скажет вежливо и спокойно: «Я намерен сделать то-то и то-то. Голосуйте за меня». Таким образом, можно смело заявить: страх и ненависть по отношению к рыночной экономике и демократии в основном имеют одни и те же корни.

Насколько знаю, первым все эти процессы четко описал и разъяснил Юм. Власть и на самом деле принадлежит народу, а значит, главная задача власть имущих и их окружения — церкви, интеллектуалов и других — разобщить народ, удалить его от власти. Один из самых известных интеллектуалов XX века Уолтер Липпман²⁴, также бывший прогрессивным демократом, однажды сказал, что мы обязаны защищать порядочных людей, то есть разумное меньшинство, от «рева и топота обезумевшего стада». Именно для этого и создана огромная индустрия по связям с общественностью.

²³ Бернейс Эдвард (1891–1995) — один из крупнейших в истории специалистов по связям с общественностью. Внес значительный вклад в создание современной науки массового убеждения. В некрологе был назван «отцом общественных отношений». Родился в Вене, племянник Зигмунда Фрейда (сын сестры Фрейда), активно использовал идеи Фрейда в своей работе.

²⁴ Липпман Уолтер (1889–1974) — американский писатель, журналист, политический обозреватель, автор оригинальной концепции общественного мнения.

В конце 2011 года обозреватель газеты *New York Times* Дэвид Брукс известил читателей о том, что Институт Гэллага, исследовавший общественное мнение, задал следующий вопрос: «Что представляет наихудшую угрозу государству в будущем: большой бизнес, большие профсоюзы или большое правительство?» Почти 65 % опрошенных ответили: государство, а 26 % сказали: бизнес. Не является ли это примером того процесса убеждения и процесса достижения согласия среди народа, о котором вы говорили?

Если копнуть несколько глубже, возникнет иной вопрос: «А чего же вы ждете от правительства?» Ответ окажется прост: «Пусть оно прекратит выручать банки правдами и неправдами. Именно за это я ненавижу правительство. Не надо выручать банки. Прекратите освобождать богатых от налогов. Пусть богатые платят больше налогов. Правительство должно выделять больше средств на здравоохранение и образование». И так далее, и тому подобное. Этот вопрос Института Гэллага изначально так сформулирован, чтобы дать возможность людям вроде Дэвида Брукса делать вышеизложенные умозаключения.

Возьмем, к примеру, программу помощи неимущим и малоимущим (Welfare). На сегодня большинство американских граждан резко возражают против этой программы. Однако не стоит упускать из виду — очень многие одобряют то, что эта программа делает для неимущих, и поддерживают ее. Выходит, если нынче задать вопрос: «Должны ли мы выделять больше средств на программу помощи неимущим?» — ответ будет недвусмысленным: нет! Но если задать вопрос иначе, спросить: «Должны ли мы выделять больше средств на помощь матерям с маленькими детьми?» — ответ будет столь же недвусмысленным: да! Это пример успешной пропаганды. Пропаганда весьма успешно очернила Welfare. Президент Рейган изрядно приложил к этому руку, красочно живописуя состоятельную афроамериканку, подъезжающую на лимузине с шофером к офису Welfare: получить чек, а по чеку — часть ваших денег, заработанных в поте лица. Никому, конечно, такое не нравится; все настроены против Welfare. Но скажите, что будет с матерью-одиночкой, не способной прокормить своего ребенка? О, тут уж мы за то, чтобы ей помочь.

Если посмотреть на происходившее в шестидесятые годы, заметим: с тех пор произошли серьезные изменения в восприятии подобных вещей. Очень интересное исследование на эту тему недавно появилось в журнале *Political Science Quarterly*. Концепция «Нового курса» президента Рузвельта подразумевала: поддерживать нуждающихся, удовлетворять их основные потребности — справедливо и правильно. Еще бы! — мать нескольких маленьких детей имеет право кормить их досыта. В шестидесятых годах эта школа мысли претерпела изменения. По мере того как система Welfare расширялась, концепция стала выглядеть иначе: можете получать помощь, но вы должны работать. Кончилось тем, что Welfare (содействие неимущим) превратилось в *workfare* (содействие трудящимся). Когда у власти оказался президент Клинтон, маленькие дети уже утратили человеческое право поесть досыта. Родители получали простое пособие — до тех пор, пока не находили работу, искать которую были обязаны согласно правилам. Любопытный образ мыслей: получается, растить детей — забава, а не работа. Поразительный цинизм. Все, кто растил детей, знают: это не просто работа, но тяжелая, самоотверженная работа. Даже с экономической точки зрения, пользуясь довольно отвратительной терминологией обычной экономики, воспитание детей создает то, что называют «человеческим капиталом». В любом курсе экономики вам скажут: человеческий капитал (иными словами, качественная рабочая сила и здоровое пушечное мясо) крайне важен для государства. Как создается разменная единица человеческого капитала в четырехлетнем ребенке? Матери следует находиться дома и заниматься ребенком, воспитывать его, а не мыть посуду в ресторане, пока полубеспорядочное дитя шатается по улицам. Но, увы, работающим семьям не выделяется никакой помощи — в итоге семьи зачастую разрушаются. Упомянутые изменения приводят к поразительным сдвигам в людских умах.

За всеми этими изменениями стоит огромная сила: поборники «семейных

добродетелей». Люди, именующиеся консерваторами, заявляют: «Мы обязаны поддерживать семейные добродетели! Для этого мы запрещаем аборт — лишаем женщину права на выбор: обзаводиться детьми или нет, — а затем отказываем женщинам в помощи, когда приходится детей поднимать. Вот как нужно блюсти и насаждать семейные добродетели». Внутренние противоречия в подобных заявлениях просто ошеломляют.

Разговоры о механизме контроля внутри страны напоминают мне рассуждения Аристотеля о демократии. Что же он говорил?

Изучение любой политической системы в наши дни основывается на Аристотелевой «Политике» — эту книгу очень любопытно читать. Аристотель повествует в основном о Древних Афинах. Однако он изучал различные политические системы — олигархические, монархические, — и ни одна из них Аристотелю не понравилась. Он заявил: демократия, вероятно, лучшая политическая система из всех существующих, но и в ней есть великие пороки. Аристотель был очень озабочен этими пороками. Один из них поразителен по своей сути — причем сохранился в своем первоизданном виде доныне. Аристотель пишет: «Если бы люди (людьми в те времена звали только свободных мужчин — рабы и женщины людьми не считались) при демократии имели право голоса, то бедняки оказались бы в большинстве. И свое право голоса они использовали бы для того, чтобы отнять и поделить собственность богатых — это несправедливо крайне, и должно быть исключено».

Джеймс Мэдисон²⁵ пришел к такому же заключению, только образцом избрал Англию. Он заявлял: если бы свободные люди жили при демократии, то бедные фермеры принялись бы присваивать и делить собственность богатых фермеров: провели бы то, что в наши дни вежливо зовется земельной реформой. А это неприемлемо. Аристотель и Мэдисон столкнулись с одной и той же задачей, но пришли к разным решениям. Аристотель сделал вывод: уменьшим неравенство меж людьми, чтобы малоимущие не зарились на добро богатых. Он даже рисует образ города, в котором существовало то, что мы сегодня называем программами государственной социальной помощи, общественными кухнями и т. д. Это сократило бы неравенство, а с ним и утихомирило бедных, покушающихся овладеть имуществом богатых.

Вывод Мэдисона был прямо противоположным: необходимо обуздать демократию, лишить бедных возможности сплотиться и обобрать богатых.

Если пристально посмотреть на американскую конституционную систему, то можно сделать вывод: она создана согласно воззрениям Мэдисона, порицавшего демократию. Система Мэдисона предусматривала полное сосредоточение власти в руках сената. Исполнительная власть в те времена была не более чем управительницей — не то что в наши дни. А тогдашний сенат состоял из людей, представлявших собой поистине «богатство нации», люди эти испытывали большое уважение к собственникам любого имущества и к их правам. Такой и должна быть истинная государственная власть. Напомню еще один факт: сенат в те времена не выбирали. Членов сената назначали законодательные собрания штатов, сами полностью подвластные богатым и сильным мира сего. Палата представителей была намного ближе к народу, но реальной власти у нее было намного меньше. К тому же в политической системе той эпохи еще существовали разного рода уловки, не позволявшие гражданам слишком активно участвовать в политической жизни страны, — ограничивалось право голоса и право собственности. Замысел сводился к тому, чтобы предотвратить угрозу демократии — то есть народовластию. Эта цель остается неизменной поныне. Она приняла другие формы, но суть ее все та же.

Необыкновенная мудрость

²⁵ Мэдисон Джеймс (1751–1836) — четвертый президент США, один из ключевых авторов конституции США.

Кембридж, штат Массачусетс
(20 января 2012 года).

Давайте поговорим об экономическом кризисе в Европе и его влиянии на Соединенные Штаты. Евро имеет хождение в семнадцати странах — но ведь в Европейском союзе насчитывается двадцать семь государств.

Очень сложно объяснить, чем занимается Европейский центральный банк (ЕЦБ), если не называть его действия сознательной классовой войной. Довольно широкий круг экономистов, включая целый ряд консервативно мыслящих, отдают себе отчет в том, что наихудшим экономическим курсом из всех возможных во время рецессии является курс жесткой экономии. Необходимо стимулировать экономику во время рецессии, а не сталкивать ее в еще более глубокую яму. Но Европейский центральный банк строго придерживается курса жесткой экономии, а происходит это в основном под влиянием Германии. Федеральный резерв Соединенных Штатов, в отличие от Европейского центрального банка, исполняет — хотя бы теоретически — двойную задачу: сдерживает инфляцию и сохраняет определенный уровень занятости в США. Занимаются этим спустя рукава, но все же таковы официальные обязанности Федерального резерва. А вот Европейский центральный банк обязан лишь сдерживать инфляцию. Это банк для банкиров, не имеющий никакого отношения к народу. У ЕЦБ есть инфляционное таргетирование: 2 %, и не дозволено делать ничего, что могло бы поставить эту цифру под угрозу. На самом же деле инфляция просто не грозит Европе. Но руководство Европейского центрального банка продолжает настаивать на том, что стимулирующие экономику меры — скажем, количественное смягчение и т. п. — неприемлемы.

Результатом такой политики ЕЦБ является то, что более слабые экономически страны Европейского союза никогда не выйдут из долгового кризиса, в котором находятся ныне. Долговая нагрузка этих стран лишь увеличивается. Сокращается экономический рост — уменьшается возможность выплатить долг. И более слабые страны ЕС погружаются все глубже и глубже в долговую яму. При текущем курсе ЕЦБ такие страны, как Греция и Испания, пострадают, пожалуй, больше всех: экономика этих стран остается под серьезным давлением.

Трудно объяснить причину таких действий Европейского центрального банка чем-либо, если не самой настоящей классовой войной. Прямым итогом такой политики ЕЦБ является сокращение социальной помощи, оказываемой государством, и уменьшение влияния профсоюзов. Это поистине классовая война. Такая политика хороша для банков, финансовых учреждений, однако для народа ужасна.

Как же влияет политика Европейского центрального банка на Соединенные Штаты, основного торгового партнера Европы?

США не только крупнейший торговый партнер Европы — американские банки выступают крупнейшими вкладчиками европейских финансовых учреждений. И американские банки могут пострадать от нынешней политики ЕЦБ. На деле происходит приток инвестиций в Соединенные Штаты, которые в основном вкладываются в государственные облигации США, ибо их считают надежнейшими в мире. Это довольно противоречиво действует на экономику страны и со временем приведет к повышению курса доллара, что отрицательно повлияет на американский экспорт. Иными словами, это не очень хорошо для здоровой экономики. Как и всегда в таких случаях, один выигрывает, а другой теряет. Пока у банков дела идут хорошо.

Экономист Ричард Вольфф недавно посетил Европу. В интервью, которое Вольфф дал мне в Нью-Йорке, он сказал: политика Европейского центрального банка, проводимая под нажимом немецкого правительства, «дала Германии то, чего не удалось достичь даже Гитлеру, — Европу, которой нынче командуют из Берлина».

В этом есть доля правды. С тех дней, когда в послевоенный период началось восстановление Европы, континентальная экономика в основном находилась под влиянием Германии. Немецкая экономика — сильнейшая в Европе. Германия доныне остается крупнейшим промышленным государством, а также обладает большим экспортным потенциалом. Это поистине экономический локомотив Европы. И политика, проводимая сегодня ЕЦБ, добавляет Германии могущества. И в то же самое время они сами убивают курицу, несущую им золотые яйца, поскольку Германия зависит от экспорта своих товаров в страны еврозоны. Если экспорт уменьшится, немецкая промышленность получит сильный удар. Но если вернуться к мысли, высказанной Вольффом, необходимо согласиться: в принципе он прав. Всего изумительнее, что Греция, как я уже сказал, пострадала на сегодня, пожалуй, больше всех — притом что в свое время греки упорно боролись за свободу от гитлеровской оккупации.

Вспомним и Турцию, на протяжении многих лет безуспешно пытающуюся стать членом Европейского союза. В одной из передовиц газеты New York Times говорится: «Обвинения против журналистов бросают тень на слабый луч демократии в Турции». Турецкие активисты движения в защиту прав человека заявляют: преследования журналистов являются «частью злоедейской тенденции... Аресты журналистов грозят нанести непоправимый урон имиджу Реджепа Тайипа Эрдогана, турецкого премьер-министра, который ныне приобрел на всем Ближнем Востоке славу сильного регионального предводителя, способного бросить вызов Израилю и западным странам». Если верить данным, приведенным в статье New York Times, то «в турецких тюрьмах сегодня находятся 97 представителей средств массовой информации страны, включая журналистов, издателей и распространителей. Эти данные были предоставлены Турецким союзом журналистов. По мнению различных правозащитных групп, такое количество заключенных в тюрьму представителей средств массовой информации превышает количество журналистов, арестованных в Китае». Одним из тех, кто оказался в тюрьме, стал известный турецкий журналист Недим Шенер, подвергшийся преследованиям властей из-за его расследования обстоятельств гибели Гранта Динка, одного из самых видных турецко-армянских журналистов, убитого в Стамбуле в январе 2007 года.

Поскольку в вашем вопросе сквозит ирония, замечу: сама статья в New York Times имела глубокий иронический подтекст. Творящееся ныне в Турции — очень плохо. Однако это даже отдаленно не напоминает того, что творилось в Турции на протяжении девяностых годов. Турецкое государство вело настоящую террористическую войну против собственного курдского населения: десятки тысяч людей погибли, тысячи городов и сел оказались разрушены; беженцев исчисляли миллионами. Процветали пытки; другие всевозможные зверства буквально сотрясали страну. В то время New York Times лишь вскользь упоминала обо всем этом на своих страницах. Газета благоразумно «забыла» написать о главном: 80 % всего оружия, поступавшего тогда в Турцию, поступало из Соединенных Штатов Америки. Вы не услышите в Америке ни единого слова о том, как президент Клинтон зашел настолько далеко в своей поддержке неистовствовавших турецких властей, что лишь за 1997 год — в разгаре турецких злодейств! — передал Турции больше оружия, чем за все годы холодной войны, вместе взятые. Тогдашние события в Турции — великая трагедия, но вы не отыщете рассказа о них в New York Times. Турецкий корреспондент этой благоразумной газеты Стивен Кинцер предпочитал помалкивать. Не то чтобы он этого не знал — все в Турции об этом знали, — он просто не писал об этом, и делу конец.

И если газета New York Times внезапно выразила озабоченность нарушениями прав человека в Турции, то глядите на человеколюбивое участие сие со здоровой долей скепсиса. Сегодня журналисты New York Times готовы освещать любые нарушения прав человека, творящиеся в стране: ведь сегодня Турция ведет политику, противоречащую интересам Соединенных Штатов, а это многим не нравится. Популярность Эрдогана на Ближнем Востоке не способствует его популярности в США. Эрдоган — один из самых почитаемых

политических деятелей в арабском мире, в то время как арабское мнение о президенте Обаме гораздо хуже, нежели даже о президенте Буше-младшем. Честное слово, столь единодушную ненависть заслужить непросто!

Турция играет сегодня довольно независимую роль в мировой политике, что совсем не нравится Соединенным Штатам Америки. Страна увеличивает торговый оборот с Ираном. США зубами скрежещут: Турция вместе с Бразилией совершили вопиющее преступление — сумели договориться с Ираном о том, что исламская республика даст согласие на участие в программе по вывозу низкообогащенного урана из страны. А ведь принятое Ираном бразильско-турецкое предложение практически на 100 % совпадало с отвергнутым предложением президента Обамы! Расчетливый Барак Обама даже потрудился загодя написать письмо бразильскому президенту Луису Игнасио Лула да Силва, настаивая на том, чтобы тот продолжал переговоры по внедрению такого плана в жизнь, — Обама сделал это исключительно потому, что Белый дом был абсолютно уверен: Иран никогда не примет подобного предложения. Случись такое, США смогли бы использовать отказ Ирана в качестве дипломатического оружия, для того чтобы заручиться поддержкой мировой общественности в вопросе о применении санкций против Ирана. Да на беду, Иран взял и согласился. В Соединенных Штатах поднялась буря негодования по этому поводу, ибо любая иранская уступка и добрая воля сводили усилия президента Обамы на нет: санкции становились невозможны.

Но существуют и другие причины враждебности по отношению к Турции. Например, Турция, являясь членом НАТО, помешала началу бомбардировок Ливии силами НАТО в начальный период войны, что Вашингтону тоже не понравилось.

Итак, осуждать нарушения прав человека в Турции стало модой и хорошим тоном. Права человека там нарушались на самом деле. Правда, за последние десять лет положение с правами человека в Турции заметно улучшилось, но в последние два года замечаются тревожащие шаги в обратном направлении. Конечно, мой цинизм напускной, и, отбросив его, скажу, что протестовать против нарушения прав человека в Турции можно и должно.

В марте 2011 года Орхана Памука, видного турецкого писателя и лауреата Нобелевской премии, оштрафовали за то, что он заявил в интервью, данном швейцарской газете: «Мы убили 30 000 курдов и 1 000 000 армян».

Я был в Турции год тому назад на конференции, посвященной свободе слова. Большая часть конференции была посвящена выступлениям турецких журналистов, описывавших свою деятельность по расследованию убийства Гранта Динка, а также зверств, совершенных против армянского народа, и репрессий против курдов. Все эти журналисты очень мужественные люди и отличаются от того корреспондента New York Times, который также мог бы освещать все эти темы, если бы захотел. Ему за такие статьи ничто не грозило. Возможно, статьи подверглись бы редакционной цензуре — и только; но турецкие журналисты за свои статьи могут попасть в тюрьму, а в тюрьме их будут пытаться. Это не шутка, но турки продолжают говорить о существующих в стране проблемах, и делают это открыто и поразительно точно.

Кстати, одним из самых интересных на сегодня фактов относительно Турции — это опять же очень забавно — является то, что Европейский союз заявляет о невозможности принять Турцию в свои ряды, поскольку она не удовлетворяет высоконравственным стандартам прав человека, якобы существующим в Евросоюзе. Турция же на сегодня, пожалуй, — единственная известная мне страна, где ведущие интеллигенты, издатели, журналисты, ученые, преподаватели не только постоянно протестуют против преступлений, совершаемых государством, но и регулярно проводят акции гражданского неповиновения. Я даже сам до некоторой степени участвовал в одном из таких протестов, когда посетил страну десять лет назад. Ничего подобного на Западе не существует. Турки легко могут посрамить своих западных коллег в их стремлении к демократии. У турок многому стоит поучиться — но думаю, учиться нужно у турецких борцов за демократию, а не у ее турецких противников.

А что касается приема Турции в Европейский союз, то скажу без обиняков: я всегда считал, что этого не будет — и в основном по расовым причинам. Вряд ли жителям Западной Европы понравится, что турки будут свободно гулять по улицам их городов.

Как турецко-израильские отношения влияют на Вашингтон, после того как в 2010 году израильские коммандос напали на турецкое судно, находившееся в нейтральных водах, убив при этом девятых граждан Турции, один из которых также был гражданином США?

Турция была единственным из крупных государств и единственным членом НАТО, резко протестовавшим против американо-израильского вторжения в сектор Газа в 2008–2009 годах. Это было именно американо-израильское вторжение. Израиль сбрасывал на сектор Газа бомбы, но Соединенные Штаты усердно помогали Израилю; все это происходило при полной поддержке президента Обамы. Турция выступила тогда с резким осуждением всего происходившего. Во время знаменитого инцидента, случившегося на Международном экономическом форуме в Давосе, Эрдоган сделал резкое заявление, осуждающее действия Израиля, в то время как он находился на трибуне форума рядом с Шимоном Пересом, президентом Израиля. Конечно, и это Соединенным Штатам не понравилось. Наличие добрососедских отношений с Ираном и осуждение преступлений Израиля не способствуют тому, чтобы стать фигурой, которую захотят видеть на вечерних коктейлях в Джорджтауне.

А кстати, появились сведения о том, что Израиль, на протяжении довольно долгого времени заявлявший, будто никакого армянского геноцида не было, рассматривает сегодня резолюцию, осуждающую чудовищное истребление миллиона турецких армян в 1915 году, но делает это главным образом для того, чтобы отомстить туркам, которые, как израильтяне хорошо знают, сверхчувствительны к любому упоминанию об армянском геноциде.

На самом деле это вредит обеим странам. Израиль и Турция были очень близкими партнерами. Турция была самым близким союзником Израиля после Соединенных Штатов. Такие тесные связи между двумя странами пытались держать в тайне, но с конца пятидесятих годов прошлого века они стали очевидны для всех, кто интересовался ближневосточной политикой. Для Израиля было очень важно иметь столь мощную неарабскую мусульманскую страну среди своих союзников. Пока Ираном правил шах, Турция и Иран имели очень близкие отношения с Израилем. В те времена Израиль не разрешал проводить какие-либо дискуссии относительно армянского геноцида.

В 1982 году Израэль Чарни²⁶, которого я знаю с детства, с тех дней, когда мы вместе отдыхали в еврейском летнем лагере, организовал в Израиле конференцию по холокосту. Он хотел пригласить на эту конференцию кого-нибудь, кто смог бы сделать доклад о турецких зверствах по отношению к армянскому народу, но израильское правительство попыталось воспрепятствовать этому. Оно чуть ли не силой заставило Эли Визеля, который должен был стать почетным председателем конференции, отказаться от участия в ней. И все же организаторы конференции своего добились, несмотря на сильное сопротивление израильского правительства.

В то время Турция была союзником Израиля, значит, никто в Израиле и не говорил об армянском геноциде. Сегодня, как вы понимаете, отношения между двумя странами довольно напряженные, и, следовательно, можно больно уколоть Турцию, поднимая вопрос о зверском истреблении армян. Уж теперь-то можно судачить об армянском геноциде! Честно говоря, отношение Израиля к Турции в последнее время просто поражает. Одним из недавних инцидентов, не получивших широкой огласки в Соединенных Штатах, но

²⁶ Чарни Израэль (р. 1931) — американо-израильский социолог, один из ведущих специалистов в мире по истории геноцида, основатель и исполнительный директор Института холокоста и геноцида.

вызвавших бурю негодования в Турции, стала встреча турецкого посла в Израиле Ахмета Огуза Челликола с израильским заместителем министра иностранных дел Дани Аялоном. Аялон пригласил турка к себе, и в ходе их встречи состоялась фотосессия, во время которой Челликола посадили на очень низкий стул, а сам Аялон уселся на огромное кресло, как будто бы властно возвышаясь над турецким послом. Потом эти фотографии разошлись по всему миру. Уважающие себя государства так не поступают. Ну да, в конце концов, Аялон ведь не турка унизил, а себя самого...

Это лишь одно из целого ряда событий, даже с израильской точки зрения бывших не слишком полезными. Турецко-израильские стратегические, военные, торговые и коммерческие отношения были на протяжении всех этих лет очень серьезны. Мы, конечно, не знаем всех подробностей, однако на протяжении многих лет Израиль сотрудничал с Турцией в военных вопросах, использовал ее воздушное пространство для подготовки возможной агрессии на Ближнем Востоке. Если Израиль пожертвовал всем этим, то положение действительно серьезно.

Курды на сегодня, должно быть, являются крупнейшей этнической группой в мире, не имеющей своего государства. Им удалось добиться некой полуавтономии в Северном Ираке. Насколько эта автономия жизнеспособна?

Очень хрупкая автономия. В Северном Ираке процветает коррупция и бушуют репрессии. Кроме того, с экономической точки зрения Северный Ирак не совсем жизнеспособен. У него нет выхода к морю. Если курды не получают значительной поддержки извне, то долго не протянут. Отовсюду они окружены врагами: Иран — с одной стороны, Турция — с другой и арабский Ирак — с третьей. Существует, правда, некая связь с курдами в Сирии, но это не очень большая подмога. Полагаю, курдский анклав на севере Ирака существует только благодаря долготерпению великих держав — преимущественно Соединенных Штатов, — но все это может в одночасье измениться.

Соединенные Штаты Америки на протяжении многих лет неоднократно предавали курдов. США продали курдов Саддаму Хусейну в семидесятых и затем вновь в восьмидесятых годах прошлого века. В то время как режим Саддама Хусейна совершал преступления против курдов, правительство США всячески пыталось заставить курдскую оппозицию замолчать. Администрация президента Рейгана пыталась возложить вину за совершенные против курдов преступления на Иран. У курдов есть старая поговорка, гласящая: «Наши единственные друзья — горы». То есть им больше не на что положиться и не на кого рассчитывать. Оглянешься на историю курдов — и подумаешь: а ведь они правы.

Один из очень немногих американских журналистов, работавших в этом регионе, Кевин Маккирнан, однажды очень выразительно описал гору Кандиль, что на севере Ирака. У этой горы два главных склона. На одном якобы окопались курдские террористы, на другом — курдские борцы за свободу. Речь идет об одних и те же людях — курдских националистах. Но один горный склон спускается к Турции — значит, и курды тамошние считаются террористами, а другой склон тянется к Ирану — и тамошние курды числятся борцами за свободу.

Я как раз собирался задать вам вопрос об Иране. Воинственные речи по иранскому адресу подобны приливу — то прибывают, то убывают. Каждые несколько месяцев мы слышим новые заявления о возможном нападении США или Израиля на Иран.

О, звучат — и громогласно! И все же, насколько позволяют сделать такой вывод имеющиеся данные, ни разведывательные службы США и Израиля, ни высшее военное командование этих стран не горят желанием начать военную кампанию против Ирана. Однако если постоянно наращивать стратегическое напряжение — что-то может произойти, пускай даже случайно. Тому были неоднократные примеры в прошлом. Можно представить себе множество самых различных сценариев. Скажем, произойдет столкновение между маленьким иранским судном, на борту которого находится груз баллистических ракет, и

американским авианосцем. Кто знает, чем это окончится?

Есть еще один фактор во всем происходящем. Против Ирана ведут войну, вскоре иранское долготерпение лопнет — и начнутся ответные соразмерные действия. К чему лукавить? — война против Ирана уже идет. Когда на ваших ученых устраивают успешные покушения, а экономические санкции доводят до грани, за которой они попросту душат вашу экономику, — речь идет об агрессии. Пускай об экономической и военной блокаде. Если бы аналогичные меры были направлены против Соединенных Штатов, то высшее военное командование США рассматривало бы их в качестве агрессии. Года два назад группа видных военных деятелей из разных стран мира — в том числе двое отставных генералов НАТО — подготовила тщательный анализ, рассматривая стратегические вопросы и определяя: какие именно угрозы для США можно расценивать как агрессию. Одной из таких угроз назвали использование финансовых учреждений для подрыва американской экономики. Это считается агрессией. И мы вправе ответить военным ударом. Анализ недвусмысленно говорит: в случае агрессии мы не должны сдерживаться и имеем право нанести ядерный удар первыми. А почему бы не распространить эти же принципы на всех? Тогда Иран окажется вправе ответить надлежащим образом. Если иранское руководство придет к заключению, что выхода нет и терять больше нечего — иранскую экономику задушили, политический контроль над страной, того гляди, рухнет, — Иран пойдет на крайние меры.

То, что Соединенные Штаты поддерживали Саддама Хусейна на протяжении всей ирано-иракской войны, забылось напрочь, «ухнуло в дыру человеческой памяти», как сказал бы Джордж Оруэлл. Вспоминается ваша реплика насчет исторической амнезии. Вы сказали: «Историческая амнезия — опаснейшее явление не только потому, что подрывает нравственную и умственную целостность человека, но и потому, что готовит почву для новых злодеяний, ожидающих нас в будущем».

Если не признавать собственных преступлений, вас ничто не остановит в грядущем, вы пребудете закоренелым преступником. Сегодня имеется довольно яркий пример. Разрешите напомнить: в этом году исполнилось пятьдесят лет со дня, когда президент Кеннеди приказал начать войну в Южном Вьетнаме. Забыть пятидесятилетнюю годовщину начала одного из самых жестоких вооруженных столкновений, произошедших после Второй мировой войны, — это, знаете ли, довольно сложно, и я не шучу. Но именно это и произошло — чего почти никто не заметил. Думаю, вряд ли мы услышим хоть слово о том из официальных источников. Именно такое поведение и мостит дорогу для будущих агрессивных войн.

Пресса и политические заправилы часто обсуждают нестабильность Пакистана и уязвимость его ядерного арсенала.

В Соединенных Штатах вся политическая дискуссия относительно Пакистана вертится вокруг одного: дескать, Пакистану доверять нельзя, Пакистан — весьма ненадежный союзник. В восьмидесятых годах эта страна была тем местом, где с помощью США вооружались и тренировались моджахеды, партизаны, воевавшие против русских в Афганистане. Крупнейшие эксперты по Пакистану, включая ведущих военных историков и страноведов, изучающих Южную Азию, говорят: нынешнее отношение Пакистана к движению Талибан очень похоже на его же отношение к моджахедам в восьмидесятых. Талибан пакистанцам не нравится, пакистанцы хотят, чтобы талибы не путались у них под ногами, но... Пакистан считает: эти люди воюют против иностранных завоевателей. Поэтому в стране существует сильнейшее противодействие всем попыткам заставить Пакистан участвовать в американской войне против людей, которые, как считают пакистанцы, защищают свою страну.

Соединенные Штаты постоянно проводят воздушные атаки на территорию Пакистана. Одно из таких нападений произошло вчера. Беспилотный летательный аппарат убил одного из предполагаемых лидеров Аль-Каиды: якобы тот планировал террористические акты

против Соединенных Штатов Америки. Возможно, и на самом деле планировал, а возможно, и нет — но пакистанцы от подобных действий не в восторге. Извольте видеть, не нравится людям, когда их земли бомбят, — не важно где, даже если эти нападения происходят в районах, где живут приграничные племена пуштунов. Пакистанцы были глубоко оскорблены вторжением в их страну и убийством Усамы бен Ладена. А пакистанские пуштуны, постоянно кочующие из Пакистана в Афганистан и наоборот, по сути, никогда не признавали линию Дюрана — проведенную британцами границу меж двумя странами; рубеж этот проходит прямо через пуштунские края.

Линию Дюрана провели в 1893 году.

Эту линию ни одно независимое афганское правительство не признавало границей. Но мы требуем от Пакистана: пресеките все пуштунские попытки отменить непризнанную границу — которой, повторяю, изначально не признавали и не признают ни пуштуны, ни афганцы. Мы загоняем Пакистан в угол, ставим в очень опасное положение. Одним из интереснейших документов, раскрытых WikiLeaks, был отчет Анны Паттерсон, американского посла в Пакистане. Паттерсон поддерживает политику США по отношению к этой стране, и в то же время предупреждает: подобная политика несет в себе опасность «дестабилизации пакистанского государства», может привести к перевороту в стране, — а это, в свой черед, может вызвать утечку радиоактивных материалов в различные организации бойцов джихада. Сторонники джихада отнюдь не преобладающая политическая сила в Пакистане, и все же они есть, и они весьма активно действуют с той минуты, когда в стране началась радикальная исламизация (Америкой в то время правил Рейган). Администрация президента Рейгана и Саудовская Аравия всячески поддерживали наихудшего из всех пакистанских диктаторов — Мухаммеда Зия-уль-Хака. Одной из главных его целей была коренная исламизация всей страны, для чего Зия-уль-Хак строил новые медресе везде, где только мог. Именно из этих медресе и выходили будущие талибы.

Можно с уверенностью заявить: в Пакистане действуют исламские радикалы, и почти наверняка среди них есть люди, работающие в местной — отлично развитой — атомной промышленности. Вполне вероятно, что радиоактивные материалы попадают в руки бойцов джихада. И ядерная бомба однажды может взорваться в Лондоне или Нью-Йорке. Это вполне вероятно.

Умственное рабство

Кембридж, штат Массачусетс
(20 января 2012 года).

Боб Марли, знаменитый ямайский исполнитель в стиле регги, когда-то пел очень популярную песню «Освободить себя от умственного рабства». Вы постоянно возвращаетесь к этой теме в своей работе.

Да, я знаю эту песню. Очень правильные слова. Каждый раз, когда люди хотели обрести достаточно свободы, чтобы их не могли поработить, перебить или подвергнуть репрессиям, возникали новые способы правления. Этими способами народ пытались загнать в различные виды умственного рабства, чтобы он безоговорочно принимал навязываемую идеологию и не задавал никаких вопросов. Если народ пойман, обманут и не замечает — а уж тем более не подвергает сомнению — царящие в обществе доктрины, этот народ становится обычным рабским скопищем. Люди безропотно повинуются — будто к их вискам приставлены пистолеты.

Когда вы беседуете с людьми, те часто спрашивают: а что необходимо делать, сопротивляться «промыванию мозгов», о котором вы говорите? Я слышал, как вы не раз и не два отвечали: для начала можно просто-напросто выключить окаянный телевизор.

Телевидение буквально обтесывает, остругивает ваш ум, неизменно притупляет его. По телевидению открытой идеологической обработки не ведут. Это не католическая церковь, где проповедник призывает: «Верьте так-то и так-то. Ежедневно читайте и произносите то-то и то-то». А телевидение лишь мягко подталкивает вас к определенному образу мыслей — точно хитрый убийца, отвлекающий свою жертву дружелюбной болтовней и понемногу ведущий к обрыву, о котором жертва не подозревает. Главное правило хитрой пропаганды гласит: бросайте основные требуемые намеки ежедневно, вещайте исподволь, тонко лгите — и телезрители неизбежно станут принимать вашу ложь и ахинею как нечто само собой разумеющееся. Лгите и упорствуйте во лжи — телезритель будет глотать ваши измышления послушно и ежедневно.

Хорошая система пропаганды не объявляет о своих принципах или намерениях. Это одна из главных причин, по которым прежняя советская система пропаганды оказалась беспомощной и никчемной. Не твердите людям: «Вы обязаны думать вот так, а не иначе!» Люди сразу понимают: власть берет нас за глотку. И внутренне сопротивляются этому. И могут ненароком найти выход из нелегкого положения. Отрешиться от безмозглой и назойливой пропаганды куда легче, нежели от пропаганды лукавой, гипнотизирующей, где не существует открыто навязываемых догм. Именно так хорошая пропаганда и работает.

В Соединенных Штатах бытует исключительно сложная и хитрая пропаганда. Большинство исполнителей очень хорошо понимают, что они делают. Возьмем, к примеру, президентские выборы 2008 года. Подобно всем остальным выборам в США, они стали праздником для индустрии связей с общественностью. Рекламная индустрия очень хорошо осознавала свою роль. Вскоре после окончания выборов журнал Advertising Age наградили ежегодной премией за лучшую маркетинговую кампанию года — то есть за предвыборную кампанию президента Обамы, проведенную силами хитроумных специалистов по связям с общественностью. В деловой прессе кипела дискуссия об этом достижении. Деловые круги ликовали. Наконец-то изменится стиль управления в больших корпорациях! Теперь-то мы намного лучше знаем, как морочить людям головы! Никто не был простодушен настолько, чтобы полагать, будто Обама победил благодаря своим достоинствам. Просто Барак Обама «продавал себя» народу хитрее, чем Джон Маккейн.

В обществе властвует понятие «имидж», и я с опаской думаю о будущем книги. Задаю вопрос вам — утомимому и ненасытному читателю, чья образованность уже сделалась легендарной. Вот мы сидим в вашем кабинете, среди несметных книг. Скажите: как вам удастся все это прочесть?

Увы и ах, далеко не все! Вот эту стопку следует прочитать поскорее. И вон ту, и вон ту, что подальше... Постоянно пытаюсь отогнать преследующий меня мучительный вопрос: да сколько времени потребуется, чтобы прочесть все эти книги, даже читай я непрерывно? Подчеркиваю: чтение — не простое перевертывание страниц. Это раздумья над написанным, пометки на полях, мысленные сопоставления с другими книгами, поиски новых идей или образов. Не имеет смысла читать, если вы просто «глотаєте» книгу, а через десять минут забываете, о чем она. Чтение книги — это упражнение для вашего ума, гимнастика для мысли, развивающая воображение.

Подозреваю, что все это вскоре исчезнет. Сегодня можно увидеть много тому доказательств. Мои студенты за последние десять-двадцать лет уже изменились. Если раньше я мог сослаться в своей лекции на литературное произведение, а студенты более или менее точно понимали, о чем речь, то сегодня все изменилось. Получаю письма, как и любой другой человек. Если раньше мне задавали вопросы о книгах, то ныне спрашивают об увиденном в YouTube — отнюдь не о какой-либо статье или повести, которую прочли. Очень часто любопытствуют: «Вы сказали то-то и то-то. А где доказательства тому, что вы это сказали?» Но ведь почти одновременно со своей лекцией я написал и статью, где могут иметься подстрочные примечания и пространные доказательства сказанному. Но этим людям и в голову не приходит пойти в библиотеку и порыться в недавних изданиях!

Чем же это грозит умственной культуре?

Умственной культуре это грозит вырождением. Этого уже не миновать. Сложная нынче эпоха. Возьмите, к примеру, электронные книги. У них есть определенные достоинства. Вы можете легко и просто прихватить полдюжины книг с собой в самолет, если куда-нибудь летите. Но в то же время, читая важную для меня книгу, я делаю пометки на полях страниц, подчеркиваю определенные места, набрасываю краткие заметки на чистых листах в конце книги. Иначе не запомню важного для меня. Невозможно сделать то же самое с электронной книгой. Слова просто проходят перед вашими глазами. Возможно, даже и не оседают в вашей голове.

Похожим образом дело обстоит с Интернетом. Доступ к Интернету — великое благо. Человек получает доступ к несметным сведениям. Однако информация эта мимолетна и призрачна. Если вы не знаете точно, что ищете, если не сохраняете найденного, не подыскиваете верного контекста — считайте, что потратили время впустую. Никакого смысла нет иметь доступ к необъятным данным, если вы не способны разобраться в них. А для этого нужно думать, рассуждать, изучать. Полагаю, в сегодняшнем мире способности к этим действиям постепенно увядают. Измерить степень деградации нельзя, но бьюсь об заклад: именно деградация ныне и происходит.

Что вы думаете о Twitter? Там человек обязан ограничивать любое свое высказывание 140 печатными знаками...

Верно. Бев Стол, с которым я работаю в Массачусетском технологическом институте, рассказывал об этом. Получаю тонны писем по электронной почте. Все чаще и чаще письма, которые мне приходят, представляют собой обрывочные вопросы или замечания: одна фраза. Иногда эта фраза настолько «телеграфна», что преспокойно уместается в заглавной строчке «Тема». Бев пояснил: такова принятая длина сообщений в Twitter. Если посмотреть пристально, то все подобные письменные выкрики обладают общей, последовательно повторяющейся чертой: это куцые мысли, сию секунду стукнувшие людям в голову. Некто идет по улице, его осеняет мыслишка — и ее тут же нужно «твитнуть». Если бы упомянутый некто подумал еще минуту-другую или хоть немного потрудился навести нужные справки, он, скорее всего, не стал бы свою мысль обнародовать. Иногда я теряю терпение и отвечаю шаблонным письмом, говорящим: простите, на «рубленные» вопросы не отвечаю.

Снова о книгах. Ваши лекции изобилуют ссылками на прочитанное. Например, вы цитируете биографию Мартина Лютера Кинга, написанную Тейлором Бранчем²⁷, или исследования рабочего движения в Соединенных Штатах Америки в произведениях Дэвида Монтгомери. Как вам удастся настолько насыщать своей начитанностью все, излагаемое впоследствии на ваших лекциях?

На это способен любой — невелика трудность. Тут не нужно особых талантов, тут одно правило: читайте вдумчиво и с разбором. Иначе можно ошибиться и двинуться по ложному пути. То же самое происходит и в науке. Вы можете заниматься чем-то, что, с вашей точки зрения, выглядит многообещающим, упорно работать, сделать выводы, кажущиеся правильными, и затем вдруг понять: вы двигались не в том направлении, все нужно начинать сначала. Само собою, на ошибках учатся. Но это произойдет только в том случае, если вы не перестанете думать, размышлять, отыскивать верный контекст. Иначе только зря потратите время. А тогда можно и вообще ничего не читать.

Удивительно: во время вашего выступления в Нью-Йорке вы упомянули давний роман

²⁷ Бранч Тейлор (р. 1947) — видный американский историк, создавший трилогию о жизни Мартина Лютера Кинга.

известного писателя Э. Л. Доктору «Регтайм». Это последнее, что вы читали?

Кажется, последний по порядку роман, который я прочитал, написан исландским автором, лауреатом Нобелевской премии Халлдором Лакснессом. Я был в Исландии. Кто-то дал мне книгу Лакснесса, и я прочел ее в самолете по пути домой. Очень хорошая книга. А около года назад был в Англии, один из тамошних друзей дал мне книгу пакистанского прозаика Мохаммеда Ханифа «Ящик взрывающегося манго». Великолепный роман. Увы, я не имею возможности читать много художественной литературы.

Все государства, от Китая и Сирии до Соединенных Штатов, все больше и больше нервничают по поводу той роли, которую играют Интернет и социальные сети в жизни общества. Все чаще раздаются призывы ввести контроль и цензуру в Интернете.

Сегодня среди заправил медийной индустрии идет настоящая битва титанов относительно нового закона под названием Stop Online Piracy Act (SOPA; рус. Акт о предотвращении сетевого пиратства), внесенного на рассмотрение в палату представителей США. Киноиндустрия, музыкальная индустрия и другие крупные участники медийного рынка хотят положить конец тому, что зовут пиратством: люди берут их продукцию, не заплатив и не получив на это согласия собственников продукции. Но есть и такие крупные представители этого же рынка, которые выступают против упомянутого закона. Wikipedia в знак протеста прекратила работу на один день. Google, одна из самых крупных корпораций в мире, также выступила с официальным возражением.

Каждая богатая и развитая страна в свое время занималась пиратством. Во времена быстрого экономического роста Соединенные Штаты попросту воровали более производительные британские технологии. Великобритания проделывала то же самое со странами, которые крушила на своем пути: Ирландией, Нидерландами, Бельгией, Индией. Именно в этом мы сегодня обвиняем Китай — хотя он всего лишь следует нашему примеру, движется по нами же проторенному пути.

Торговые соглашения, навязанные сегодня богатыми и могущественными странами всем остальным государствам, предусматривают крайне суровое наказание за пиратство. Так называемые права на интеллектуальную собственность вписаны в правила Всемирной торговой организации, во все другие международные договоры; там же изложены очень строгие правила их соблюдения. Один из важнейших примеров — защита фармацевтического производства. Существуют определенные положения, препятствующие странам с развитой фармацевтической индустрией — скажем, Индии — производить дешевые лекарства для широких слоев населения, уменьшая таким образом возможную прибыль международных корпораций.

Крупные фармацевтические компании заявляют, что огромная прибыль им необходима для исследований — дескать, иначе в мире просто не будет новых лекарств. Киноиндустрия и музыкальная индустрия заявляют: нам необходима огромная прибыль, чтобы поддерживать талантливых актеров и певцов. Все эти доводы имеют весьма отдаленное сходство с правдой — и то лишь пока вы не взглянете в суть дела пристальнее. Экономист Дин Бейкер очень убедительно доказал, что упомянутые доводы не вполне соответствуют действительности. Возьмем, например, фармацевтические исследования и создание новых препаратов. Если верить подсчетам Бейкера, а мне они кажутся довольно точными, то, окажись фармацевтические компании вынуждены действительно выйти на рынок, вся стоимость исследований и создания новых лекарств полностью легла бы на плечи потребителей, а это позволило бы изрядно сберечь средства налогоплательщиков. Дело в том, что большая часть фармацевтических исследований и без того проводится на общественные деньги в университетах и различных национальных институтах здравоохранения. Фармацевтические компании берутся за дело уже на конечной стадии всех этих исследований, затем проверяют новые лекарства, устраивают маркетинг, фасуют новые снадобья и продают их. Правда, они тоже в известной мере содействуют созданию лекарств, однако по большей части просто копируют препараты, созданные другими. Сдвиньте или

замените одну-единственную молекулу — и вы сразу же «в своем праве».

Что касается людей творческих — писателей, художников, композиторов, актеров, — у Бейкера также имеется несколько предложений, выглядящих разумными. Он утверждает: подобным людям причитается денежная помощь от общества и государства. Кстати, именно это и происходит в случае с музыкантами, исполняющими классику, и оперными певцами. Если такую практику расширить, необходимость в защите прав на интеллектуальную собственность и проблема пиратства исчезнут сами собой.

Скажите, как Соединенные Штаты Америки могут в одно и то же время трубить о свободе слова и обмена информацией — и столь яростно выступать против деятельности WikiLeaks?

Выступления в защиту различных прав стали настоящей профессией, да только от этой деятельности за миллион разит лицемерием: у вас будут права, если это нам по нраву, но у вас их нет и не будет, если это нам не по душе. Ярчайший тому пример — поддержка демократии.

Долгие десятилетия творится одно и то же. Соединенные Штаты поддерживают демократию в отдельно взятом месте, лишь если эта демократия отвечает стратегическим и экономическим целям США. В противном случае Соединенные Штаты выступают против этой демократии. США, конечно, далеко не единственная страна, лицемерящая таким образом. Лицемерие распространяется и на такие понятия, как террор, агрессия, пытки, права человека, свобода слова — на что угодно.

Вы хотите сказать, все крикливые заявления насчет того, что огромный пласт информации, распространенный через WikiLeaks, якобы нанес ущерб государственной безопасности Соединенных Штатов, не соответствуют истинному положению дел?

Эта информация грозит именно той безопасности, которая больше всего волнует правительства многих стран — безопасности от собственного народа, способного в один прекрасный день узнать правду о власти имущих. Я не читал всей информации на WikiLeaks, но уверен: есть люди, тщательно изучающие эти файлы с целью найти случаи, когда станет возможным заявить во всеуслышание: безопасности Соединенных Штатов нанесен ощутимый ущерб! Сам я ничего подобного там не встречал.

В одном проявлении гласности Соединенные Штаты на удивление преуспели: в рассекречивании государственных документов. По сравнению со всеми остальными государствами США предоставляют исследователям намного больший доступ к протоколам, фиксирующим внутренние правительственные решения. Сама система, конечно, несовершенна, однако рассекречивание документов идет непрерывно — благодаря тому, что в определенной степени работает Закон о свободе информации, и получить доступ к этим документам не составляет большого труда. Я провел очень много времени, работая с рассекреченными документами; большинство из них невероятно скучны и бесполезны. Можете читать том за томом «Международные отношения Соединенных Штатов Америки», и, может быть, вы найдете три-четыре фразы, достойные внимания. Многие из секретных документов не имеют никакого отношения к государственным тайнам: их единственное предназначение — помешать народу узнать истинные замыслы американского правительства. Думаю, нечто похожее происходит и с WikiLeaks.

Возьмем тот пример, что я приводил ранее. Американский посол Паттерсон комментирует положение в Пакистане и опасность, нависшую над страной в итоге дестабилизации Пакистана, осуществлявшейся в годы правления президентов Буша и Обамы. Речь идет о дестабилизации страны, обладающей одной из самых масштабных программ по созданию ядерного оружия — программы, развивающейся невероятно быстро, программы, на которую, вероятно, работает немало исламских фундаменталистов. Эта информация невероятно важна, американцы должны знать об этом, но все сведения скрывают от народа. Политики описывают самые разные стратегии защиты от нападения со

стороны вероятных противников, — а одновременно с этим сами же и способствуют возникновению новых угроз. Это повторяется раз за разом.

В тех документах, что опубликовали WikiLeaks, есть и другие интересные разоблачения. Когда в 2009 году в Гондурасе произошел военный переворот, американское посольство провело серьезное расследование относительно того, был ли законным этот переворот или нет. Дипломаты пришли к следующему выводу: «Точка зрения посольства такова: нет никаких сомнений в том, что военные, Верховный суд и Национальный конгресс 28 июня вошли в преступный сговор с целью совершить незаконный и антиконституционный переворот по отношению к исполнительной власти страны». Отчет послали в Вашингтон, а это означает: администрация президента Обамы знала о событиях в Гондурасе. Но администрация выбросила этот доклад в мусорную корзину, и после ряда различных шагов дело закончилось тем, что Соединенные Штаты поддерживали гондурасских мятежников, и поддерживают их по сей день. Для желающих понять ход мыслей президента Обамы касательно свободы и демократии это очень важные сведения. И правительство не желает делать подобную информацию общедоступной.

В действительности одним из самых интересных аспектов разоблачений WikiLeaks является то, как к этим разоблачениям относятся. Некоторые считаются поистине великими событиями. К примеру, среди опубликованных WikiLeaks документов много дипломатических отчетов. Отчеты подготовлены дипломатами, и зачастую неизвестно, насколько они правдивы. Дипломаты склонны писать в отчетах то, что от них желают услышать. Уже изначально сведения из дипломатических отчетов тщательно просеиваются. Но есть и доклады многих ближневосточных послов, пишущих: арабские диктаторы поддерживают политику США по отношению к Ирану. Король Саудовской Аравии якобы сказал, что мы «отрубили змее голову». Фраза красовалась в заголовках всех газет и журналов. В прессе также появились статьи, написанные ведущими политическими обозревателями. Один из них, Джейкоб Хайльбрунн, заявлял: это просто великолепно. Мы должны поблагодарить WikiLeaks, ибо нам показали, насколько правильно мы действуем: ведь нас поддерживают даже арабские диктаторы! Иногда складывается впечатление, будто работой WikiLeaks руководит ЦРУ.

Пока шла дискуссия о поддержке арабским миром политики США по отношению к Ирану, в целом ряде арабских стран состоялся опрос общественного мнения, проведенный, кстати, американскими организациями. Опрос показал: население арабских стран в большинстве своем выступает против политики США по отношению к Ирану. Арабское население настолько ненавидит США, что, скажем, около 80 % египетского населения говорит: регион был бы спокойнее, обладай Иран ядерным оружием. Люди считают Соединенные Штаты и Израиль гораздо более серьезными угрозами, чем Иран. И вот эти материалы почти нигде не публиковались. Итак, звучат бурные аплодисменты по поводу того, что арабские диктаторы поддерживают нашу политику, и хранится глухое молчание относительно того, что арабское население терпеть не может нашей политики. Это должно объяснить вам многое насчет нашей приверженности делу демократии.

Существует мнение: разоблачающие отчеты, опубликованные WikiLeaks, о диктатуре Зин эль-Абидин Бен-Али в Тунисе, так сильно повлияли на события, что это привело к революции в стране.

Это, по-моему, сомнительно. Подобные утечки информации показали всему миру, что правительство Соединенных Штатов хорошо понимало: Бен-Али выступал жестоким и коррумпированным диктатором, население было крайне им недовольно, а существовавший режим ненавидело. А США продолжали всячески помогать Бен-Али.

Вы имеете в виду поддержку из Вашингтона?

Американскую поддержку. Хотя в первую очередь Бен-Али поддерживала Франция. Французы вели себя в ходе этих событий так, словно только что с Луны свалились. Уже после того, как в стране началась революция, французский министр Мишель Аллио-Мари

умудрилась отправиться в Тунис — провела там свой отпуск. Долгие годы Тунис находился под французским каблуком, и, конечно, французская разведка чувствовала себя там очень вольготно. Возвращаясь к вопросу о том, насколько утечки WikiLeaks повлияли на ход кампании протеста, приведшей к революции, — полагаю, это открытый вопрос, ответа пока не существует. Сомневаюсь, что граждан Туниса очень заботит лицемерие Соединенных Штатов и Франции: все, что всплыло в документах, опубликованных WikiLeaks, и так было известно в Тунисе любому и каждому.

Расскажите о той связи, которая существует между тем, что сделали Даниэль Эллсберг и Брэдли Мэннинг.

Дэн — мой очень старый друг. Я также принимал участие в том, что произошло, помогал ему опубликовать так называемые «Документы Пентагона». Я был уверен, что поступаю абсолютно правильно. Затем я выступал судебным свидетелем по его делу. Что касается Брэдли Мэннинга, его обвиняют в том, что он передал материалы Джулиану Ассанжу, а тот выложил полученные сведения на WikiLeaks. Мэннинг находится в тюрьме с мая 2010 года, причем большую часть этого времени он провел в одиночной камере, что считается пыткой. С ним очень плохо обращаются, на него нападают со всех сторон.

Брэдли Мэннинг — это человек, которого обвинили в том, что, с моей точки зрения, является не преступлением, а заслугой перед страной. На данный момент ему предъявили обвинение, но суда нет и не предвидится. На самом деле власти даже не собираются передавать его дело в военный трибунал. Они рассматривают это дело как трибунал внутри самой военной системы.

Я считаю, то, что сделал Мэннинг, заслуживает похвалы, а вот американское правительство нужно сурово осудить за то, что оно попирает и все устои законности, и права человека.

Это не президент ли Обама — профессор конституционного права! — сделал досудебное заявление о Брэдли Мэннинге?

Да, он тут же сказал: Мэннинг виновен. Это вопиющее заявление. Даже не будь Барак Обама юристом, специализировавшимся в области конституционного права, он остается президентом Соединенных Штатов. И обязан понимать: президент страны отнюдь не должен говорить такие вещи о человеке, против которого выдвинуты уголовные обвинения.

Но есть вещи и похуже, скажем, убийство Усамы бен Ладена. Его тоже никто не судил. Но человек невиновен, пока вина его не доказана в суде. А в Америке все выглядит иначе: подозреваемого убивают, если он не нравится власть имущим.

Точно так же убили Анвара аль-Авлаки ²⁸ в Йемене. Кстати, аль-Авлаки был гражданином США.

Именно поэтому случай не получил широкой огласки: аль-Авлаки был гражданином США! Может, он и был виновным в каких-то преступлениях, может, и нет. Но если, скажем, иранские террористы убьют кого-нибудь завтра, например Леона Панетту, министра обороны США, поскольку тот замешан в подготовке нападений на Иран — конечно замешан! — то что мы должны по этому поводу думать? Что это в порядке вещей?

Похоже, многие либералы, критиковавшие военные преступления, имевшие место во время правления президента Буша, хранят молчание о той же проблеме, возникшей в эпоху президента Обамы.

Да, именно это и происходит. Некоторые политики все же поднимают эту тему, но их

²⁸ Аль-Авлаки Анвар (1971–2011) — радикальный исламский проповедник американского происхождения, считался идеологическим лидером Аль-Каиды на Аравийском полуострове.

единицы. Обама ясно дал понять: никого не накажут за военные преступления, совершенные при Буше, — оно и понятно. Накажи мы кого-нибудь за тогдашние преступления — придется наказывать и нынешних преступников.

Вспоминаю ваши слова, сказанные много лет назад: каждого президента США, пребывавшего в Овальном кабинете после 1945 года, можно судить за военные преступления. Ваша точка зрения не изменилась?

Думаю, что я выразился мягче и сдержаннее. Я сказал: это было бы справедливо, если придерживаться принципов, которыми руководствовались во время Нюрнбергского процесса, — однако вовсе не следует подражать практике Нюрнбергского процесса.

Вы имеете в виду принцип, гласивший: «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений является международным военным преступлением»?

Да, это было одним из главных обвинений во время Нюрнбергского процесса, но было и много других. Так, к примеру, в числе главных обвинений, выдвинутых против Иохима фон Риббентропа, министра иностранных дел Германии, впоследствии приговоренного и повешенного, было то, что он допустил предупреждающий удар по Норвегии, оказался замешан в этом. Норвегия тогда на самом деле представляла для Германии серьезную угрозу. Там находились британские силы, Великобритания собиралась напасть на Германию именно со стороны Норвегии. Давайте теперь сравним эту ситуацию с тем, что произошло в случае с Колином Пауэллом, наметившим и осуществившим «предупреждающий» удар по Ираку. Пауэлла не судили за то, что явился в Организацию Объединенных Наций и представил там сфабрикованные данные для того, чтобы потребовать нанести удар по Ираку. А в то время от Ирака не исходило никакой, даже слабой угрозы.

Действительно, существуют нюрнбергские принципы. Но, конечно, осуществляют их на очень странный лад. Нюрнбергский трибунал был самым справедливым и важным из всех международных военных трибуналов, когда-либо имевших место в истории человечества, — но даже там наличествовали вопиющие недостатки. И обвинители знали об этом. Например, Телфорд Тейлор²⁹ сразу же об этом заявил. «Получается, — сказал Тейлор, — трибунал дает определение военным преступлениям как чему-то, совершенному немцами; а мы сами, стало быть, ничего подобного не вытворяли». Увы, именно так и было! Например, воздушные удары по гражданскому населению, бомбежка городов не считались военным преступлением: союзники делали это намного чаще и куда страшнее, чем гитлеровцы. Дошло до того, что немецкий адмирал Карл Дениц убедительно опроверг все обвинения, выдвинутые против него. Дениц сумел добиться от британского адмиралтейства и от военно-морского флота США показаний, говоривших: мы ведь, по сути, воевали точно теми же способами, что и немцы! И военную деятельность Карла Деница не сочли преступной.

Вы часто повторяете, приводя многих в изумление: считаю себя старомодным консерватором. Что имеется в виду?

К примеру, я считаю, что Великая хартия вольностей и вся традиционная система юриспруденции, что выросла из нее, довольно логичны, имеют смысл и в наше время. Думаю, расширение моральных горизонтов, шедшее на протяжении многих веков, с начала эпохи Просвещения, чрезвычайно важно. Полагаю, в этих идеалах нет ничего плохого. Консерватор — по крайней мере, в привычном значении этого слова — человек, придерживающийся освященных временем ценностей. Сегодня эти ценности часто «вышвыривают за окно», без долгих рассуждений. Весьма непохвально.

²⁹ Тейлор Телфорд (1908–1998) — известный американский юрист, профессор права. Главный обвинитель на Девятом малом Нюрнбергском процессе в 1946 г.

Тогда почему же вас считают одним из самых радикальных американских мыслителей?

Дорожить ценностями, что выдержали вековые испытания, стало в наше время занятием довольно радикальным. Оно вредно власти имущим.

Вечный вопрос, раздающийся во время ваших выступлений: «Профессор Хомский, приближаются выборы. Как быть? Голосовать? Или остаться дома?»

Полагаю, этот вопрос не из тех, на которые стоит тратить много времени. Есть вопросы гораздо более значительные, например: «Как изменить страну к лучшему?» Что до вопроса о выборах, то здесь и думать не о чем. Когда настают президентские выборы — не считая праймериз, — вам и выбирать-то будет не из чего. Останется всего два кандидата, оба вам неприятны. Один, вероятно, куда опасней другого. Если вы живете в так называемом «безопасном» штате и заранее знаете грядущий исход выборов, то сперва хорошенько задумайтесь. Вы можете сказать: «О'кей, не буду голосовать вообще, или проголосую за некую совершенно безвредную партию, не имеющую надежды победить: скажем, за партию зеленых». Если же исход выборов неясен, заранее задайтесь вопросом: «Помочь ли худшему из кандидатов одержать победу, или постараться предотвратить ее?» Это совсем не означает, что вам нравится другой кандидат. Но это единственный имеющийся у вас выбор. Или прикиньте мысленно: «А не помочь ли худшему из двоих победить?» Это не лишено смысла! В тридцатых годах прошлого века именно таким был принцип коммунистов — «чем хуже, тем лучше». Если поможете худшему из кандидатов прийти к власти — будет лучше: возрастет общественное негодование против правительства, поддержка делу революции расширится. Именно с таким выбором в свое время и столкнулись некоторые немцы — но вы знаете, к чему это привело. Так что, если возник перед вами подобный вопрос, подумайте дважды и трижды. Но вряд ли стоит слишком долго толковать об этом.

Вы полагаете, что Оккупационное движение должно участвовать в избирательном процессе — или «оккупантам» нужно работать в низах общества, не втягиваясь в работу американской политической системы?

На сегодня «оккупанты», конечно, не выступают избирательной силой. Кроме того, думается, они еще не в состоянии принять общее решение по какому-либо вопросу. Думаю, это хорошо. Лучше иметь разные мнения и убеждения, а заодно и возможность обмениваться ими по всем возникающим вопросам. Здесь требуются определенное мировосприятие и терпимость по отношению к противоположным мнениям. Наверное, эти процессы намного важнее участия в политических выборах, где можно проголосовать за кандидата А или за кандидата Б.

Какие именно шаги, по-вашему, могут предпринять политические движения?

Они уже предприняли целый ряд практических шагов. К примеру, значительным образом изменился сам ход политических дискуссий, идущих в стране. Общество не на шутку озабочено. Многие обсуждают вопросы неравенства, невероятной власти, сосредоточенной в руках финансовых учреждений, от которых полностью зависит правительство; роли финансов — и денег вообще; о том, что большинство предвыборных кампаний предрешаются загодя: их итоги куплены. Политические движения могут пойти намного дальше, в некоторой степени уже делают это. К примеру, можно спросить: почему лишь руководители и управляющие компаниями решают, где разместить производство, и что именно производить, и как поделить прибыль? Почему лишь они? Имеют ли они право решать от имени всех? По всем экономическим законам — нет, не имеют. И есть все основания потребовать, чтобы такие решения принимались теми, кто заинтересован во всех производственных процессах: населением городов, где размещены предприятия, рабочими предприятий и т. д.

Но если они будут двигаться вперед, то как им удастся сохранить целостность движения перед лицом такой мощной пропагандистской машины и усиливающихся полицейских репрессий? Одним из последствий происходящего, как говорят уже многие люди, является милитаризация американских полицейских участков. Они все больше и больше напоминают карательные войсковые подразделения.

Власть никогда не совершит самоубийства. Поэтому — да: будет защищаться и проводить репрессии. Но репрессии, видимые сегодня, даже отдаленно не напоминают прежних. Ничего подобного «красной угрозе» времен президента Вильсона или программе COINTELPRO сегодня не существует. Никто не убивает предводителей общественных движений. Но репрессии, конечно, имеют место. Сама тактика проведения протестов «оккупантами» — а это правильная тактика — подвергает участников этих движений риску полицейских репрессий. Оккупировать какое-то место — разумная тактика, и «оккупанты» действуют правильно. Все же необходимо признать: их действия дают полиции возможность нападать на участников протеста, и полицию в этом случае сплошь и рядом поддерживает местное население. Поэтому тактика должна быть гибкой.

Лучший способ борьбы против репрессий и клеветы, неизбежных во время общественных протестов, — искать опоры в народе. Чтобы выжить, Оккупационному движению следует понимать различие между тактикой и стратегией. Определенная тактика может быть очень хорошей, но все тактики имеют общее свойство — их действенность со временем снижается. Необходимо двигаться дальше. Думаю, всем протестующим вполне очевидна необходимость сотрудничества со всеми слоями общества. Некоторые шаги в этом направлении уже делаются: например, «оккупанты» присоединялись к движениям против конфискации жилья за неуплату банковских долгов. Но все же надо понимать: успешное движение протеста немыслимо без активного участия рабочего класса.

Давайте побеседуем об окружающей среде. Вы говорите: «Прорехи в финансовой системе можно залатать за счет налогоплательщиков, однако никто не возродит окружающей среды, когда ее вконец испоганят и разрушат. Но разрушение живой природы, похоже, становится государственной необходимостью». Объясните, что вы имеете в виду?

Именно государственную необходимость. Необходимость, не порождаемую никакими естественными законами общественного развития. Эти законы можно изменить. А вот экономические учреждения стремятся к единственному: поскорее получить предельно возможную прибыль и удержаться у власти любым возможным путем. Это основной критерий принятия решений для большинства лидеров сегодняшней экономики и общества и, следовательно, всей политической системы. Все это ведет к уничтожению природной среды прямо у нас на глазах. Угроза чудовищно велика. Крупнейшие агентства мира, следящие за выбросами вредных веществ в атмосферу всей планеты, делают прогнозы один зловещее другого. Международное энергетическое агентство (МЕА) опубликовало отчет, в соответствии с которым их собственные главные экономисты пришли к выводу, что у человечества в запасе остается еще, быть может, лет пять-шесть, после чего — обратной дороги нет.

Фатих Бироль, главный экономист Международного энергетического агентства, сказал следующее: «Занавес опускается... Очень боюсь, что если мы в ближайшее время не образумимся и не станем использовать энергию осторожнее, то перешагнем черту, которую ученые зовут минимумом безопасности [существования]. И занавес опустится навеки».

Международное энергетическое агентство — организация довольно консервативная. Это не какая-то группа радикалов. Агентство было создано по инициативе Генри Киссинджера. Я изучал не очень много материалов, представленных ими, но все же в одной

из статей приводились слова Джона Рейли, одного из директоров совместной программы по науке и глобальным изменениям. Программа работает при Массачусетском технологическом институте. В статье говорилось: оценки Межправительственной группы экспертов по изменению климата очень занижены. «Чем больше говорим о необходимости контролировать вредные выбросы, загрязняющие атмосферу, тем больше их становится, — предупредил Рейли. — Если в ближайшее время ничего не предпримем по части контроля над использованием ископаемых видов топлива, окажемся на краю пропасти. Постоянно увеличивающаяся зависимость от угля крайне опасна для всего человечества», — добавил он. Хотел бы еще раз подчеркнуть: это не заявления крайних радикалов, об этом предупреждают крупнейшие мировые исследовательские институты, представленные ведущими учеными.

Климатические изменения обсуждаются в прессе очень своеобразно. Обычно дело сводится к ссылкам из разряда «а такой-то сказал, а такая-то сказала...». С одной стороны, существует Межправительственная группа экспертов по изменению климата. Однако, с другой стороны, есть небольшая группа ученых и несколько сенаторов, которые заявляют следующее: «Мы всему этому не верим». Вот вам и выбор. Хотя есть еще и третья группа — ученые, чьи мнения почти никогда не публикуются в прессе, и эта группа ученых намного больше той маргинальной, однако власть имеющей кучки подкупленных шарлатанов от науки, что отрицают надвигающуюся опасность. Честные ученые заявляют: сложившиеся представления чересчур жизнерадостны, истинный риск неизмеримо выше. Это такие люди, как содиректор программы Массачусетского технологического института, или главный экономист Международного энергетического агентства, о которых я писал выше. Но их игнорируют, и мы почти никогда не имеем возможности выяснить их точку зрения. В результате у широкой общественности есть выбор только меж двумя существующими на сегодня суждениями, в которых люди несведущие просто не в состоянии разобраться самостоятельно.

Со стороны деловых кругов идет невероятное по накалу пропагандистское наступление. Обывателю твердят: «Ничему этому не верьте. Все неправда». К моему удивлению, в атаку вовлечена даже самая серьезная и надежная деловая пресса, например Financial Times, которую я считаю одной из лучших газет в мире. Как раз когда были опубликованы отчеты Международного энергетического агентства о выбросах вредных веществ в атмосферу, Financial Times восторженно писала: Соединенные Штаты входят в новый век полного благополучия и энергетической независимости, даже всемирной гегемонии. А это возможно благодаря новой технологии добычи энергоносителей из сланцев и нефтеносных песков. Даже если позабыть на время дискуссии о том, насколько точны исследования о вредных выбросах в атмосферу, предаваться с таким энтузиазмом восторгу насчет добычи энергоносителей из сланцев — значит восклицать: «Братцы, ура! Наконец-то мы совершаем поголовное самоубийство!» Я уверен, что люди, писавшие эти статьи в Financial Times, читали те же самые отчеты об изменении климата, и воспринимали их довольно серьезно. Но исполняемая общественная и культурная роль заставляет их занять ту позицию, которую они занимают. Эти люди могли бы прийти и к другим выводам, но для этого необходимо в корне изменить ход мышления чиновников всех наших государственных учреждений.

Могучая и навязчивая пропаганда не минует бесследно. Как пишет Наоми Кляйн в журнале Nation: «В 2007 году опрос Харриса показал следующее: 71 % американцев считали, что сжигание ископаемого топлива приведет к изменению климата. К 2009 году эта цифра уменьшилась уже до 51 %. В июне 2011 года число американцев, согласных с этим заявлением, снизилось до 44 % — уже значительно меньше половины населения. По словам Скотта Китера, директора по изучению общественного мнения в исследовательском центре Пью, такие изменения предстают „одними из самых крупных за столь краткий период в современной истории опросов общественного мнения“».

Значительное большинство американцев считали изменение климата серьезной бедой; ныне число этих людей уменьшилось. Опросы, проводимые исследовательским центром Пью, особо интересны: это международные опросы, доказывающие, что озабоченность климатической проблемой в остальном мире намного сильнее, чем в США. Соединенные Штаты не то чтобы всецело равнодушны к этому вопросу, однако уже недалеко и до полного безразличия. Жители США озабочены значительно меньше, чем жители стран, сравнимых с Америкой по уровню развития. Падение интереса к проблемам окружающей среды, описанное Наоми Кляйн, как раз и отмечено в опросах исследовательского центра Пью. Я полагаю, не следует сомневаться в том, что перемены в общественном мнении порождены беззастенчивой пропагандой.

Несколько лет назад, после победы страховых компаний в вопросе реформы здравоохранения, так называемой *Obama Care*, в газете *New York Times* появилась статья о том, как руководство Американского института нефти и других бизнес-групп рассматривало победу страховых компаний в качестве идеального примера тому, как можно уменьшить озабоченность населения страны по поводу глобального потепления. Для иллюстрации сложившегося мышления достаточно сказать: для участников каждой президентской кампании в США из числа членов Республиканской партии одно только упоминание словосочетания «глобальное потепление» равняется политическому самоубийству.

Некоторые из кандидатов занимают просто удивительную позицию по вопросу изменения климата. Возьмем, к примеру, Рона Пола, пользующегося уважением многих прогрессивно мыслящих американцев. В своем интервью на телеканале *Fox* он сказал следующее: «Полагаю, наихудший обман, с которым мы сталкиваемся уже на протяжении многих-многих лет, если не столетий, — это обман насчет глобального потепления». Пол не потрудился представить какие-либо доказательства — просто с легкостью отверг единодушное суждение множества ученых: дескать, я так считаю — и точка. С подобным подходом к делу и впрямь недалеко до края пропасти.

Всего печальнее, что сегодня предпринимаются попытки провести такие взгляды в жизнь. Хорошей иллюстрацией того, как меняется мышление американской элиты в последние годы, являются попытки республиканцев в конгрессе отменить немногие сохранившиеся законы по защите окружающей среды, принятые президентом Никсоном. Никсон выглядел бы сегодня радикалом, а Дуайт Эйзенхауэр числился бы, наверное, радикальнее радикального.

Учиться открывать новое

Кембридж, Массачусетс
(5 мая 2012 года).

Пятьдесят лет тому назад вы впервые написали об универсальной грамматике, теории, в основе которой находится предположение о том, что мозг каждого человека обладает врожденной способностью, позволяющей каждому ребенку выучить язык. Каковы самые последние достижения в этой области?

Уж очень сложный, специальный, можно сказать, вопрос. Идет очень интересная работа по совершенствованию основных принципов универсальной грамматики. Понятие универсальной грамматики сплошь и рядом искажают и в средствах массовой информации, и в ходе публичных лекций. Универсальная грамматика — нечто иное: это не набор универсальных наблюдений о языке. Ныне сделаны некоторые интересные обобщения, касающиеся языка, с ними стоит познакомиться; но универсальная грамматика занимается изучением генетической основы языка — врожденной основы языковых навыков. На сегодня нет никаких сомнений: нечто подобное существует. В противном случае ребенок никогда бы не смог произвольно овладеть языком, опираясь лишь на совокупность явлений в окружающей действительности. Об этом спору нет. Иной вопрос: какова же генетическая

основа языковых навыков?

Кое в чем, пожалуй, можно быть полностью уверенными. Похоже что не существует какой-либо разницы в генетических основах языковых навыков у людей. У всех людей эти способности, вероятно, одинаковы. Существуют, конечно, индивидуальные отличия, как и во всем, но очевидных групповых отличий нет, за исключением, возможно, маргинальных. Это означает, что если, к примеру, младенец из туземного племени в Папуа — Новой Гвинее, представители которого не встречались с чужеземцами на протяжении последних тридцати тысяч лет, вдруг очутится в городе Боулдер, штат Колорадо, то, когда ему придет время заговорить, он будет разговаривать, как любой другой ребенок из Колорадо. Так происходит потому, что все дети имеют одинаковые языковые способности. То же самое произойдет и в обратном случае. Ничего подобного у других живых организмов не существует. Как это объяснить?

Если мысленно вернуться на пятьдесят лет назад, можно увидеть: теории, предлагавшиеся, когда эта тема впервые стала широко обсуждаться, были довольно сложными. Только для того, чтобы обосновать все описательные характеристики, существующие в каждом языке, следовало предположить: универсальная грамматика позволяет существовать крайне сложным механизмам, зависящим от каждого отдельного языка, — поскольку языки весьма отличны друг от друга.

На протяжении последних пятидесяти или шестидесяти лет одним из самых важных достижений в этой области, как я полагаю, стала постепенная тенденция, актуальная и поныне, к сокращению числа таких предположений и к их уточнению. Это способствует тому, что каждый язык в отдельности легче объяснить и понять с помощью меньшего количества более точных предположений.

Та часть человеческого мозга, что отвечает за язык, на котором мы разговариваем, развилась сравнительно недавно, в процессе эволюции, около ста тысяч лет тому назад. Случилось нечто важное, что предположительно и стало источником всех творческих изменений во многих областях деятельности человека: появились изобразительные искусства, поэзия, музыка, началось производство орудий труда и охоты, возникли сложные общественные устройства. Иногда палеоантропологи говорят о «великом скачке вперед». Широкое признание в научной среде получила теория, гласящая: это изменение в ходе человеческой эволюции связано с появлением языка, что очень правдоподобно. Никаких свидетельств того, что ранее человек или какие-либо другие живые организмы располагали языком общения, не имеется. Случившееся было, вероятно, совсем простым, ибо «великий скачок» произошел в течение очень короткого с точки зрения эволюции времени.

Целью совершенствования универсальной грамматики является попытка показать, что за всем этим стоит нечто совсем простое, способное пролить свет на многие вещи. Правдоподобная теория должна истолковать существование столь великого множества разнообразных языков — и одновременно с этим предстать достаточно простой для того, чтобы объяснить, как человеческий язык появился в течение столь короткого времени. Может быть, это произошло благодаря некой мутации в коре головного мозга или чему-то подобному. В деле приближения к этой цели, а также в понимании причин такого разнообразия языков мы достигли серьезных успехов, показав: мнимые языковые различия довольно поверхностны. Они основаны всего лишь на незначительных изменениях в нескольких структурных принципах, открытых и описанных.

Биологические открытия не противоречат лингвистическим. В конце семидесятых годов французский генетик Франсуа Жакоб пришел к выводу: различия между живыми существами, скажем между слоном и мухой, скорее всего, можно свести к микроскопическим изменениям в генетической системе этих организмов. За свои ранние работы по этой теме Жакоб получил Нобелевскую премию, которую разделил с рядом других ученых.

Похоже, нечто подобное может оказаться истиной и для языков. Сегодня ведется работа с неимоверно большим количеством языков, которые в корне отличаются друг от

друга, — и все больше и больше вышеизложенное становится похоже на правду. Предстоит проделать еще немалую работу, но уже сегодня большая часть этих исследований показывает: мы на правильном пути, что было трудно себе представить еще тридцать или сорок лет тому назад.

В биологии совсем недавно господствовала теория о том, что все организмы могут изменяться почти безгранично и что каждый необходимо изучать в отдельности. Сегодня теория претерпела коренные изменения. Столь коренные, что ученые-биологи с мировым именем выдвинули гипотезу, суть которой состоит в следующем. Существует в принципе лишь одно многоклеточное животное — «универсальный геном», а геномы всех многоклеточных животных, развивавшихся после Кембрийского взрыва, который случился полмиллиарда лет тому назад, являются просто модификациями того единственного образца. Гипотеза пока еще не доказана, однако ее считают весьма серьезной теорией.

Полагаю, нечто подобное происходит и в лингвистике. Но должен откровенно признать: сторонники данной точки зрения пока находятся в меньшинстве. Большая часть ученых, занятых изучением языка, не понимают этих теорий или не принимают их всерьез.

Является ли приобретение языка биологической функцией?

Не понимаю, как можно в этом сомневаться. Посмотрите на новорожденного ребенка. Он попадает под настоящий шквал всевозможных импульсов, которые Уильям Джемс³⁰ в своем знаменитом изречении назвал «одной огромной, расплывающейся, звенящей неразберихой». Если вы поместите в аналогичные условия, скажем, шимпанзе, или котенка, или певчую птицу, они выберут из всего этого только то, что соответствует их собственным генетическим возможностям. Певчая птица из всей массы импульсов выберет напевы, соответствующие ее виду (она генетически так устроена), однако будет не в состоянии выбрать что-либо, имеющее отношение к человеческому языку. А вот грудной ребенок в состоянии это сделать. Он мгновенно выбирает из звукового хаоса все данные, относящиеся к языковым. Как мы знаем сегодня, этот процесс начинается еще в материнской утробе. Новорожденные младенцы в состоянии отличить характеристики языка своей матери от определенных — не всех, а именно определенных — характеристик, присущих другим языкам.

Затем у ребенка наступает быстрый прогресс в приобретении довольно сложных знаний, большинство из которых абсолютно рефлекторно. Учите ребенка в это время или не учите — не имеет никакого значения. Он сам выбирает из окружающего мира то, что необходимо. Все происходит очень быстро и четко. Этот процесс на сегодняшний день хорошо изучен. К шестимесячному возрасту ребенок уже в состоянии анализировать то, что называется просодической структурой языка: ударение, тональность — именно этим языки и отличаются друг от друга — и уже слышать в материнском языке родной. Приблизительно к девяти месяцам ребенок различает звуковую структуру языка. Японцы говорят по-английски, путая звуки «р» и «л»: они не видят разницы между этими звуками. Такие вещи фиксируются в сознании ребенка еще до того, как ему исполняется год.

Дети учат слова очень рано. Если приглядитесь к значениям слов повнимательнее, увидите: они очень сложны. И все же дети часто заучивают слова мгновенно: это означает, что у них в сознании уже имеется структура языка. К двум годам, как подтверждает практика, дети успевают овладеть языковыми основами. Они могут произносить предложения — состоящие, правда, из двух-трех слов, но существуют и другие экспериментальные доказательства, говорящие, что дети способны к большему. Когда здоровый ребенок достигает возраста трех-четырёх лет, он уже обладает обширным знанием языка.

³⁰ Джемс Уильям (1842–1910) — американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма.

Это или чудо, или биологический процесс. Других вариантов просто не существует. Есть попытки заявить, что приобретение языковых навыков — это вопрос узнавания повторяющихся примеров или запоминания, но даже поверхностное рассмотрение подобных теорий быстро доказывает их полную несостоятельность. Однако это не означает, что указанные теории не имеют приверженцев. Наоборот, они стали очень популярны, хотя с моей точки зрения, все такие теории — пустая трата времени.

Есть еще целый ряд довольно странных теорий. Например, многие исследования, ставшие модными в последнее время, утверждают: дети могут выучить язык, ибо люди обладают способностью воспринимать другого человека в соответствии с так называемой теорией разума. Способность ребенка понять, что другой человек намерен что-то сделать, развивается приблизительно к трем или четырем годам. Но если рассмотреть такое явление, как аутизм, то можно увидеть: один из классических синдромов этого заболевания состоит в полной неспособности усвоить теорию разума. Именно поэтому дети-аутисты и даже взрослые не в состоянии понять намерения других людей. Одновременно с этим речь их может быть абсолютно нормальной. Кроме того, способность понимать намерения других людей развивается после того, как ребенок усвоил почти все основные языковые понятия.

Существуют и другие теории, которые просто не могут быть верными, но у них опять же есть много сторонников. Об этом постоянно пишут в прессе, так же как и о том, что другие живые существа тоже обладают способностью говорить. В вопросе о языке существует множество мифов, часто довольно популярных. Не хотелось бы отзываться об этих теориях с пренебрежением, но — увы! — правду не спрячешь. Полагаю, не имеет смысла рассматривать их серьезно.

Каковы бы ни были наши языковые возможности, человек развивает их с невероятной быстротой, используя при этом совсем немного данных. В некоторых областях человеческого общения — таких как эмоциональное, к примеру, — доступных данных почти не существует. Однако языковые возможности все равно развиваются в таких областях очень быстро и с большой точностью, достигая невероятной сложности. Даже там, где речь идет о звуковой структуре, там, где присутствует большое количество данных, — вокруг нас множество звуков, они повсюду, — все равно идет обычный процесс с ярко выраженной человеческой окраской. Это поразительно, поскольку сегодня хорошо известно: слуховая система человекообразных обезьян высшего уровня развития, таких как шимпанзе, очень похожа на слуховую систему человека. Их система даже в состоянии разбирать звуки, играющие отличительную роль в человеческом языке. Однако для обезьян это не более чем непонятный шум — приматам нечего делать с такими звуками. У них нет аналитических способностей.

Какова биологическая основа человеческих языковых возможностей? Очень сложный вопрос. К примеру, мы очень много знаем о человеческой системе зрения благодаря множеству проведенных в этой области экспериментов. На уровне нейронной системы мы получили много знаний о зрении, в основном проводя инвазивные эксперименты с другими видами. Если проводить инвазивные эксперименты с млекопитающими животными, кошками или обезьянами, то можно исследовать, как нейроны их системы зрения реагируют на движение света в определенном направлении. Ничего подобного проделать с языком нельзя. Сравнительных данных просто не существует в природе, ибо другие биологические виды не обладают способностью говорить, а проводить инвазивные эксперименты с людьми нельзя. Необходимо искать намного более сложные и глубокие пути получения хоть каких-то знаний о том, как человеческий мозг решает подобные вопросы. Некоторые успехи в решении этого крайне сложного вопроса есть, но мы очень далеки от того, чтобы выдать информацию, полученную с помощью экспериментов.

Будь возможно экспериментировать с людьми — скажем, изолировать ребенка и тщательно контролировать поступающие к нему данные, можно было бы очень много узнать о языке. Но безусловно, делать этого нельзя. Все, что можно сделать, — это наблюдать за слепыми детьми. Итоги таких экспериментов поражают. Например, очень тщательное

исследование языка слепых показало: слепорожденные люди абсолютно точно понимают смысл слов, имеющих отношение к зрению, таких как «смотреть», «видеть», «уставиться», «засматриваться» и так далее, хотя никогда в жизни своей ничего не видели, просто не знают, как это — видеть. Поразительно. Самый невообразимый случай — тот, над которым работала в свое время моя жена Кэрол: взрослые люди, которые были одновременно глухо- и слепорожденными. Существует определенная методика того, как преподавать язык слепоглухим. Эту методику изобрела для себя Хелен Келлер³¹, самый знаменитый слепоглухой человек в мире. Суть методики заключается в том, что слепоглухой человек кладет обе руки на лицо другого человека, размещая их таким образом, чтобы четыре пальца, от указательного до мизинца, находились на щеках, а большие пальцы — на голосовых связках. Таким способом можно получить какие-то данные. Их, конечно, чрезвычайно мало, но это все, чего могут достичь слепоглухие люди, и этих данных им достаточно, поскольку слепоглухие обладают невероятными языковыми способностями. Хелен Келлер — выдающийся человек, отличная писательница; ясный и очень острый ум. Ее случай, конечно, самый известный в истории человечества.

Кэрол проводила свои исследования здесь, в США, в Массачусетском технологическом институте, и, работая с людьми, лишенными сенсорных функций, обнаружила: их языковые способности незаурядны. Для того чтобы выяснить, чего эти люди не знали и не понимали, необходимо было проводить очень тонкие эксперименты. Этим людям удавалось выживать самим, без посторонней помощи. Главным объектом исследований Кэрол, самым толковым из всех, с кем она работала, был человек, который, если я правильно помню, работал слесарем-инструментальщиком на каком-то заводе, где-то на Среднем Западе. Он был женат, жена также была слепоглухой, но супруги нашли способ общаться друг с другом в своем доме посредством звонков и устройств, которые вибрируют, если вы их касаетесь. Слесарь сумел самостоятельно добраться до Бостона, чтобы дать нам возможность провести эксперименты. У него была с собой маленькая карточка с надписью: «Я слепоглухой. Разрешите, пожалуйста, положить вам на лицо мою руку». Когда он терялся, то обращался к людям с такой просьбой, и некоторые соглашались. Возникала возможность разговаривать и таким образом выяснять дорогу. В общем, человек жил вполне обычной жизнью.

Поразительная особенность: все слепоглухие, научившиеся говорить, потеряли зрение и слух в возрасте приблизительно восемнадцати месяцев или несколько позднее — чаще всего после перенесенного спинного менингита. Те, кто теряли зрение и слух в более раннем возрасте, так никогда и не овладели речью. Но чтобы прийти к какому-либо определенному выводу, не имелось достаточного количества таких случаев, потому результаты исследований не были опубликованы; и все же изложенное наблюдение верно для всех исследованных случаев. Хелен Келлер подпадает под это правило: девочке было восемнадцать месяцев, когда она потеряла зрение и слух. Все проведенные исследования свидетельствуют: к этому возрасту — восемнадцати-двадцати месяцам — человек уже обладает огромными познаниями в языке. Ребенок еще не способен эти познания проявить, но познания уже залегают где-то глубоко, и, возможно, позднее каким-то образом можно извлечь их на поверхность.

Известно, что способность приобретать языковые навыки довольно резко уменьшается в позднем подростковом возрасте.

В общем, совершенно верно, хотя я бы не сказал, что из этого правила нет ни единого исключения. Они бывают. А есть и люди, способные выучить иностранный язык не хуже родного и в гораздо более позднем возрасте. Один такой человек работал у нас на кафедре. И

³¹ Келлер Хелен (1880–1968) — американская писательница и политическая активистка. В возрасте восемнадцати месяцев потеряла слух и зрение, однако выучилась общаться с окружающими, стала первым в истории слепоглухим человеком, окончившим университет, и достигла больших успехов в общественной деятельности.

Кеннет Хэйл, один из величайших лингвистов современности, мог учить иностранные языки не хуже малыша. Мы дразнили Кеннета: вечный ребенок!

Это был исключительный случай?

Да, его случай был исключительным. Какова на самом деле основа процессов, происходящих в человеческом мозге, науке пока неизвестно, и все же хотелось бы поделиться некоторыми соображениями. Мы знаем наверняка: с первых же месяцев человеческой жизни развитие головного мозга влечет за собой утрату многих способностей. Мозг человека изначально устроен таким образом, что в состоянии усвоить буквально все. В случае с языками, к примеру, малыш в состоянии освоить японский, банту, мохоки, английский — любой язык. Со временем эти способности уменьшаются. В некоторых случаях это может произойти по прошествии всего нескольких месяцев. Процессы, которые затрагивают все когнитивные способности мозга, а не только языковые, претерпевают серьезные изменения, а именно: нарушаются синаптические, то есть внутримозговые, связи. Мозг упрощается, делается как будто бы «очищенным». Определенные функции становятся более эффективными, другие исчезают. Очевидно, что большое количество синаптических связей теряется в период наступления половой зрелости — или незадолго до того.

Несколько лет назад я посещал один из ваших семинаров здесь, в Массачусетском технологическом институте, и кое-что меня поразило. Первое — я оказался чуть ли не единственным европейцем в вашем классе, где преобладали выходцы либо из Южной, либо из Восточной Азии. Второе, что меня поразило не меньше, — это обилие математики в ваших лекциях. Вы постоянно писали математические формулы на доске.

Поясняю. Это была математика элементарная. Совсем не то, что доказательство запутанных теорем в алгебраической топологии, например. Но должен сказать: хорошее владение математикой по меньшей мере очень полезно, а в некоторых случаях абсолютно необходимо для серьезных исследований. Основной причиной этого является то, что язык подобен вычислительной системе. Речевые способности, которыми наделены мы все, основываются на вычислительной процедуре, создающей бесконечное множество иерархически структурированных выражений.

Многие отождествляют лингвистику со способностью говорить на нескольких языках. Так, в вашем случае все думают: «О, Хомский! Он, наверное, знает десять или двенадцать языков». Но в действительности ведь лингвистика — это совсем другая вселенная. Объясните, почему изучение языка столь важно? Вы ведь крайне увлечены этим занятием, посвятили большую часть жизни изучению языка вообще, как такового.

Должен заметить, что существует различие между лингвистом и человеком, просто владеющим несколькими языками. Лингвист — это человек, изучающий природу языка.

Почему природа языка столь интересна? Вспомните картину, которую я нарисовал чуть ранее. Кажется, она довольно убедительна. В недалеком с эволюционной точки зрения прошлом человеческое родословие претерпело некую невероятную перемену. У первобытных людей стали развиваться способности, свойственные современному человеку: очень широкие творческие возможности, неведомые дотоле, не существующие у каких-либо иных биологических видов. Ничего подобного в природе больше нет. Это и стало основой когнитивной, нравственной, эстетической сути человека, — а неотъемлемо важным стержнем этого процесса было появление членораздельного языка.

Вполне вероятно, что именно язык и стал тем рычагом, с помощью которого удалось развить в человеке все другие способности. Возможно, так сложилось, что все остальные способности человека — лишь производные от внятного, членораздельного языка. Не исключено, что и математические способности, и, весьма вероятно, наши нравственные свойства получили свое развитие за счет аналитических и вычислительных механизмов, предоставленных богатым, ярким и гибким языком. Если только мы понимаем эти другие

механизмы, — а, к сожалению, знаем мы о них очень немного, — то их вычислительные процессы очень похожи.

Очевидно, что культура влияет на язык и во многом «лепит», даже если не полностью определяет его.

Это высказывание можно слышать очень часто; на беду, оно почти бессмысленно. Что значит культура? Культура — общее название для всего, что происходит в обществе. Тогда верно: все, что происходит в обществе, влияет на язык.

Мы обитаем в среде, полной насилия, — и разве это не влияет на наш словарь? Мы уже говорим и будем говорить «эпицентр», «попасть в яблочко», «терроризм», продолжим использовать иные выражения, относящиеся к насилию?

Конечно, среда влияет на лексический выбор. Но все это второстепенно, периферийно для языка. К любому существующему в мире языку можно добавить жаргонных словечек — дело житейское и привычное. Нет никаких данных о влиянии культуры на сам язык. С моей точки зрения, очень маловероятно, чтобы культурная среда как-то серьезно изменяла природу языка. Возьмем, к примеру, английский и окинем его взглядом от самых ранних времен и доныне. Английский звучал совсем иначе во времена Чосера или короля Артура, но сама основа языка с того времени коренных изменений не претерпела, поменялся только словарный запас. Совсем недавно Япония была феодальной страной, а сегодня это современное, высокотехнологичное общество. Японский язык, конечно, за это время изменился, но не настолько, чтобы отобразить изменения в обществе. А если бы Япония каким-то образом вернулась в феодализм, то язык, опять же, не изменился бы неузнаваемо.

Меняется словарь. В разные времена вы говорите о разных вещах. Например, племя из Папуа — Новой Гвинеи, о котором я писал ранее, не знало бы слова «компьютер». Но повторяю: все это второстепенно, периферийно для языка. Слово «компьютер» можно в язык добавить. Очень поучительна работа Кена Хэйла, написанная им в семидесятых годах прошлого века. Он был специалистом по языкам австралийских аборигенов, и доказал: там отсутствуют некоторые элементы, наличествующие во всех современных индоевропейских языках. Например, у австралийских туземцев нет слов, обозначающих числа или цвета, не существует придаточных предложений. Хэйл изучил эту тему очень глубоко, и доказал: все эти пробелы чисто поверхностны. Племена, с которыми он работал, не имели в своем языке имен числительных, но легко занимались подсчетами. А как только очутились в обществе, основанном на рыночных отношениях, и столкнулись с ежедневной нуждой в исчислениях, просто начали пользоваться другими приемами. Вместо слов, обозначающих числа, употребляли, например, пальцы руки: пять. Две руки значили десять. И так далее. У туземцев не было слов, обозначающих цвета. Может быть, имелись два слова для черного и белого, существующие в любом языке. Зато австралийцы использовали различные метафорические выражения — к примеру, упоминали кровь, описывая нечто красное.

В результате своих исследований Хэйл пришел к выводу: все языки в принципе одинаковы. Существуют некие расхождения. В нашем языке есть большое количество пробелов, которых нет в других языках — и наоборот, в других языках существуют пробелы, которых нет в нашем языке. Все это в некоторой степени напоминает то, что я сказал ранее об организмах — различаются ли они безгранично или в природе существует универсальный геном? Если посмотреть на организмы, то они выглядят невероятно разнообразными, поэтому еще пятьдесят лет тому назад гипотеза о том, что они различаются практически во всем, выглядела довольно правдоподобной. Но чем больше мы узнаем, тем более сомнительной выглядит эта гипотеза. Дрожжи имеют генетическую структуру, которая во многом не очень-то отличается от нашей генетической структуры, однако внешний вид дрожжей значительно отличается от нашего. Существуют фундаментальные биологические процессы, которые внешне кажутся различными, но лишь до тех пор, пока вы не начинаете их понимать. Нечто подобное происходит и с изучением языков. Работа Кена Хэйла по этой

теме является одной из важнейших. Сегодня повсюду ведется речь о неких «подобных исследованиях», но большинство этих работ поверхностны и невежественны. В действительности почти все из обсуждаемого сегодня было гораздо глубже описано Хэйлом еще сорок лет тому назад.

Пожалуй, читатели ваших книг не знают о том, что автор — человек довольно озорной. Когда-то я присутствовал на одном из ваших лингвистических семинаров и попросил разрешения уйти немного раньше. В ответ вы тоже попросили: выходя из аудитории, молодой человек, мотайте головой и приговаривайте: «Понятия не имею, о чем этот Хомский толкует! Белиберда и галиматья...»

Именно. Так и звучит лекция по лингвистике для человека несведущего. Естественное наблюдение над собой: когда читаю лекцию, то вовсе не размышляю о каждой произносимой фразе с языковедческой точки зрения. Никаких языковых структур у меня и в мыслях нет. Как же они могут быть реальными? Белиберда и галиматья. Эдакий антиинтеллектуальный подход к делу. Я бы даже сказал, упорное и воинствующее невежество пропитывает большую часть нашей культуры. А уж если речь заходит о языке, это происходит, в сущности, повсеместно.

То же самое можно сказать и о зрении. Один из самых интересных фактов, известных нам о системе зрения, — ее способность воспринимать все окружающее как неподвижные предметы, пребывающие в движении. Мы этого не замечаем, но именно так работает наша система зрения.

Возьмем, к примеру, игру в бейсбол. Когда мы видим, как аутфилдер ловит летящий мяч, ни мы, ни он не задумываемся, как же, собственно, он это делает, хотя весь процесс по сути своей уникален. Как аутфилдер почти мгновенно понимает, куда бежать, едва услышав звук удара биты по мячу? Ведь это — молниеносный и архисложнейший подсчет, но игрок его проводит великолепно. Этот процесс немыслимо анализировать. Если бы аутфилдер попытался действовать осознанно, то, скорее всего, упал бы ничком и не поймал мяча. Этого не поймешь и не ощутишь — как переваривания съеденной пищи. Это невозможно. С помощью своей когнитивной системы люди просто осознают, что способны проделывать подобные вещи. Это происходит потому, что мы лишь частично осознаем творящееся вокруг и понимаем только некоторые поверхностные аспекты наших действий. К примеру, вы бежите за летящим мячом. И понимание поверхностных аспектов происходящего не дает возможности заглянуть во внутренние вычислительные процессы нашего головного мозга, позволяющие осуществлять все нужные действия.

Вы много раз говорили, что ваша лингвистическая работа и политическая деятельность никоим образом не смешиваются. Но поражает ваш синкретизм, ваша могучая способность сводить в единую связную картину понятия и вещи, казалось бы, несовместимые.

Думаю, любой человек на это способен. Никаких особых дарований по этой части у меня нет. Есть, скажем так, определенные навыки, весьма полезные, коль скоро занимаетесь наукой или международной политикой. Один из важнейших навыков такого рода, имеющийся у всякого — правда, не всякий умеет его использовать, — зовется умением недоумевать. Почему все обстоит так, а не иначе? Посмотришь на историю современной науки — и убедишься: именно способность недоумевать и привела в целом ряде случаев к невероятным итогам. Альберт Эйнштейн задался вопросом: как выглядела бы Вселенная, двигайся мы со скоростью света? Вопрос его озадачил. Именно из недоумения и родилась теория относительности, в корне изменившая наши взгляды на мир.

Современная наука движется вперед исключительно благодаря стремлению сомневаться в, казалось бы, незыблемых понятиях. У меня в руке чашка с горячим чаем; я разжимаю пальцы; пар возносится вверх и рассеивается, чашка летит вниз и бьется вдребезги. Почему? Испокон веку мудрейшие ученые мужи считали правильным ответом

следующий: чашка и пар просто отправляются по назначению: пару положено подниматься к потолку, а чашке падать на пол. Естественное местонахождение пара — наверху, а естественное местонахождение чашки — внизу. Казалось бы, делу конец. Но Галилей и некоторые другие ученые задались этим вопросом, поскольку предлагаемый ответ их не удовлетворил. А как только этим вопросом задались, он стал выглядеть намного важнее, чем прежде. Начните докапываться до сути — начнете понимать: мы ровным счетом ничего не знали и не знаем. Здравый смысл уверяет: легкий мячик и тяжелый мяч падают с разной скоростью. Но это ведь не так. Почти все наши естественные предположения оказываются целиком неверны. Современная наука зиждется на этом убеждении.

Определенные общественные и политические учения тоже считались незыблемыми — подобно постулату о движении чашки и пара в положенные природой места. Например, незыблема догма о благородстве Соединенных Штатов. Да, мы иногда ошибаемся, однако наши правители неизменно хотят миру лишь добра. Человеку свойственно ошибаться, но ведь мы обороняем и развиваем демократию. Любим ее! Если не верите, уберите из Америки вон. Так считают обычные граждане. Так считают, в значительной степени, ученые. Так обычно считают и американские средства массовой информации.

Возьмите статью в газете New York Times. Автор — бывший заместитель редактора этой же газеты, Билл Келлер. Повествует статья о нашем стремлении нести миру добро. Келлер упоминает и о тревожных исключениях: мы по-прежнему поддерживаем насилие в Бахрейне, мы палец о палец не ударим, глядя на самое реакционное из арабских государств — Саудовскую Аравию. Исключения из правил, пишет Келлер, тревожны, ибо противоречат нашей национальной добропорядочности. По-моему, похоже на средневековый постулат: «Всякой вещи — естественное место».

Не надо быть гением, чтобы понять: удивляться тут нечему, это пишет не душевнобольной. Это образ жизни великих держав. У всех великих держав имеются правительства, определяющие государственную политику. Наличествует и много других факторов, но все они второстепенны. Приглядитесь к целям и намерениям ведущих политиков — и все станет на «естественные места». Конечно, если вы заговорите о подобном в Соединенных Штатах, с вами никто не захочет и разговаривать — как некогда никто не хотел разговаривать и с Галилеем. Галилей ставил с ног на голову тогдашний здравый смысл. За это и пострадал от инквизиции, как доныне страдают все инакомыслящие. Вынужденный торжественно отречься от своих взглядов, он, как гласит легенда, поднялся с колен и шепотом сказал: «E pur si muove» («И все-таки она вертится»). Насколько это верно, понятия не имею, но такова легенда.

Испокон веку — чуть ли не с допотопных времен — во всяком обществе, о котором я когда-либо слышал, инакомыслящим приходилось несладко. Насколько именно, зависело от общества. Любопытнейшая подробность, вполне типичная для нашей политической культуры: мы всегда предельно возмущены жестоким отношением к инакомыслящим во враждебных нам странах. Преследование таких людей, как Вацлав Гавел или Александр Солженицын, считалось отвратительным, негодовали мы неистово и справедливо. New York Times непрерывно голосила: как ужасно обращаются с диссидентами в социалистических странах! Но поглядите пристальнее: в странах, угодных Соединенным Штатам, с инакомыслящими обращались намного хуже! Если потрудитесь прочесть классический труд «Кембриджская история холодной войны» (Cambridge History of the Cold War), узнаете: начиная с 1960 года неопишущие и неисчислимы зверства, творившиеся в странах, послушных США, намного превосходили и количеством и «качеством» злодеяния, вершившиеся в Советском Союзе и других социалистических странах. Чистая правда. Верно, Вацлава Гавела бросили в тюрьму. Из рук вон плохо. Но шестерым инакомыслящим сальвадорским иезуитам вдребезги разнесли головы из дробовиков. Это уже похуже, не правда ли? Даже имен их не приводят: не сумели опознать убитых. Зато имена восточноевропейских диссидентов общеизвестны. Спросите, как зовут инакомыслящих в Сальвадоре, или, допустим, в Колумбии, или еще где-нибудь, где правят покорные США

режимы...

Так называемые «новые медиа», Facebook и Twitter, такие устройства, как iPad и т. п., все больше и больше разобщают людей. Недавно, сидя в ресторане, я обратил внимание: чуть ли не все, кто там был, глядели в свои iPhone, либо писали сообщения, либо проверяли электронную почту. Как это может повлиять на общество?

Я не принадлежу к этой «культуре», а всего лишь наблюдаю за нею со стороны — правда, гляжу рассеянно и не очень хорошо понимаю происходящее. Но подозреваю: люди, вовлеченные в подобный «умственный обмен», — а это преимущественно молодые люди, — глушат таким образом чувство одиночества. Похоже на случай из моего детства. Был у меня закадычный друг, и была у друга записная книжечка, в которую он вносил имена своих друзей и приятелей. Друг мой любил хвастаться: у него двести знакомых! Да на деле это значило: у него знакомых и друзей вообще не было (не считая меня) — ибо не бывает у человека двести штук друзей! Интернет, электронная почта, Twitter, разные «блоги» напоминают мне этот случай из детства. Если у вас уйма друзей на Facebook или где там еще — почти наверняка ваши с ними отношения выеденного яйца не стоят. Коль скоро вашим «окошком в мир» сделался Интернет, бейте тревогу и хватайтесь за голову: незавидную ведете жизнь.

Пожалуй, в движении «оккупантов» самое важное то, что с его помощью все это можно преодолеть: создавать настоящие, а не виртуальные сообщества, беседовать, гулять вместе, помогать приятелям, поддерживать друг друга, свободно и спокойно разговаривать — то есть делать все, чего так недостает нам нынче. Сохранились еще кое-где кое-какие осколки живого общения, немного тут, немного там. Но все же думаю, что в Америке уже долгое время сознательно разрушают общественное единство, людей разделяют — и рвется то, что социологи называют вторичными связями. Это сообщества, способные взаимодействовать и создавать жизненное пространство, где люди могли бы высказываться, поверять свои мысли, понимать ближних и сотрудничать с ними. Одним из ярчайших примеров таких сообществ были профессиональные союзы, положительно влиявшие на социальный климат в стране. Оттого и ненавидели их власть имущие.

Само понятие общественной сплоченности рассматривается властью имущими как серьезная угроза их интересам. Так оно везде и всюду; но в США — особенно. Хотя новые СМИ, вне сомнения, создают и помогают сохранить кое-какие социальные связи, думается, они гораздо больше содействуют людскому разобщению. Но, конечно, я сужу как человек посторонний и малосведущий.

А как насчет образования в капиталистическом обществе? Долгие годы вы преподавали в институте. На вашу деятельность заметно повлияли мысли просветителя Джона Дьюи³², которого вы назвали «одним из осколков классической либеральной традиции эпохи Просвещения».

Одно из крупнейших достижений Соединенных Штатов заключается в том, что им, чуть ли не первым в мире, удалось создать общенародное обучение — не просто университеты для избранных и ремесленные училища для отверженных, а именно всенародное обучение, образование для всех. Возникновение государственных колледжей и школ в XIX веке стало едва ли не величайшим событием в истории Соединенных Штатов. Причины тому были гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Одну из них изложил Ральф Уолдо Эмерсон³³. Его поразило то, что деловая элита страны — правда, Эмерсон звал

³² Дьюи Джон (1859–1952) — американский философ, психолог и реформатор образования, чьи идеи оказали большое влияние на развитие образования и прогресс в социальной сфере. Один из крупнейших деятелей теории прагматизма.

³³ Эмерсон Ральф Уолдо (1803–1882) — американский поэт, эссеист, философ и общественный деятель.

ее совсем иначе — стремилась к повсеместному всенародному образованию. Эмерсон предположил, что правители мыслили так: «Дадим этим людям образование, или они одичают полностью и растерзают нас». Другими словами, народ завоевывает все больше прав и если не давать ему хорошего образования, то может невзначай схватить за горло власть имущих.

Но... палка здесь о двух концах. Если говорить о свободном образовании, будящем в человеке творческие способности и воспитывающем свободолюбие — то есть достоинства, о которых мы говорили недавно, то люди, получившие такое образование, действительно вопьются власть имущим в глотку — не пожелают, чтобы ими правили несправедливо. И порешили создавать особое народное образование, внушающее школьникам покорность, благовоспитанность, уважение к власти и общественной нравственности. Образование, приучающее не задавать лишних вопросов. А вот система образования, основанная Джоном Дьюи, была совсем иной и полностью противоречила существовавшей тогда официальной системе. Это система образования зиждилась на принципах либерализма.

Споры о том, каким должно быть образование, начались на заре эпохи Просвещения. Существует два поразительных по силе образных сравнения, две точки зрения, которые, как мне кажется, выражают всю суть столь давнего препирательства. Первое воззрение заключается в том, что давать образование — значит наполнять водой кувшин. Увы, мы знаем из собственного опыта: мозг — это кувшин дырявый. Можно готовиться к экзамену по предмету, вам неинтересному, выучить все назубок, сдать экзамен — и через неделю все позабыть напрочь. Вода вытекла из кувшина. Однако это учит вас быть послушным и подчиняться наставнику безоговорочно, даже если наставления бессмысленны. Другой подход к образованию описан одним из основоположников современного высшего образования, Вильгельмом фон Гумбольдтом³⁴, ведущим деятелем классического либерализма. Он сказал, что образование должно быть подобно Ариадниной нити: вручите ее учащемуся — и пускай тот, ведомый нитью, выбирается из лабиринта самостоятельно. Иными словами, создайте общую структуру образования, чтобы учащийся — взрослый ли, ребенок ли — мог исследовать мир по-своему, сообразно своим творческим и личным склонностям. Тогда человек начнет развиваться, а не только шпиговать свою голову сведениями. Человек научится учиться.

Так и ведут преподавание в хороших университетах. Если вы учитесь в Массачусетском технологическом институте, курс физики здесь не сводится к наполнению кувшина водой. Лучше всех это выразил один из величайших физиков современности Виктор Вайскопф, скончавшийся несколько лет назад. Когда студенты спросили, какой курс он будет читать им в следующем семестре, Вайскопф ответил: «Не важно, о чем я буду говорить. Важно только то, что сумеете узнать сами». Иначе говоря, если вы знаете, как правильно приобретать знания, то совершенно не важно, какой предмет изучать. В этом вся суть образования по системе Гумбольдта.

Должен сказать, я узнал о системе Гумбольдта не из книг, а из собственного опыта. Я учился в экспериментальной школе, работавшей согласно принципам Джона Дьюи. Тогда все это казалось абсолютно естественным. И лишь гораздо позже я прочел об этом.

Битва за образование идет уже довольно долго. Шестидесятые годы прошлого столетия были периодом крупнейших общественных потрясений, изрядно цивилизовавших общество: обсуждались и гражданские права, и женские права, и множество других вопросов. Но для правящей верхушки времена были опасными — именно из-за того влияния, которое эти процессы оказывали на общество. Народ начал подвергать сомнению самую существовавшую

Один из самых видных мыслителей и писателей в истории США.

³⁴ Гумбольдт Вильгельм фон (1767–1835) — немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель и дипломат. Старший брат ученого Александра фон Гумбольдта. Провел реформу гимназического образования в Пруссии. В 1809 г. основал первый университет в Берлине, который носит сегодня его имя.

власть, он желал получить ответы на самые насущные вопросы, не принимая больше ответов, ниспосылавшихся с олимпийских правительственных вершин. Возник «излишек демократии».

Искать ответы и в самом деле небезопасно. В семидесятых годах началась правительственная реакция, и мы пожинаем ее плоды поныне. Все, что тогда происходило, подтверждается документами. Два из них поразительны и достойны всяческого внимания. Они создавались на противоположных политических полюсах. Это «Меморандум Пауэлла» со стороны правых и отчет Трехсторонней комиссии со стороны левых.

Льюис Пауэлл защищал интересы табачной промышленности и был очень близок к президенту Никсону, позднее выдвинувшему его на должность судьи Верховного суда США. В 1971 году Пауэлл составил меморандум для Торговой палаты США — главной сторонницы и помощницы американских деловых кругов. Меморандум был секретным, но непонятным образом угодил в открытую печать. Читать этот документ очень интересно — причем не только благодаря содержанию, но и стилю, типичному для деловой переписки и для всей тоталитарной культуры в целом. Меморандум читается, словно «План Даллеса». Общество рушится, все потеряно. Университеты захвачены последователями Герберта Маркузе³⁵. Все средства массовой информации и правительство подмяты левыми. Ральф Нейдер³⁶ уничтожает частную экономику — и так далее и тому подобное. Деловые люди — самый преследуемый общественный слой, но мы не должны сдаваться, говорит Пауэлл. Мы не должны дать этим безумцам разрушить все. У нас есть богатство. На наши деньги содержатся университеты. Мы владеем печатью, радио и телевидением. Мы не допустим красного переворота. Мы все еще в состоянии перестроиться и, используя наши возможности, направить события в нужное русло. Пауэлл, разумеется, употреблял в своем меморандуме громкие слова — «демократия» и «свобода».

«Меморандум Пауэлла» — такой гротеск, что невольно дивишься: ведь нужно быть умалишенным, чтобы так думать. Но это в порядке вещей. Человек вел себя словно трехлетний ребенок, не получивший того, что кланчил и вымогал. Считали, что владеем всем миром, и вдруг теряем нечто незначительное — складывается впечатление, что потеряно все без остатка. Обычная психология людей, привыкших к власти и поверивших, что имеют безраздельное и неотъемлемое право на власть.

С противоположного политического полюса прилетел отчет Трехсторонней комиссии под названием «Кризис демократии». Сочинили его либеральные интернационалисты и либералы из администрации президента Картера. Авторы документа сетовали по поводу беспомощности «учреждений, доньше игравших важнейшую роль в воспитании молодежи». Молодежи скверно внушают в школах и церквях принятые американским обществом нравственные правила. Молодежь все громче и нахальнее требует себе все новых и новых свобод. Необходимо что-то делать. Весь текст не слишком отличается от «Меморандума Пауэлла». Он чуть более изощрен, однако суть его остается все той же.

Избыток свободы, избыток демократии — и недостаток оболванивания — как с этим быть? Образованию надлежало управлять учащимися, промывать им мозги и прекращать опасные игры со свободой и независимостью. Именно это и происходит в последние годы. Изменения начались, когда университеты превращались в корпорации. Резко расширились управленческие структуры, власти начали обращать внимание на прибыльность университетов, повысилась плата за обучение. Последний вопрос в наши дни настолько обострился, что постоянно присутствует в заголовках американских газет. Студенческий

³⁵ Маркузе Герберт (1898–1979) — немецкий и американский философ, социолог, политический деятель. Один из главных представителей Франкфуртской школы, которая является одной из самых популярных критических теорий современного индустриального общества и представляет собой разновидность неомарксизма.

³⁶ Нейдер Ральф (р. 1934) — американский адвокат и политический активист левоцентристского толка.

долг обретаётся сегодня на одном уровне с долгом по кредитным карточкам и, наверное, даже превосходит его. Студенты задолжали везде, всюду и каждому. Законы изменились, и выбраться из долгов невыносимо — никакие оправдания несостоятельностью не учитываются. Студент оказывается чуть ли не в пожизненной западне. Тоже неплохой способ управления людьми, которые стали всецело зависимыми.

Никакого экономического основания в повышении платы за обучение не было и нет. В пятидесятых годах прошлого столетия американцы жили намного беднее, зато образование было почти бесплатным. Тогдашний «Солдатский билль о правах» был, конечно, довольно избирателен — применялся исключительно к белым, а не к чернокожим и в основном к мужчинам, а не женщинам, но все равно позволял множеству людей, прежде не смевших и мечтать о высшем образовании, окончить университет. А для прочих, не имевших никакой льготы, плата за обучение все равно была намного ниже нынешней. Такой подход к образованию оказался благотворен для американской экономики. Пятидесятые и шестидесятые годы прошлого столетия были десятилетиями величайшего экономического подъема во всей истории Соединенных Штатов Америки, а отменные специалисты, получившие в молодости общедоступное высшее образование, весьма содействовали впоследствии экономическому подъему.

Сегодня наше общество намного богаче, нежели в пятидесятых годах. Производительность труда возросла невероятно. В стране обращается намного больше денег, и даже думать смешно, будто нельзя изыскать фонды для оплаты образования. Свидетельством тому пример других стран. Погляньте на Мексику. Бедное государство, но вот образование в нем поставлено вполне прилично — преподавание отменное. Преподаватели получают невысокие по сравнению с американскими коллегами оклады, однако национальное образование работает великолепно — а получают его бесплатно. Несколько лет назад мексиканское правительство пыталось ввести небольшую плату за высшее образование, но студенты ответили всеобщей забастовкой, и власти немедленно пошли на попятную. Образование в очень бедной стране остается бесплатным, как и в очень богатых странах — Германии и Финляндии, — где образование по многим показателям считается лучшим в мире. Там оно тоже бесплатное, или почти бесплатное. Доля валового внутреннего продукта США, необходимая, чтобы сделать образование бесплатным, весьма невелика. И все разглагольствования о том, что бесплатному образованию препятствуют некие непреодолимые экономические трудности — что якобы именно из-за них обучение дорожает, не стоят выеденного яйца. Здесь решающую роль играет правительственное стремление сперва оболванить народ, а потом заново учить его уму-разуму: на должный лад.

Каково же американское воспитание и образование — от детского сада до средней школы? При президенте Буше была программа «Ни единого позабытого ребенка». При президенте Обаме появилась программа «Вперед к вершинам!». Обе они сводятся к одному и тому же: учите ребенка сдавать экзамены и зачеты — ничего больше. Учителей непрерывно контролируют и проверяют: всякий шаг влево или вправо от предписанного наказуем. Это еще один шаг к тому, что творится ныне в университетском преподавании. Все, кто сталкивался с американскими школами, хорошо знают их текущую работу. Ученику велят: сиди смирно! — а главное, зубри все подряд, не рассуждая и наизусть, готовься к очередной проверке. Существует целое уложение о наказаниях для учителей, чтобы держать их в надлежащем повиновении. Если ученик не успевает (это вполне может означать: перед нами ребенок творческого или просто независимого склада), учителя считают виновным в этом. Таким образом, преподавателей приучают стоять на вытязку и отвечать: «Слушаюсь, сэр» (или «Слушаюсь, мэм»).

А основные недочеты образования остаются нетронутыми. На обучение отводится чудовищно мало средств. Размеры классов чересчур велики. Диана Равич, всегда порицавшая американское образование сдержанно и мягко, стала одной из самых ярких противниц нынешней системы. Систему Диана знает очень хорошо, и недавно тщательно сравнила ее с финской — многие признают финское обучение лучшим в мире. Исследование

показало: в отличие от американских, финские учителя пользуются уважением и свободой. Общество ценит их. В школы и высшие учебные заведения идут служить люди славные и талантливые. Они любят свое дело и проявляют инициативу, пользуясь полной свободой при творческом выборе методики преподавания. Финских учащихся поощряют к самостоятельному поиску ответов на поставленные вопросы.

Журнал Science, издаваемый Американской ассоциацией содействия развитию науки, напечатал несколько редакционных статей, написанных Брюсом Альбертсом, известным биохимиком. Они посвящены преподаванию точных и естественных наук. Соображения Альбертса весьма интересны. По его словам, преподавание точных и естественных наук все больше и больше сводится к тому, чтобы отбивать студентам всякую охоту учиться. Студент университета обязан вы зубрить названия нескольких ферментов. Школьнику предписывается выучить таблицу Менделеева. Изучая открытие ДНК, узнает: ученые открыли ДНК тогда-то и так-то. ДНК представляет собой двойную спираль. Точка. В учащемся убивают всякое любопытство, всякую радость, сопутствующую открытиям. А вспомним-ка, что сказал Вайскопф: важно то, что вы изучите сами, — а вовсе не то, что услышите от меня в лекционном зале.

Альберте вносит несколько неплохих встречных предложений. Например, в одном детском саду каждому ребенку дают блюдце с мелкими камешками, крохотными ракушками и семенами. Затем спрашивают: «А как отличить семена?» Игру назвали «научной конференцией». Дети спорили, обсуждая: как же выяснить, где семена? Помогал им воспитатель и, если спор уходил в ненужную сторону, мягко вмешивался. По существу, это было методом «Ариадниной нити» — по Гумбольдту: вот вам задача, решайте сами, а я только помогу наставническим словом, если потребуется. Дети со своей задачей справились. Они «проводили опыты», пробовали подойти к делу и так и сяк, не утомимо «сотрудничали в научно-исследовательской работе». Потом каждому ребенку вручили увеличительное стекло. Дети разрезали семена, обнаружили там зародыш растения и узнали: именно этим семена отличаются от камешков и ракушек. Дети многому научились. Не то важно, что они узнали нечто новое о семенах — это не играет особой роли, — но то, что они обучились открывать новое и поняли: это увлекательно, и надо уметь удивляться, а затем исследовать и находить ответы.

Это применимо к любому образовательному уровню. Моя знакомая учительница излагала шестиклассникам историю Американской революции. За несколько недель до того, как дети принялись изучать эту тему, наставница стала вести себя в классе очень грубо, всюду помыкать учениками, тиранить их. Ученики обиделись, рассердились, решили действовать: начали собираться вместе и устраивать «демонстрации протеста». И, когда положение стало по-настоящему взрывоопасным, учительница начала урок об Американской революции словами: «Поскольку теперь вы на собственном опыте знаете, отчего вспыхивают восстания...» Ученики очень хорошо понимали отчего! Творческий способ преподавания, при котором вовсе не требуется сдавать зачеты по каждому поводу, позволяет глубоко познавать предмет. Повторяю: это применимо к любому образовательному уровню — от детского сада до университета — и к любому предмету: к истории, точным наукам, к чему угодно.

Итак, существует два взгляда на образование. Ясно, в каком направлении сегодня движется наше, и думаю, тому есть причина. Необходимо дать людям такое образование, чтобы они не вцепились нам в глотку, как очень образно выразился Эмерсон много лет назад. От детского сада до средней школы истинное образование стремятся окончательно разрушить. Главным орудием разрушения стали «чартерные» школы. Ученики этих школ ничем не отличаются от прочих учеников, посещающих школы обычные. Чартерные школы существуют преимущественно за счет государства — иначе говоря, за счет рядового налогоплательщика, — однако числятся за пределами государственной системы образования, в частных руках. Разрушается сама этика государственной системы образования, определяемая одним словом: «сплоченность». Государственная система

образования заботится о детях, вам незнакомых и не имеющих к вам ни малейшего отношения. Это и есть общественная сплоченность — она очень опасна для правящих сливок общества, ибо ведет общество в нежелательном направлении. Ведь людей желательно разобщать.

Догадываюсь: система социального обеспечения в стране также находится под серьезным давлением — по тем же причинам, ибо никаких экономических причин заметить нельзя. Финансовое положение системы надежно. Если ввести незначительные изменения, система останется жизнеспособной и устойчивой на неопределенно долгое время. Но социальное обеспечение рассматривают как великую незадачу, с которой нужно хоть что-то делать. Незадача совсем в ином: социальное обеспечение подразумевает необходимость заботиться о других людях. Нужно заботиться о незнакомых вам стариках, имеющих право на спокойную старость. Но властям неуютно ваше человеколюбие. Нет у седой вдовы денег на еду — что ж, это ее печаль, сама виновата. Вышла замуж за неудачника или неразумно вложила сбережения. Не положено думать о других людях: каждый сам за себя и человек человеку волк.

Во время президентских дебатов Рона Пола спросили: а если случится беда с кем-нибудь, у кого нет медицинской страховки? Что делать? Пол ответил: «Не застраховался как положено — пеняй на себя. В этом суть истинной свободы — осознанной необходимости». Однако ведущий поймал его на откровенном цинизме, и Пол пошел на попятную, заявив: дескать, о людях, не имеющих медицинской страховки, должны позаботиться их родственники или церковь. А Рэнд Пол, сын Рона Пола, сенатор от штата Кентукки, тут же превзошел своего родителя, заявив: общенациональная медицинская страховка — это рабство. И пояснил: «Я сам врач. Если введут общенациональную медицинскую страховку, то меня по закону обяжут лечить всех без исключения. Значит, я стану рабом государства». Слова и мысли Рэнда Пола — капиталистическая патология в самом крайнем, безумном, нечеловеческом проявлении. Это полностью противоречит солидарности, взаимопомощи, простому состраданию.

Эдакий социальный дарвинизм, не так ли? Выживает сильнейший?

Мягко сказано, друг мой. Все намного сложнее и страшнее. И одновременно проще: я сам за себя, и пропади пропадом весь белый свет! — именно так и воспитывают народ. Исподволь воспитывают, конечно. Институт политики при Гарвардском университете провел опрос молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати девяти лет. Итоги опроса потрясают. Молодежь, как выяснилось, преимущественно придерживается взглядов, которые в Соединенных Штатах проповедуют сторонники либертарианства. Американское либертарианство смыкается с тоталитаризмом. Если внимательно посмотреть на основные положения либертарианства, ясно понимаешь его суть: страной должен всецело править частный капитал, тогда все будут свободны. Я не хочу сказать, будто приверженцы либертарианства — фашисты, но вероятные последствия их политики выглядят именно так. Вдобавок в обществе разрушатся последние человеческие связи. Многих такое положение вещей как раз и привлекает. Например, меньше половины молодых людей, отвечавших на вопросы Гарвардского университета, считали, что правительство обязано предоставлять медицинскую страховку или «такие важнейшие житейские блага, как еда и кров» тем, кто не в состоянии кормить и содержать себя сам.

О правительстве США вообще говорят как о совершенно потусторонней — причем недоброй — силе. Ненависть к демократии настолько укоренилась в существующей политической системе, что никто не считает правительство представителями народа, орудиями народного волеизъявления. Правительство — орудие в неких чужих руках, если не в лапах. Прививать ненависть к демократии не так уж просто. Правители демократического общества — члены общества. Решения правительства — это ваши решения. А правительство Соединенных Штатов — нечто, постоянно вам угрожающее, и уж во всяком случае не орудие вашей воли.

Но самыми пугающими в этом опросе студентов Гарвардского университета выглядят ответы по поводу охраны окружающей среды. Только 28 % опрошиваемых (!) полагают, что «властям нельзя не считаться с опасными климатическими изменениями, и следует оберегать окружающую среду — пускай даже в ущерб экономическому росту». Если так пойдет и впредь, считайте, что всему роду человеческому выносится смертный приговор. Что ж, перед нами вполне естественные результаты мощнейшей государственной пропаганды, наступления на общественную солидарность, на человеческое сострадание и взаимодействие, на основы демократии.

День 15 апреля, когда в Соединенных Штатах платят налоги, — истинный символ американской демократии. Будь американская демократия действенной, день этот считался бы праздником у большинства граждан. Ведь мы сходимся вместе, чтобы сделать взнос и претворить в жизнь политику, всеми нами одобряемую. Казалось бы, именно таким днем и должно стать 15 апреля. Но 15 апреля в Соединенных Штатах — день скорби: чужие, вражеские силы являются ограбить вас, отнять ваши в поте лица заработанные деньги. Это неприкрытое презрение к основам демократии. Впрочем, и это естественно: общество, которым правит капитал, где людям промывают мозги, делает все возможное, чтобы это презрение усилить.

Аристократы и демократы

Кембридж, штат Массачусетс
(15 мая 2012 года).

Вокруг Всеамериканской встречи на высшем уровне, состоявшейся весной 2012 года в Картахене (Колумбия), разразился грандиозный скандал — на сексуальной почве! — новозаметке для газеты New York Times вы указали на вещи поважнее.

Очень важная, интересная конференция. Совместного формального заявления участники не сделали: не было единодушия. Соединенные Штаты Америки и Канада не согласились со всеми остальными странами полушария: не позволили включить Кубу в число участников этой встречи и не пожелали всерьез рассмотреть вопрос о том, чтобы продажа наркотиков перестала считаться преступной. Все это очень важно, это новый шаг к изоляции Соединенных Штатов и Канады, — а одновременно и к интеграции стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

С год назад возникло Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), объединившее все страны полушария, за исключением Соединенных Штатов и Канады. Некоторые считают, что в недалеком будущем CELAC заменит собой Организацию американских государств, где издавна верховодят США. Кое-что уже сделано, образован Союз южноамериканских наций (UNASUR), работающий довольно успешно.

Латинская Америка становится все более независимой в международных вопросах. Бразилия, в частности, весьма выделяется на всемирной арене, что Соединенным Штатам не по вкусу.

Если на следующем саммите Америк появятся представители Кубы, то, вероятно, Соединенные Штаты на нем уже не будут представлены. А сумеют США снова преградить Кубе путь на эту всеамериканскую встречу — и саммит, возможно, не состоится. Вашингтон остался в одиночестве по поводу смягчения законов о торговле наркотиками. Все больше стран Западного полушария склоняются к тому, чтобы изменить нынешнее положение дел. Даже наиболее консервативные президенты призывают к декриминализации. Речь идет не о том, чтобы узаконить продажу наркотиков, а о смягчении карательных мер за их употребление или хранение. Предложено рассматривать торговлю наркотиками как административное нарушение, а не уголовное преступление. Так штрафуют водителей за неправильную парковку. Это уже успешно проделывают в Европе. К этому же ныне движется большинство стран Латинской Америки: там «сняли проклятие» с марихуаны и,

возможно, снимут его с кое-каких других наркотиков. Только Соединенные Штаты остаются непреклонными.

Вопрос очень важен: именно жители стран Латинской Америки и Карибского бассейна страдали от прежней политики больше всех. В одной только Мексике в результате связанного с наркотиками насилия были убиты десятки тысяч людей. Главный источник бедствий — Соединенные Штаты. Собственно, двойной источник: именно США обеспечивают основной спрос, а в то же самое время основное предложение наркотиков — ныне в этом не остается сомнений. Мексиканские подпольные дельцы получают все больше оружия именно из США. Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, федеральное правительственное бюро, исследовало конфискованное в Мексике оружие. Выяснили: на 70 % оружия значится: «Сделано в Соединенных Штатах Америки». Причем тип оружия, поступающего из США в Мексику, также со временем меняется. Еще два-три года назад контрабандисты завозили в Мексику главным образом пистолеты, а сегодня это по большей части штурмовые винтовки (автоматы) и пулеметы. Что будет дальше, не знает никто.

Все это связано с безумным культом оружия, существующим в Соединенных Штатах. Не знаю, заметили ли вы, но Рэнд Пол недавно призвал народ противостоять усилиям Барака Обамы и Хиллари Клинтон, стремящихся окончательно уничтожить остатки нашего суверенитета, позволить Объединенным Нациям забрать наше оружие. Затем, естественно, Объединенные Нации придут и завоюют нас. ООН обсуждает ныне договор о стрелковом оружии. Стрелковое оружие означает не только револьверы и пистолеты. Стрелковым зовется любое оружие, уступающее размерами танку. Из него убивают повсеместно. Сотни тысяч людей гибнут ежегодно, убитые из стрелкового оружия; среди жертв немало граждан США. Именно поэтому и предпринимаются попытки подписать договор, который мог бы регулировать поток оружия. Однако в умах либертарианцев, подобных Рэнду Полу, намерение подписать такой договор — очередная попытка темной, злодейской шайки, именующей себя ООН, похитить нашу свободу.

*Рэнд Пол — это сенатор-республиканец от штата Кентукки, сын Рона Пола.
И, видимо, будущий вождь либертарианцев.*

А какова роль Канады? Почему Оттава пляшет под вашингтонскую дудку?

Последние годы были в этом смысле весьма любопытны. В основном дело связано с Североамериканской зоной свободной торговли, но есть и более общие тенденции. Канадский и американский капиталы все больше и больше сливаются, это сближает канадскую и американскую элиту. Можно, конечно, задаваться вопросом о причинно-следственной связи, но канадская правительственная политика, осуществляемая под руководством премьер-министра Стивена Харпера, не только стремительно сближается с политикой США, но и в некоторых случаях становится намного резче американской. Канада во многих отношениях теряет свою культурную, экономическую и политическую независимость. Она все больше и больше походит на страну, зависящую от США.

Энергетика — стержень этой интеграции. Нефтеносные пески в Канаде — огромный источник энергоресурсов, но в то же время и угроза для окружающей среды. Сегодня идут оживленные переговоры относительно того, кто будет разрабатывать эти залежи. Соединенные Штаты, разумеется, хотят участвовать, но Канада то и дело намекает: вступим в партнерство с Китаем, крайне заинтересованным в разработке нефтеносных песков. То есть вступим, если нас не устроят американские условия. Сейчас это величайшее яблоко раздора в отношениях между США и Канадой. В 2012 году в своей речи «О положении в стране» президент Обама с воодушевлением говорил: перед нами целое столетие энергетической независимости! Мы сможем добывать достаточно горючих ископаемых в Северной Америке — природного газа в Соединенных Штатах и нефти из нефтеносных песков. Однако Обама ни слова не сказал о том, во что превратится мир по истечении этих ста лет, если мы

используем упомянутые ископаемые. Споры о местных последствиях разработки нефтеносных песков уже начались в Канаде, но положение гораздо хуже — речь идет о глобальном влиянии таких работ на окружающую среду. Серьезнейшем отрицательном влиянии.

Канада — один из крупнейших мировых центров добывающей промышленности. Раздоры, связанные с добычей полезных ископаемых, приводят к войнам и насилию повсюду — от Латинской Америки до Индии. В Индии, к примеру, именно из-за полезных ископаемых непрерывно ведутся междоусобные войны. То же самое происходит в Колумбии и многих других странах.

Что вы можете сказать о гидравлическом дроблении подпочвенного пласта? Его используют во время добычи природного газа, известной как фрекинг?

Фрекинг вызывает серьезные последствия. Требуя огромного количества воды, он и сам-то по себе крайне опасен для окружающей природы, что уже вызвало громкие общественные протесты. Но дело обстоит гораздо хуже. Предположим, фрекинг сумели сделать экологически безопасным (что неосуществимо). Но мы же все равно используем полезные ископаемые. И рано или поздно полезные ископаемые иссякнут. Нельзя долго двигаться в этом направлении: скоро приблизимся к черте, за которой опустошение природных ресурсов планеты станет уже необратимым. Нельзя с точностью сказать, когда наступит это время, ясно лишь одно — это время не за горами.

Футбольный клуб «Миннесота Вайкингс» пригрозил перебраться в Лос-Анджелес. Теперь налогоплательщики штата Миннесота раскошелятся на полмиллиарда долларов из общественных фондов штата, чтобы соорудить новенький стадион и улестить команду. Пусть «Викинги» остаются в Миннесоте!

А Флорида недавно объявила: урезаем расходы на местный университет. В итоге Флоридский университет избавляется от многих академических программ, включая информатику, но щедро сыплет деньгами на любые спортивные затеи.

Спортивные кафедры американских университетов живут в ином мире. Оклады тренеров, работающих там, исчисляются миллионами долларов.

Однажды, помнится, читал я лекцию в каком-то университете университетов. Забыл уже, где именно; а вот чего не забуду вовеки, так это огромного стадиона — первого, что бросалось в глаза на подступах к университету. Возле стадиона красовалось роскошное здание. Спрашиваю студентов: что за красота несказанная? Отвечают: «Общежитие футболистов». Оказалось, те учатся по особой, льготной программе, их особо натаскивают для сдачи экзаменов по всем предметам — лишь бы могли играть в футбол!

Много лет назад вы признавались, что слушаете спортивные радиорепортажи. Все еще слушаете их?

Да, все еще слушаю.

Помнится, вы тогда говорили: спортивные шоу показывают, насколько лживы все заявления о том, что среднестатистический обыватель не в состоянии понять сложных, тонких вещей. И что звонящие на радиостанцию люди поистине бесстрашны. Можно слышать, как они кричат: «Уволить этого мерзавца! Выгнать вон этого тренера! Линчевать такого-то игрока!»

Безусловно, это поразительно. Во-первых, эти люди сведущи и очень уверены в себе, а во-вторых, всегда готовы бросить вызов власти, что похвально. Если не нравится сказанное тренером, они громогласно заявляют: от олуха необходимо избавиться. Мы умнее, чем он. Если бы перенести подобное смелое отношение к делу и в другие области нашей жизни, то состояние общества изменилось бы к лучшему.

Вы читали в новостях о том, что ваш родной город Филадельфия закрывает сорок школ?

Нет, не читал, но такое происходит повсюду. Месяца два назад представители одной из черных общин Гарлема пригласили меня прочитать лекцию в их церкви. Знаменитая церковь с долгой и славной историей в деле защиты гражданских прав. Прихожане просили прочесть лекцию об образовании. Во время лекции слушатели выразили серьезную озабоченность тем, что происходит с американским образованием. Они считают, что на систему оказывают серьезное давление, государственные школы бедствуют, открываются новые чартерные школы. Это, в свою очередь, разрушает местные общины, снижает степень участия школ в привычной жизни округа, а его афроамериканские общины дорожат чрезвычайно.

Калифорния — один из богатейших уголков земли. Сегодня этому штату приходится туго; крупнейшие государственные университеты — Беркли и Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (UCLA), истинная гордость высшего американского образования, по сути, приватизируются. Они уже не многим отличаются от университетов Лиги плюща³⁷. Плата за обучение стала невероятно высока. Одновременно с этим остальные высшие учебные заведения штата обнищали настолько, что студенты и преподаватели намерены выйти на забастовку: протестовать против дальнейшего урезания средств. Университет штата Калифорния заявил, что вынужден прекратить прием заявлений от абитуриентов на весенний семестр 2013 года. Система образования для широких слоев населения приходит в упадок. Зато процветает частное образование для богатых, привилегированных и небольшого числа тех, кто удостоился государственной стипендии. Классовая система образования в чистейшем виде.

Одно из поразительных явлений, наблюдаемых в последние годы, — превращение университетов в корпорации. Очень быстро увеличилось число административных сотрудников, появились новые административные слои. Процветает корпоративное мышление. Каждому новому администратору необходим заместитель, а тому необходим свой заместитель и так далее. Одновременно роль профессорского и преподавательского состава резко уменьшается. Вот очень полезная книга: «Падение профессуры» (The Fall Off the Faculty), написанная Бенджамином Гинзбергом.

Все это — лишь начало генерального наступления на систему образования. Как мы помним, это всего лишь составная часть еще более широкого наступления на общество в целом. Таков неолиберализм, против которого люди протестуют повсеместно: и «оккупанты» в Соединенных Штатах, и активисты на площади Тахрир в Египте. Движения протеста проявляются по-разному в разных странах, но возникают повсюду. Нынешняя общественная система пагубна для всех, кроме богатых. Есть небольшая, очень интересная монография, только что выпущенная Институтом экономической политики — главным источником надежных и систематических данных о рабочей Америке и американской экономике, — она озаглавлена «Преднамеренный провал» (Failure by Design). Автор книги, Джош Бивенс, проводит обзор экономической политики в стране за последние сорок лет и приходит к выводу: эта политика заканчивается ныне полным провалом и крахом — из-за классовых различий. Конечно, кое-кто сумел добиться невероятных успехов, но эти люди составляют одну десятую процента населения: биржевые маклеры, директора компаний, — а для подавляющего большинства те же годы были тяжкими. И все это было преднамеренным. Возможно, было множество других политических курсов, но власть выбрала именно этот.

События развиваются крайне драматически. Европейские банки и бюрократы навязывают всем политику жесткой экономии в условиях наступившего промышленно-экономического застоя. Положение наверняка ухудшится далее и еще более

³⁷ Лига плюща — ассоциация восьми частных университетов на северо-востоке США, куда входят Колумбийский и Гарвардский, которые считаются одними из лучших университетов в мире. Название Лиге дали победы плюща, обвивающие старые здания в этих университетах.

затруднит выплату долгов. Эту политику резко критикуют экономисты, даже деловая пресса обрушивается на банкиров, но те все равно продолжают политику жесткой экономии. Объяснить происходящее экономическими соображениями сложно. Даже думаю — невозможно. И все же объяснение можно найти. Его довольно вразумительно изложил в интервью газете Wall Street Journal президент Европейского центрального банка Марио Драги. Он сказал: социальный контракт в Европе закончился. Иначе говоря, Европа свой социальный контракт прикончила.

Вы всегда говорите о структурных основах и учрежденческих нуждах, связанных с такой политикой. Но разве не полагается врачу поддерживать пациента в хотя бы относительно добром здравии до последней возможности? Не убивают ли они курицу, несущую золотые яйца?

Все зависит от того, насколько далеко вы заглядываете в будущее. Сегодня в мире имеются огромные резервы дешевой рабочей силы. Вы с легкостью можете перенести производство куда угодно. Если вы компания Apple, одна из богатейших корпораций в мире, то передадите свое производство тайваньской компании под названием Foxconn и начнете эксплуатировать рабочих на юго-западе Китая. Жить и трудиться ваши рабочие будут в ужасающих условиях, в отчаянии совершая самоубийства, но вы будете получать при этом огромную прибыль. Если китайский труд окажется дорогим, можно перебраться в Бангладеш или Черную Африку. Странствовать по белу свету делец может долго, очень долго. Да, проблема есть, но она еще маячит в отдаленном будущем, таких же проблем в капиталистической экономике и без вас немало. Подумаешь, одной проблемой больше! Существует проблема перепроизводства. Существует проблема накоплений. Все это даст о себе знать лишь в отдаленном будущем. С перечисленными проблемами пытаются как-то сладить, однако без особого энтузиазма — ибо все заняты главным: получением немедленной прибыли и всевозможных привилегий. Так устроен бизнес.

Компания Apple удобно расположила свой главный офис в городе Рено, штат Невада, и, по словам обозревателей, таким образом «компании удалось избежать уплаты миллионов долларов налогов в штате Калифорния» и других штатах. А штат Калифорния вынужден урезать свои программы вдоль и поперек.

Ну, это прием испытанный. Зовется глобализацией. И применяют его уже довольно долго.

Роберт Райх был министром труда при Клинтоне. Сегодня он выдающийся эксперт в области средств массовой информации, профессор университета в Беркли. Райх говорит: во Франции «социализм не стал ответом на основные проблемы, неотступно преследующие все богатые нации». Ответом, как заявляет Райх, «была бы реформа капитализма... Нам не нужен социализм. Нам нужен капитализм, благотворный для подавляющего большинства населения». Что вы думаете об «устойчивом капитализме»?

В известной степени я с ним согласен. Если заглядывать в ближайшее будущее, то о построении социализма нечего и мечтать. Народного одобрения не ждите. Народ еще не понимает сути социализма. Райх, безусловно, имеет в виду иное; однако если не глядеть шире обозначенных им рамок, то следует согласиться: он прав.

А если заглядывать в отдаленное будущее, то обнаружится, что слова Райха содержат внутреннее противоречие. Капитализм есть производство материальных благ ради прибыли, а не ради удовлетворения чужих потребностей. Кроме того, капитализму необходима постоянно растущая прибыль. Это приводит к саморазрушению. А еще имеет место постепенная монополизация экономики, появляются олигополии, возникает перепроизводство и, как следствие, прибыль уменьшается. Таковы долгосрочные последствия капитализма, их можно замедлить, однако они просто неотделимы от капитализма как явления.

По-моему, нынешнее общественное устройство порочно в корне своем. Приходится напоминать о всечеловеческих ценностях. Отчего при существующей системе одни люди всегда приказывают, а другие всегда повинуются? Чрезвычайно важный вопрос. И нужна ли нам подобная политическая система? Нужна ли нам подобная экономическая система? — особенно учитывая то, что системы экономическая и политическая неразрывно связаны, чем ты богаче — тем сильнее влияешь на политику и власть. Или пора уже переходить к форме собственности, при которой промышленные предприятия принадлежат рабочим и, следовательно, рабочие же ими и управляют? Найдите этому любое название — именуйте хоть капитализмом. Именуйте как заважорассудится. Но только по этому направлению общество и может двигаться в будущем — к большей демократии, к упразднению незаконной власти, ныне принадлежащей крупному капиталу.

Шаги в этом направлении уже предпринимаются. Создается новая Международная организация за интерактивное общество, возникающая на основе ZNet. Объединенный профсоюз работников сталелитейной промышленности США начинает совместный проект с Мондрагонской кооперативной корпорацией — огромным конгломератом в Стране Басков, в Испании, которым владеют и управляют рабочие. Мондрагонская кооперативная корпорация управляет промышленными предприятиями, банками, школами, больницами, жилищными комплексами. Довольно успешно с экономической точки зрения, но слишком громоздко по промышленной структуре. Эта корпорация работает в международной капиталистической среде, в квазирыночной экономике, что зачастую вызывает ужасные последствия. Но такие предприятия, как Мондрагонская кооперативная корпорация, все же могут стать тем, что Михаил Бакунин однажды назвал «семенами будущего», брошенными в сегодняшнем обществе. Не знаю, что обо всем этом думает Роберт Райх, но полагаю: коль скоро заглядывать в отдаленное будущее, то здесь намечается очень здравый путь.

Во время лекции в Университете Лойолы вы заметили, что у Томаса Джефферсона были довольно серьезные опасения насчет судьбы, могущей постигнуть все демократические затеи. Он опасался, что возникнет новая разновидность абсолютизма, куда более злоеущая, нежели британское правление, павшее в итоге Американской революции. На закате жизни Джефферсон различал «аристократов и демократов», как он любил выражаться. Он заявил следующее: «Надеюсь, мы сумеем... сокрушить еще в зародыше аристократию наших богатых корпораций, уже посмешиую бросить вызов и правительству, и законам нашей страны». Джефферсону же принадлежат слова: «Искренне полагаю: банковские учреждения сильнее и опаснее целых вражеских армий». Эти и подобные высказывания одного из отцов-основателей США нечасто цитируются в сегодняшних источниках.

Да, эти цитаты нечасто можно увидеть. Подобные опасения существовали изначально, тому было множество причин. Опасения остаются в силе поныне, просто поводы для них постоянно меняются, принимают новые формы.

Кажется, Бакунин сказал: «Везде, где есть государство, один класс непременно будет угнетает другим»?

Верно, это его слова, но я бы посмотрел на вещи несколько иначе. Ведь государство — не единственное средоточие общественного влияния. Существует и другой центр влияния — концентрированный частный капитал. И, пока этот капитал существует, именно государство выступает единственным защитником общества от произвола капиталистов. Думается, Бакунин прав, критикуя государство как угнетателя, но государство также является и защитником.

Бакунин не был последовательным мыслителем, однако природу власти понимал глубоко — понимал и то, что властью можно пользоваться, а можно злоупотреблять. Бакунинские разногласия с Карлом Марксом сводились главным образом к этому. Учение Карла Маркса, как его понимал Бакунин, гласило: радикально настроенная интеллигенция

должна возглавить рабочее движение — для пользы самого же движения. И русский мыслитель очень точно предсказал: именно революционная интеллигенция, которую он окрестил «новым классом, научной интеллигенцией», двинется по одному из двух путей: либо станет «красной бюрократией» и установит во имя рабочего класса наиболее деспотичный режим из всех, когда-либо существовавших, либо она осознает, что все же подлинная власть обретается в руках частного капитала, — и станет его прислужницей. Именно так и вышло. Очень верное политическое пророчество — одно из очень немногих социологических предсказаний, относившихся к далекому будущему и полностью сбывшихся. Его необходимо изучать во всех курсах истории и других общественных наук.

Появилось целое движение, требующее отменить постановление Верховного суда США, принятое в январе 2010 года по делу «Объединенные граждане против Федеральной избирательной комиссии». Упомянутым постановлением отменили государственное регулирование системы финансирования избирательных кампаний. Как сказал один критик: «Они узаконили корпоративный подкуп избираемых нами политиков». Что вы думаете об организации «Объединенные граждане» и осуществимости перемен в поправках американской конституции? Ведь это может занять долгие годы.

Тут целый ряд вопросов, включая и тактический, вами поднятый, и принципиальный вопрос: а где же корень зла? Оба вопроса достойны внимания. Относительно тактической задачи думаю: требовать изменений в конституции США имеет смысл хотя бы для того, чтобы народ сделался более сознателен политически — внимание людей привлекается к существующим неурядицам. И не важно, сколь долго продлится борьба. Если достаточное количество граждан заинтересуется проблемой, они обратят внимание и на более радикальные цели, имеющие более принципиальное значение, — тут мы возвращаемся к сути вопроса. Думаю, организацию «Объединенные граждане» создали поспешно и неразумно, это неудачное решение. Однако это всего лишь приправа, а не само блюдо. Дело в том, что персонализацию корпоративных учреждений предлагают уже больше века — «Объединенные граждане» далеко не первые, кто поднимает этот вопрос. Об этом нужно думать всем.

Почему корпорации должны обладать правами, обычно присущими частным лицам? На сегодня права корпораций намного больше тех, которыми обладают отдельные граждане — так сказать, людская плоть и кровь, простые смертные. Корпорации бессмертны, их оберегает государство. Основной принцип корпоративной деятельности — ограниченная ответственность, а это означает: будучи одним из участников корпорации, вы лично не в ответе ни за что — даже за убийство десятков тысяч людей в индийском городе Бхопал.

Вы имеете в виду взрыв на заводе корпорации Union Carbide в Бхопале, прогремевший в 1984 году? Тогда погибло двадцать тысяч человек.

Да, это лишь один из примеров. Почему корпорации следует поставить вровень с частными лицами? Корпорации стремятся до предела расширить права своих акционеров — за счет всех других заинтересованных сторон, чьи права ущемляются. Почему граждане должны мириться с этим? Не вижу здесь никаких экономических обоснований.

Согласно условиям договора о Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA), американские корпорации, работающие в Мексике, имеют право на так называемый национальный статус. Однако мексиканские граждане, как известно, не имеют права получить национальный статус, скажем, в американском штате Аризона. Почему же корпорациям причитаются подобные права?

Другое важное решение Верховного суда США «Бакли против Валео», принятое в семидесятых годах, приравнивает деньги к речи — трактует их как некую речевую разновидность. Это решение имеет далеко идущие последствия. Если деньги суть форма речи, то получается, что имеющие много денег обладают правом кричать громче прочих. Должен добавить: Американский союз гражданских свобод поддержал это решение на

основе того, что здесь мы видим одно из проявлений абсолютной свободы слова. Не уверен, что они вообще осознают последствия такого решения.

«Объединенные граждане» открывают путь для обширных финансовых вкладов в избирательную кампанию, искажающих всю политическую систему страны. Правда, это уже длится много лет. Поэтому, обсуждая такую тему, следует говорить: ширится давно существующее явление, которое вообще не имеет права на существование.

Когда-то Карл Маркс сказал: задача человека заключается не только в том, чтобы понять мир, а в том, чтобы изменить его. Вы посвятили этому всю свою жизнь.

Старался как умел; а хорошо ли это у меня получилось — решать другим. Но, конечно, думаю, что все мы должны пытаться изменить окружающий мир к лучшему в ближайшее время, решить самые неотложные проблемы: уничтожение окружающей среды, возможность ядерной войны, пагубные болезни — ведь это поистине смертоносно для человечества. Судьба всего людского рода зависит от скорейшего решения этих проблем. Таким образом, в ближайшем будущем каждый может принять участие в работе над тем, что зовется реформами. А некоторые могут решить: необходимо добраться до самого сердца незаконной власти, остановить его — и затем двигаться к большей свободе и независимости.

Но ведь вы предупреждали: победы не приходят быстро. То есть это не спринт. Это — марафон.

Да, это марафон, и такой марафон, в котором бегуны часто принуждены двигаться вспять. Сейчас, например, заметен изрядный регресс. Последние тридцать лет вообще были во многих отношениях временем регресса, хотя активность народных масс и возрастала. История — дело весьма непростое.

У вас есть внуки. Каким вы видите мир, который им достанется?

Предполагаемое будущее, сказать по правде, выглядит отнюдь не привлекательно. И все же очень многое зависит от воли людей. Нельзя предсказать ход грядущих общественных движений или тех усилий, которые предпримет человечество, изменяя мир. Это невозможно. Никто не мог предвидеть в 1960 году, что горстка чернокожих студентов, усевшихся за стойкой бара «для белых» в городе Гринсборо, штат Северная Каролина, положит начало массовому движению за гражданские права чернокожих. Никто не смог бы предсказать на заре женского движения за равные права, что оно коренным образом изменит культуру США. Спроси вы меня год назад: «Имеет ли смысл оккупировать Зукотти-парк?» — я, скорее всего, молча покрутил бы пальцем у виска. Это казалось бессмысленным. Но ведь возымело действие — да еще какое!.. Что можно сказать? Поживем — увидим.

Какой совет вы дадите молодым людям, начинающим жизненный путь?

Каждый вечер, вернувшись домой, принимаюсь отвечать на сотни писем, пришедших по электронной почте, — и заранее знаю: большая их часть будет от молодых людей, которые жалуются: «Не могу глядеть на то, как устроен этот мир. Не могу больше терпеть. Что же мне делать?» Подобных писем поступает столько, что я вынужден отвечать одинаковым, загодя составленным текстом. Он говорит: вы уже на пути к решению вопроса, ибо сами уразумели: в обществе далеко не все ладно и хорошо. Общего ответа здесь нет. Не существует единого ответа, приемлемого для каждого человека, на каждый жизненный случай. Все зависит от того, кто вы, что вас тревожит, какими возможностями вы располагаете, насколько решительно хотите посвятить себя улучшению мира, какими обладаете способностями. Но можете считать себя счастливым человеком, избранным — будь иначе, вы не просили бы совета, которого просите. Это значит, у вас имеется много возможностей — куда больше, нежели у ваших сверстников в других странах или даже здесь, в США всего лишь поколение тому назад. Воспользуйтесь наследием предыдущего поколения. Все это весьма непросто, но ведь и никогда не было просто. Есть возможность

все изменить. Нужно только отыскать собственный путь.

Никто не в силах ответить другому человеку на вопрос: «Чему посвятить жизнь? Как нужно жить?» Необходимо найти ответы самостоятельно. Вовсе не исключено, что вы пойдете неправильным путем. Вас постигнут неудачи, из них возможно извлечь урок и затем, вернувшись, отправиться в путь снова — уже в правильном направлении. Все зависит лишь от вас самих.

Простите мою дерзость, но вам уже далеко за восемьдесят. Вы намереваетесь и дальше помногу путешествовать, подолгу выступать перед слушателями? Вы уже больше не преподаете, не так ли?

Да, хотя продолжаю работать со студентами, а иногда еще преподаю, читаю лекции. Да, конечно. Постараюсь по мере сил заниматься и тем и другим. На этот счет ничего особо глубокомысленного сказать не могу. Я не загадываю наперед, понимаю: жить остается уже не очень долго, и постараюсь провести остаток жизни по возможности не впустую.

Но ведь у вас неплохое здоровье?

Приемлемое. Не жалуюсь.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)